

СКОМОРОХИ

на

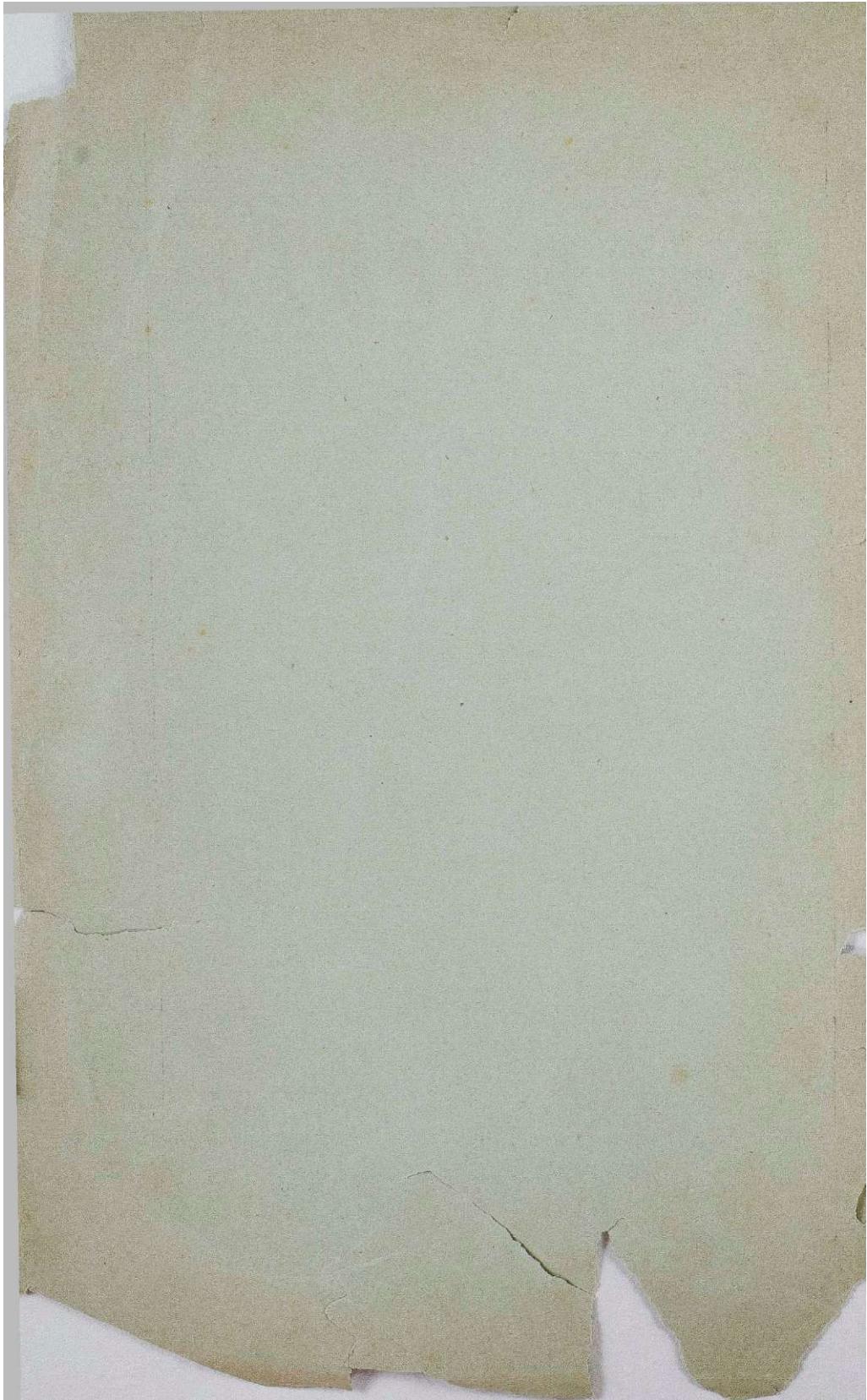
РУСИ.

„Веселые скоморохи
Садились на лавочки,
Заяграли во гусельцы,
Зацѣли они пѣсеньку...“
К. Даниловъ. Древ. Росс. стих.:
„Гости Тверитища“.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Ал. С. Фаминцина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Аригольда, Литейный просп. № 59.
1889.

СКОМОРОХИ

на

РУСИ.

„Веселые скоморохи
Садились на лавочки,
Запграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсеньку...“

*К. Даниловъ. Древ. Росс. стих.:
Гость Терентьевъ.*

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ал. С. Фаминцына.

C.D.

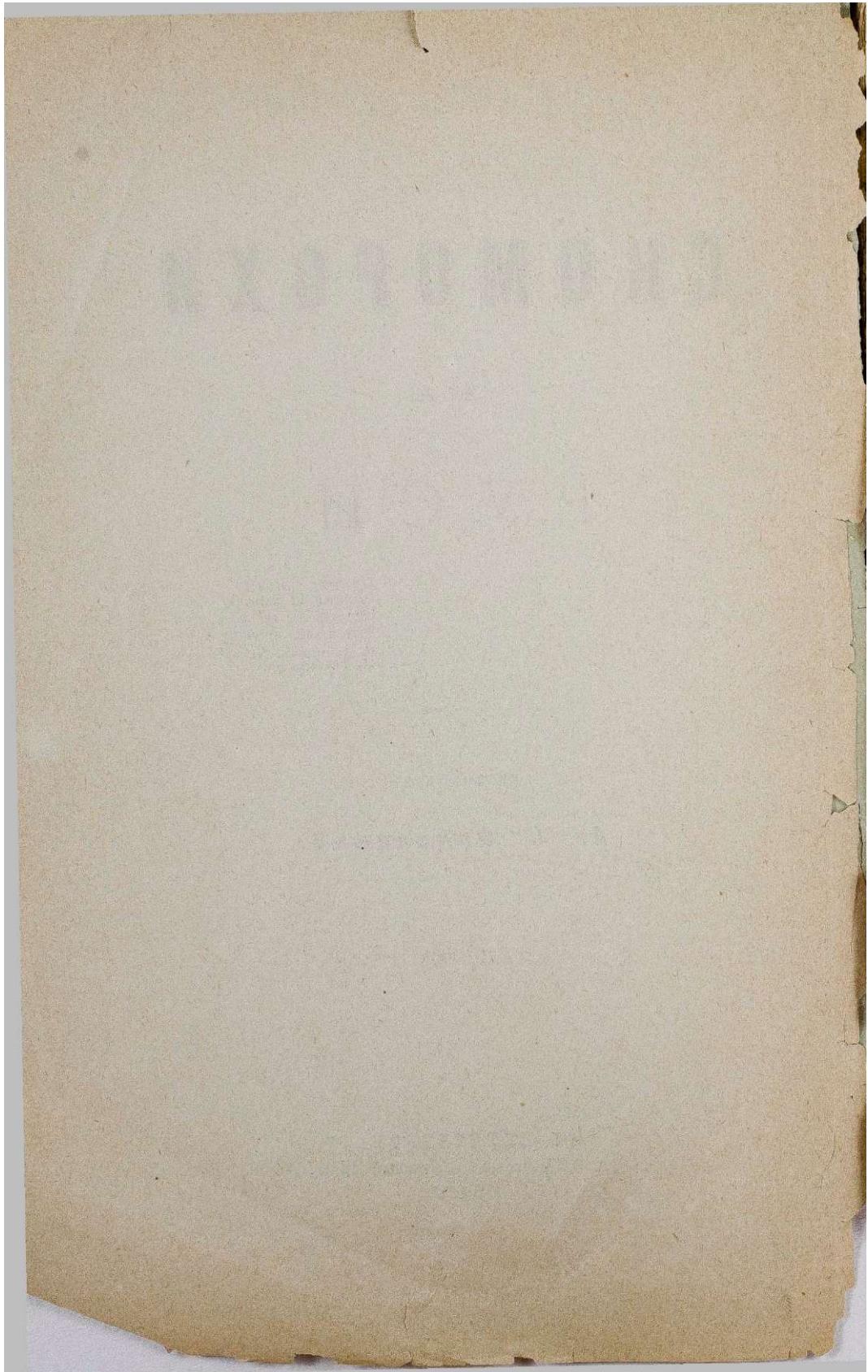
BOORANIE

№ 6149V

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Типографія Э. Арнольда, Литейный просп. № 59.

1889.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
ВСТУПЛЕНИЕ1
Гл. 1. Скоморохи—«веселые люди».	3
Гл. 2. Искусство скомороховъ.	
а. Играють и поютъ въ домахъ, въ особенности на пирахъ.	6
б. Участвуютъ въ свадебныхъ торжествахъ.	17
в. Великая игра.	
аа. Боянь-гудецъ и скоморохи. Повествование про страны далекія и времена стародавнія. Повествование сказочный и шуточный. Величаніе и славленіе. — Бахари. Домрачи.—«Песни царскія».	27
бб. Игрошки непрофессиональные. Дружинники. Добриня Никитичъ. Ставръ Годиновичъ. Соловей Будимировичъ. Садко. Разные игроки-любители.	54
г. Веселая игра.—Плясовая игра.	64
д. Скоморохи—плясуны.	75
е. Увеселяютъ народную толпу.	
аа. Играють на улицахъ и площадяхъ городовъ и сель, на кладбищахъ и поляхъ.	78
бб. Переряжаютъ: Москолудство. — Окрутики. — Скоморохи и русалы.	83
ив. Скоморохи—глумцы и смехотворцы. — Позоры.—«Пешное действие» и «Халдеи». — Скоморохи-кукольники. Кукольный ящикъ. Вертеиль (Ясли). Раѣкъ.—Шуты (дураки). Ерема и Замазка, бома и Ерема	91
гг. Скоморохи и вожаки медведей и другихъ ученыхъ зверей.—Плясуны на каната.	118
ж. Скоморохи—кудесники, знахари.	129
Гл. 3. Скоморохи — люди йрохожіе, голыші, пьяницы. — Скоморохъ побѣждаетъ жида-философа. — Скоморохи — проказники, воры, грабители. (Волочебники. Колядовщики.)	133
Гл. 4. Скоморохи оседлые.	149
Гл. 5. Награжденіе скомороховъ и презрѣніе къ нимъ, какъ къ слугамъ антихристовымъ.	
а. Шедрыя награды.—Плата гудочная (мзда).	156
б. Сноморошество во слушеній дьявола.	159
аа. Игра и музыкальные инструменты.	160
бб. Пляски и песни.	162
вв. Переражванія.	164
гг. Глумы, медвежья комедія и проч..	165
в. Скоморохи и ихъ слушатели на томъ стрѣле.	166
г. Презрѣніе къ сноморохамъ.	167
Гл. 0. Конецъ сконорохамъ.	.174

ЗАМЕЧЕННЫЙ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано!

Следует читать:

Страница	17	строка	3	снизу:	XII.	VII.
61	»	3	сверху:	«веселой»	«великой»	
77	»	11	>	Москв®	Новгород*	
89	»	4		54	93	
91	>	2	»	«Русали»	«Русали	
129	»	10	снизу:	дд. Споморохп--кудес-	ш. Скоморохи—кудес-	
				ники, знахари.	ники, знахари,	
136	>	13	»	напаивать	попаивать	
141	»	.. 13	>	въ подполье	въ подПОЛЬ®	
178	>	2	>	дихъ	нихъ	
181	»	5	сверху:	своим	своими	
182	>	10	снизу:	«кабылками»	кабылками	
187	»	7	сверху:	Арбатской	Ирбитской	

ВСТУПЛЕНИЕ.

Представителями светской музыки въ Россій съ древн-Мшихъ временъ, въ теченій многихъ столітій, служили искусники или поташники, издавна носившіе название скомороховъ. Весь продолжительный періодъ йсторії светской музыки въ Россій съ XI віка (раньше этого времени мы не им'ємъ нисъменныхъ свидѣтельствъ о музыкантахъ и п'евцахъ русскихъ) до средины XVII стол'тія можетъ, по справедливости, быть названъ эпохою скомороховъ.

Скоморошество—явленіе, общее всѣмъевропейскому народамъ въ средніе віки; скоморохи—преемники греко-римскихъ скиниковъ или мимовъ, народныхъ потѣшниковъ, подвизавшихся пастью на сценѣ; или просcenіумі театра, частью на пирахъ и попойкахъ, на улицахъ, площадяхъ и въ питейныхъ домахъ. Откуда бы ни пришло въ Россію искусство скомороховъ, съ юга ли (изъ Візантій) или съ запада,—но уже въ XI вѣкѣ оно оказывается привитымъ и укоренившимся въ обиходѣ народной жизни русской; съ этой поры оно можетъ быть разсмотриваемо какъ явленіе, на русской почвѣ вполне акклиматизированное и принявшее здісь самостоятельное развитіе, сообразное съ местными условіями и характеромъ русского народа. Скоморохи—древн-Мшие представители народного эпоса, народной сцены, народного музыкального искусства.—Располагая въ хронологическомъ порядка дошедшія до нась свидѣния о скоморохахъ, мы можемъ проследить и постепенное обогащеніе состава находившихся въ распоряженій ихъ музыкальныхъ орудій. Къ первоначальному, древнейшему инструменту скомороховъ—гуслямъ, о которыхъ почти исключительно упоминается въ русскихъ быт-

линахъ Владимирова цикла и преимущественно—въ ста-
ринныхъ народныхъ п-бсняхъ, сперва присоединяются тру-
бы, бубны, сошибли, ПОЗНіе—сурны, домры, волынки или ду-
ды, гудки (смыки), лиры, органы, свирели и т. п. инстру-
менты. Предоставляя себі въ особой стать-Ь разсмотреть эти
музыкальные орудія, обращаюсь теперь къ носителямъ и
представителямъ ихъ—«гудцамъ» или «игрецамъ» скоморохамъ; постараюсь наследовать, въ чемъ именно заклю-
чалось искусство скомороховъ, разсмотрѣть характеръ ихъ,
разносторонность поташной ихъ деятельности, отношение
къ нимъ народа, наконецъ—гибель и замыщеше ихъ иными
представителями музыкального искусства.

Ж'лава первая.

Скоморохи—„веселые люди”.

Музыкальные искусники—скоморохи, соответственно потешной ихъ деятельности, на народномъ языке, какъ въ песняхъ, такъ и въ исторически.\ъ памятникахъ, нередко именуются «веселыми людьми», «веселымимолодцами». Въ былине о госте Терентьище описываются

Веселые скоморохи,
Скоморохи люди вежливые,
Скоморохи очеетливые.

Терентьевы жена, завидевъ ихъ изъ окошечка, заводить съ ними речь:

«А и вы гой еси, веселые молодцы!»

и вследъ за темъ приглашаетъ войдти къ себе въ домъ:

«Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую гридню»... ')

Въ былине о Ставре Годиновиче, Ставрова жена снршиваетъ князя Владйміра:

Чъмъ ты, Владйміръ князъ, въ Киевъ потішаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы? ²⁾

Въ другой песне изображается толпа «веселыхъ», т. е. скомороховъ, съ музыкальными инструментами своими расхаживающихъ по улицамъ:

') Кирша Дніловъ. Древнія россійсьвія стїютворенія. 1878 г. Стр. 10, 12, 13.
-) Тамг же: стр. 91.

Веселые по улицамъ похаживаготъ,
Гудки и волышни поиативаютъ,...

и далі;е:

Веселые-то ребята злы, догадливы...

Еще въ одной ПЗЗСНІ:

Какъ шли прошли веселые
Два молодца удалые,
Они срѣзали по пруточку,
Они сделали по гудочку...²⁾)

Въ варіанті этой пісні вместо «веселые» поется «скоморохи»:

Узкъ какъ шли прошли скоморохи,
Срѣзали по пруточку и т. д.³⁾)

Въ другихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ соединеніе обоихъ на званій: «скоморохи» и «веселые», напр.:

Прошли скоморохи, прошли молодые.
Молодые веселые...⁴⁾)

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ; Никитиче, читаемъ:

Обрядился Добрыня скоморошкою веселою...

и далее:

Заиграль тутъ скоморошка да веселая
А во ть ли звонцаты гусли.⁵⁾)

По словамъ народной пѣсни:

Сватался на Дунюшкъ веселый скоморохъ.⁽⁶⁾)

Въ заключительной припѣвкѣ къ былии о Михаиле Скопішіи встречается стихъ:

Еще намъ веселымъ молодцамъ (т. е. скоморохамъ) на потішенье.⁷⁾

¹⁾ Сахаровъ. Сказания русского народа. 1841—1849 г. I. ш стр. 221

²⁾ Тамъ же: I. ш, 87.

³⁾ Шейнъ. Русская народный пѣсни. 1870. I. Стр. 218.

⁴⁾ Бѣлевъ. О скоморохахъ. Временникъ Импер. Москов. Общества асторіи и древностей. 1854 г. Стр. 73,— Ср. выше стр. 3: «веселые скоморохи».

⁵⁾ Гильфердингъ. Онежскія былины. 1873 г. Стр. 1324.

⁶⁾ Якушкинъ. Народный русскія пѣсни. 1865 г. Стр. 191.

⁷⁾ К. Даналивъ. Древ. росе. стих. 193.

Во второй Новгородской летописи подъ 1571 годомъ читаемъ, между прочимъ: «втѣз поры въ Новгороде, и по всѣмъ городамъ и по волостемъ, на Государя брали веселыхъ людѣй...», а вследъ за тѣмъ говорится, что «поехалъ изъ Новгорода на подводахъ, къ Москве. Субота (дьякъ) и съ скоморохами», т. е. съ набранными для Государевой потехи «веселыми людьми»¹. Въ любопытной челобитной, поданной царю Михаилу (Федоровичу) крестьянами села Ширинги Ярославской губ., въ 1625 году, на помещика, князя Артемія Шейдякова, обвиняемаго ими въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, между прочимъ говорится, что онъ «веселыхъ (т. е. скомороховъ) держалъ у себя для потехи безпрестанно»²). Наконецъ въ одной старинной рукописи читаемъ о пошлине (годовщине), взятой въ 1656 году съ «веселыхъ гуляющихъ людей», т. е. со скомороховъ³.

¹) Полное Собрание Русскихъ Летописей. III, стр. 167.

²) О.И. у Соловьева. История Россіи съ древнѣйшихъ временъ. IX (1866 г.), стр. 429—430.

³) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. VI, стр. 67.

^ л а в а в т о р а / i .

Искусство скомороховъ.

а. Играютъ и поютъ въ домахъ, въ особенности на пирахъ.

Въ чемъ же заключалась доставлявшаяся скоморохами народу утеша? Ответъ на этотъ вопросъ даютъ многочисленные историческіе памятники, народныя песни и поговорки, а также наши былины, въ которыхъ скоморохи являются въ большинстве случаевъ еще въ древиMшемъ своемъ образѣ. въ виде гусельниковъ. Последніе играютъ па своихъ «звончатахъ» или «яроватахъ» (- - яворовыхъ) гусляхъ и поютъ песни, а иногда и пляшутъ для развлеченія слушателей; по одиночке или толпами, облекаясь въ особое «скоморошье платье»¹⁾, они носецаютъ пиры, княжеские или частные, и народные праздники, присутствуютъ на свадьбахъ, всюду внося удовольствіе и веселье.

Терентьевъ жена, въ упомянутой выше (стр. 3) былине, приглашая скомороховъ къ себе въ гридню, обращается

¹⁾) Лѣтописецъ Иереяславль-Суздалскій (XIII в.) сравниваете одіяніе Латинъ съ платьемъ скоморошескимъ: «начаша претроати еобі кошюли, а не срачици, и межиноже показывати п кротополіе ноєти, и аки гворѣ (— мъшокъ) въ ноговици створше образъ кильи имуще и не стыдящеся отынуд, аки скомораси». Изъ этого заключаютъ, что скоморохи, по крайней мірѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, носили особое, короткое платье и узкіе штаны съ нашивкою на межиножы. Сходный въ общихъ чертахъ костюмъ представляютъ скоморохи игрецы и плясуны на древней фрескѣ Киевско-Софійского собора (см. ниже, стр. 10). (Ср. Бѣляевъ. О скоморохахъ. 80). О скоморошескомъ платьѣ упоминается въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ, въ новости о пляшущемъ бісі (XVI в.), въ грамотѣ царя Алексея Михайловича (1648 г.1 и др. (см. ниже); изображенія скомороховъ и плясуновъ въ шутовскихъ костюмахъ встречаются на русскихъ народныхъ картинахъ (см. у Ровинскаго. Гуссія народныя картины. 1881 г. №№ 102, 103 и др.).

къ нимъ съ просьбой, «СПСТЬ на лавочки, цригратъ во гусельцы и прон'ть п'исенку», и «веселые скоморохи»

Садился на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они п'исенку...

Такимъ яге гусельникомъ, призываляемъ въ дома для утіхъ слушателей, быль первоначально и герой былинъ, Садко, сділавшійся потомъ богатымъ гостемъ (купцомъ); сперва Садко не иміль другаго имущества, кромъ гуслей, съ которыми и ходиль по пирамъ; когда же его не звали на пиръ, онъ скучаль безъ д'кта:

А прежде у Садкѣ имущества не было:
Одни были гусли яровчты.
По пирамъ ходиль—игралъ Садкѣ.
Садкѣ день не зовутъ на почестень пиръ,
Другой не зовутъ на почестень пиръ,
И третій не зовутъ на почестень пиръ,
Потомъ Садкѣ соскучился

Садкѣ отправляется къ Ильменю-озеру, играеть на его берегу и приводить въ восторгъ морскаго царя, который об'щає ему счастье и богатство. Какъ вернулся Садкѣ отъ Ильменя-озера,

Позвали Садкѣ на почестень пиръ. ¹⁾)

Имеются разныя свидетельства о зазываній скомороховъ въ дома. Такъ въ поученій Григорія Черноризца (XIII в.) предписывается не вводить въ домъ скомороховъ: «скомороха,... и гудьця и свирця н'Ь уведи у домъ свой глума ради»²⁾). Въ слові о русаліяхъ, приписывающемъ Нифонту, говорится о мужі, который, завидзувъ изъ палаты своей толпу пляшущихъ вокругъ пляшущаго же соп'льника (скомороха), останавливаетъ ихъ и велитъ играть, плясать и п'ять передъ собой ³⁾). «Кто ихъ (скомороховъ) пустить на дворъ добровольно, и они

¹⁾ Рыбников*. П'исній. 1861 г. т, стр. 370, 371,—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 384.

²⁾ Орезневскій. Свѣд'ши и замѣтки о малоизвестныхъ и иеззвѣстныхъ памятниках!. 1867. Гл. VII, стр. 56.

³⁾ Памятники старинной русской литературы, изд. иодъ редакц. Костомарова. 1860 -1862. I, стр. 207.

тутъ играютъ», говорится въ уставной грамоте бобровыхъ деревень крестьянамъ (1509 г.) Ч. «Въ домъ свой, къ жене и къ дѣтимъ приводили скомрахи, плясци, сквернословии», читаемъ въ одномъ изъ словъ митрополита Данійла(ХVI в.)³). Въ царской грамоте 1648г. приказывается, чтобы скомороховъ съ домрами и съ гусльми и съ волынками и со всякими играми «въ домъ къ себе не призывали»⁴). «Буде учнутъ... мірскіе люди техъ скомороховъ(съгусями, домрами, сурнами волынками) и медвѣжьихъ поводчиковъ съ медведьми въ домы свояпушки». читаемъ въ памяти митрополита Тоны (1657 г.)⁴.

Въ одной изъ былинъ о Добрыне, последній является на пиръ, наряженный скоморохомъ:

Накрутился молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестенъ пиръ.

Его приветствуюсь Владыміръ князъ и Опраксія королевична и упрекаютъ, что онъ раньше не заходилъ, а напрасно проживался:

Ат же ты, дѣтина прѣзжая,
Скоморошная, гусельная!
Для чего же ты долго проживаешься,
Пробѣдаешься, пропиваешься,
Нейдешь къ намъ па почестенъ пиръ.⁵)

Въ той же былине, въ разныхъ ея пересказахъ, упоминается и о целой толпе «гусельниковъ», «игроковъ», «гудочниковъ», или «скомороховъ», присутствующихъ на пиру. Добрыня просить князя, дать ему—гусельнику—местечко; на это князь отвечаетъ, что все места заняты гуселыщиками:

Еще всѣ міста да попризаняты
У молодыхъ да у гусельщиковъ.

¹) Акты историчеекю, собранные и изданные археографическою коштссиею 1841—1842, I, № 150.

²) Беляеве. О скоморохахъ. 78,

³) Икановъ. Онісаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ. 1850 г. Стр. 298.

⁴) Акты, собранные и изданные археографическою экенедайцю. 1836 IT Д' 98

⁵) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 135, 143.

Гильфердингъ. Онежск. был. 1029.

Какъ заигралъ Добрыня «въ гуселышки яровчаты» и зап-Ьль песню,

На пиру игроки всі пріумолкнулй,
Всft скоморохи пріослушались. ¹⁾

Или:

Еще вси то скоморохи пріумолкнулй,
Еще вси то игроки то призаслухались. ²⁾

Въ другомъ пересказ-?; Добрыня застаетъ на пиру толпу «гудосьниковъ»:

Вси въ гудки играютъ, вси увеселяютъ. ³⁾

Въ былине о Ставрі Годпновиче, во время пира, который князь Владіміръ устроилъ въ честь мнимаго посла,

Собрали веселыхъ молодцовъ яа княженецкой дворъ

или, по другому пересказу: «выпускаютъ загуселыциковъ», которые «все играютъ» ^{5).}

Древнейшее историческое свидетельство о присутствій и йтф гусельниковъ на княжескихъ пирахъ представляютъ Несторовы слова о Святополке (подъ 1015 г.): «клут' бо граду тому и земли той, въ немъ же князь гонъ, любяй вино пити съ гуслми», воскликаетъ л'Ьтописецъ ^{6).} Въ жіп'їп преп. веодосія, игумена Печерского, читаемъ, что однажды веодосій пришелъ къ великому князю Свято-славу Ярославовичу (въ XI ві.кі;) и увид'ль въ палате, где находился князь, «многихъ играющихъ передъ нимъ: овыхъ гуслныя гласы испускающихъ, иныхъ органь-ныя писки гласяющихъ, иныхъ же мусикійскія (по другимъ снискамъ: «замърныя»), и тако всехъ веселящихся, яко же обычай есть предъ княземъ». Блаженный поникъ головой и потомъ сказалъ князю: «такъ ли будетъ на томъ свете?» Князь, умилившиись словами Оеодосія и немного прослезившиись, приказалъ играющимъ прекратить

¹⁾ Рыбнковъ. Песн. I, 166.

²⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 498.—«Игроки» п іскоморохп>—цонвтія тождественны: Добрыня самъ называется княземъ то <скоморошиной>, то «игрокомъ»,

- ³⁾ Киреевскій. Песни. 1860—1870. Вып. II, стр. 13.

⁴⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.

⁵⁾ Рыбниковъ. песни. II, 110.

⁶⁾ Поли. собр. russ. лет. IX, 74.

игру. Съ того времени, когда играли передъ княземъ, и князь слышаль о приходе веодосія, онъ ириказывалъ прекращать игру¹). Изъ этого разсказа убеждаемся, что при Святославе игра, т. е. музыка и пеніе²), была въ обычae при княжескомъ дворе и, разумеется, сопровождала княжеекie пиры.—Такой же обычай существовалъ въ старину и при сербскомъ царскомъ дворе: «егда же бо и на трапезе предъседеще, тумпани и гусльми *то обичай* самодержцемъ благородныхъ веселяще», читаемъ въ житій св. Саввы: речь идетъ о дворе первого царя сербского, Стефана (1195 — 1228)³). Подходящей иллюстраціей къ разсказу Нестора можетъ служить старинная фреска Софійского Собора въ Кіеве, относимая къ 1073 г.: здесь изображены игроки на флейте, на длинныхъ трубахъ, на арфообразномъ й гитаровидномъ инструментахъ, наконецъ, на тарелкахъ. Флейтщикъ и тарелочникъ изображены, кроме того, пляшущими⁴). Придворная обстановка требовала, конечно, возможнаго блеска, и упомянутые игроки Святославовы, равно какъ и музыканты-плясуны и потешники, изображенные на фреске Софійского собора, и сербские придворные игрецы на тимпанахъ и гусляхъ вероятно заимствованы были отъ византійского двора⁵).

¹) Нечерскій Патерикъ. 1806 г. Стр. 55.

²) Цоль словоиъ игра слѣдуетъ понимать не одну игру на инструменте, но и тесно связывавшееся съ нею въ старину птаїe,—такъ въ былинахъ обыкновенно понимается игра скомороховъ; известно также народное выраженіе «песни играть». Ср. Терещенко. Быть русскаго народа. 1848 г. II, 146,—Аванасьевъ. Поэтическія возврінія Славянъ на природу. 1865—1869. I, стр. 337.

³) См. у Kuljač. Opis i poviest narodničli glasbalja jugoslojena (оттискъ изъ кн. XXXIII журнала: Rad jugoslav. akad.). Str. 50.

⁴) Закревскій. Описаніе Кіева. 1868 г. Табл. XII.

⁵) Считаю нeliшимъ, всльдствіе того, привести описаніе торжественной царской трапезы въ Візантій, устроенной въ честь русской княгини Ольги. Вовремя обѣда, кроме двухъ хоровъ соборныхъ пѣвчихъ, воспевавшихъ гимны въ честь императорской фамілій, разыгрывались разныя представления, состоявшая изъ плясокъ и другихъ игръ. Это происходило такимъ образомъ; какъ только царь и все прочіе садились за столъ, въ палату вступали дружины актеровъ и танцовщиковъ со своими распорядителями. Действіе открывалось хвалебными въ честь императора гимнами. После эт. ії мѣніи префекта, дворецкій, подавалъ знакъ правою рукою, то распуская пальцы на нодобіе лучей, то скимая ихъ. Начиналась пляска и трійцы обходила вокругъ стола. Потомъ плясуны удалялись къ нижнему отделенію стола, где и становились въ своеъ порядка. Тогда певцы объ хоромъ пели духовную песню стъ провозглашемъ многолѣтія особамъ царскаго дома. Съ такими песнями и представленіями продолжалась церемонія столоваго кушанья до конца. Каждая перемена кушанья сопровождалась новою пляскою или новою песнью. (Забелинъ. Історія русской жизни еъ древнейшихъ временъ.

Картину пировъ князей Шевскихъ,—пировъ, на которыхъ собиралась и потешалась княжеская дружина, рисуютъ наши былины, относя эти пиры постоянно къ великому князю Владыміру:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова Осударь Князя Владыміра,
Выло пированье, нечестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи и бояра
И на Рускіе ыогучіе богатыри
И гости богатые.
Вудеть день въ половина дня,
Вудеть пиръ во полу пири;—
Князи и бояре пьють, ыдять, потьшаются,
И Великимъ Княземъ похваляются ').

На такихъ пирахъ Владыміръ, по словамъбылинъ, обращается къ дружине, поручая друдинникамъ найти ему невесту, или самъ заботится о сватовстве своихъ друдинниковъ; здесьвызываєтъкнязь охотниковъ «вырубить Чудь белоглазую» и другіе враждебные народы; держитъ советы съ друдинниками («Гой еси, Илья Муромецъ, говорить Владыміръ, пособи мне думушку подумати, здать ли мне, не здать ли Кіевъ градъ...»), или: «Какъ во славномъ было городе Кіеве, у ласкова князя Владыміра, собирались князья и бояре, сильные ыогучіе богатыри, собирались думушку думати»); поручаетъ друдинникамъ «настrelять гусей, белыхъ лебедей, малыхъ уточекъ» къ своему «столу княженецкому»; съ дружиной князь забавляется охотой, борьбой, стрельбой въ цель, ристашемъ²); здесь же, накнягескихъ пирахъ, раздается игра скомороховъ-гусельниковъ. Разсказы былинъ о дворе и пирахъ Владымировыхъ въобщихъ чертахъ совиадаютъ съ историческими

1879 г. П, стр. 197—198). — Плясна, разумеется, происходила подъ звуки инструментальной музыки. Что же касается музыкантовъ византійскихъ, то имеемъ язві: стie.что въ числе ихъ, во времена императора Константина Порфирородного (въ X в.), были Славяне: «въ день народныхъ пиръ — писаль Константин!—долшень былъ чиностроитель каждого наряжать къ своему делу и приказать Славянамъ, которые употреблялись про инструментальной музыке, чтобы, оставивъ входы, пошли па оеатръ. (Штриттеръ. Известія византійскихъ историковъ. 1770 г. I, стр. 120).

'1 И. Даниловъ. Древ. росс. стих. 85; спр. 36 и др.

») Тамъ-же: 36 и сл., 58 и сл., 88 и сл., 93 и сл., 133, 141, 147 148, 155, 168.

свидетельствами. Въ Несторовой летописи читаемъ: «Сенсе пакы творяше (Владиміръ) людямъ своимъ по вся неделя (т. е. каждую неделю): устави на дворе въ гридинице пиръ творити и приходити бояромъ, и гридемъ, и съцкимъ, и десяцьскимъ, ина рочитымъ мужемъ при князи и безъ князя: бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ зверины, бяше по изобилю отъ всего (ср. выше: «пированье и столованье на многи князи и бояре, Могунie богатыри и гости богатые»)... Бе бо Владюпръ любя друягину и съ ними думая о строе земельномъ, и о ратехъ, и уставе земленемъ»¹⁾. (Ср. выше въ былинахъ слова Владмировы къ Илье Муромцу: «пособи мне думушку думати» или: «собирались думушку думати»; ср. также вызовы Владмировы къ дружинникамъ ополчаться противъ враговъ). Дружину любили и роскошно угощали и тешили также и другіе князья. Такъ напр. Мстиславъ, по словамъ летописца (подъ 1038 г.), «любяше дружину повелику, именья не щадяше ни питья, ни яденья браняше»²⁾. Въ летонисяхъ же находимъ йзвестія о томъ, что князья русскіе, въ особенности южные, любили сами ходить на охоту со своими стольниками, ловчими, псарями, или посылали безъ себя своихъ ловчихъ добывать зверя и птицу³⁾. (Ср. въ былинахъ порученіе княземъ дружинникамъ «настрелять гусей» и другихъ птицъ къ «столу княженецкому»), Княжескіе пиры сопровождались конскимъ ристаніемъ и другими забавами: «Изяславъ—по словамъ летописца (подъ 1150г.)—обедавъ съ ними (съ братію, съ Уграми и Кіянамі) на велицемъ дворе на Ярославли, и пребыша у велице весельи; тогда же Угре на фарехъ и скокахъ играхуть» (т. е. упраяшялись въ скачке на коняхъ), на удивленіе Кдяnamъ⁴⁾. (Ср. слова былинъ о пирующихъ за княжескимъ столомъ богатыряхъ и друяшнникахъ: «пьють, едятъ, потешаются».) Къ числу княжескихъ забавъ во время иировъ

¹⁾ Цолн. собр. russ. л4т. I, 54.

²⁾ Таин.-же: I, 65.—Ср. у Майкова. О былинахъ Владмирова цикла. Стр. 23 и сл.(ирил.),—сблизевіе лѣтописныхъ указаній съ упомянаніями въ былинахъ о Владмірі, Добрыйні, Алеши Поповичѣ, Ставрѣ.

³⁾ Си. у Соловьевъ. Истор. Росс. 1Y, 188.

⁴⁾ Поли. собр. russ. л4т. II, 50.

принадлежала и игра гусельниковъ (по выражению былинъ: «загусельщиковъ», «игроковъ», «скомороховъ»), подтверждённая неопровергимо словами летописца., что быль обычай передъ княземъ играть на гусяхъ и другихъ музыкальныхъ орудіяхъ, въ свою очередь иллюстрированными упомянутою выше древней фреской Киевско-Софійского собора. Сюда же следуетъ отнести пзвістіе, сообщаемое летописцемъ (подъ 1135 г.), о томъ, что князь Вееволодъ Мстиславичъ Новгородскій «възлюби играть и утішатися »'). Все вышеприведенныя черты, которыми обрисованы въ былинахъ пиры Владыміровы (т. е. вообще пиры шевскихъ князей) и отношенія князя къ богатырямъ-друяшнникамъ, въ основе своей подтверждаются, какъ мы виділъ, историческими свидетельствами, а следовательно заключаютъ въ себе верныя, согласныя съ истиной преданія изъ далекой старины; къ числу последнихъ принадлежать и заключающаяся въ былинахъ сведенія объ украшавшихъ и оживлявшихъ княжескіе пиры своей игрой скоморохахъ - гуельникахъ.

Преяде чемъ приступить къ дальнейшему йзложенію старинныхъ свидетельствъ о скоморохахъ и доставлявшихъ ими утехахъ, необходимо заметить, что большинство свидетельствъ не только средневековыхъ, но и позднейшихъ, проникнуты духомъ нетерпимости къ музыкальнымъ и инымъ «скареднымъ», «бесовскимъ», «богомерзкимъ», по выраженню современныхъ писателей, увеселеніямъ, душою которыхъ были скоморохи. Старинные русскіе писатели въ своихъ поучешаяхъ повторяли изъ века въ векъ, иногда даже съ буквальною точностью, заимствованный ими изъ Візантій, раздававшіся тамъ съ первыхъ вековъ христіанства поріцанія и запреіценія музыки, пенія, плясокъ, переряжанія въ комическія, сатирскія или трагическія лица, конныхъ ристаній и иныхъ народныхъ увеселеній, въ Візантій тесно связывавшихъ съ языческими преданіями, съ языческими культурами. Візантійськіе взгляды переносились нашими духовными писателями на русская обстоятельства, лишь некоторый выраженія візантійскихъ подлинниковъ иногда переиначивались, пропуска-

лись или пополнялись, соответственно условіямъ русской жизни, изъ чего видно, что духовные наставники русскіе, не смотря на займствованія изъ византійской литературы, имели въ виду действительный обстоятельства, и что поученія ихъ имели действительное отношеніе къ русской народной язьни.

XI векъ (наРуси)—замечаетъ г, Забелинъ—жиль еще полною силою народного творчества и мало сознавалъ, что вешая песня баяна (т. е. певца-гусельника) есть бесовское угодіе, есть идолъская служба. На это указываетъ даже и самое посейченіе Шиязя Святослава преподобнымъ ино-комъ (веодосіемъ) во время веселаго песнотворства, которое было остановлено... лишь изъ особой любви къ нему и продолжалось по обычай въ его отсутствій. Жившій въ томъ же веке, послевеодосія, митрополитъ Ioannъ, мужъ хитрый книгамъ и ученью, точно такясе въ своихъ настав-летяхъ не мнить нарушать обычая мірского устава и запрещаетъ только мнихамъ и іерейскому чину присутство-вать лишь на такихъ пирахъ, где начиналось йграніе, плясаніе, гуденіе... Но то, что въ начале предписывалось только иноческому и іерейскому чину, въ последствій стало обязательнымъ и для всего мірского чина¹⁾). «Іерей-скому чину повелевають святій отци благообразно и съ благословеніемъ пріимати предълежаща», говорить митро-политъ Ioannъ; «йграніе плясаніе и гуденіе входя-щею. въстати всемъ, да не осквирнять имъ чювьска видѣ-ніемъ и слышаніемъ, по очкуму повеленію или отинудь отметатися техъ нировъ, или въ то время отходити, аще деть соблазнъ великъ и вражда несмерена...». Да-лее говорится, что не возбраняется духовнымъ лицамъ обе-дати съ мірянамъ, «кроменацийнія йгранія бесовъ-скаго пенья и блуднаго глумленія»²⁾). Свидетельство

¹⁾ Домашній быть русскихъ царіцъ въ XVI в XVII стол. 1872 г. Стр. 409—410.

²⁾ Русскія достопамятности. Изд. Ими. общества исторіи и древн. 1815—1844 г. I, стр. 95, 98.—«Аше кто клирикъ на брака званъ будеть, егда прелестныя (=64-совскіи игры) и введутся, да востанеть и аbie да отходитъ... Яко не подобаетъ свя-щеннію и клирикомъ нѣкіхъ вѣдіній позоровати на брачъ и на вечерахъ' во прежде входа ирецовъ встati имъ и отходити», говорить митрополитъ Данійл (1522—1539 г.), цитируя прав. 20-е и 80-е Трульского собора (691—692 г.). (Нам. стар. russ. лит. IV, 202). Первообразъ этого постановления находимъ въ прав. 54-мъ Лаодокійскаго (364 г.) собора: «не подобаетъ освященнымъ или причетникамъ зрети по-

это доказываете, что на пирахъ въ то время происходили йграніе (ибсень), плясаніе и гуденіе; действующими лицами были конечно скоморохи-игрецы и -плясуны. Кирилль Туровскій (XII в.) порицает «плясаніе еже на пиру, на свадьбахъ и въ павечерницахъ»¹); Кириллъ митрополитъ Кіевскій (1243—1250) въ числе мытарствъ между прочимъ, называетъ: «плясаніе въ пирахъ... и басни бающе сопели сатанинскія»²). Плясаніе, разумеется, происходившее подъ звуки инструментальной музыки, въ последнемъ случаѣ, можетъ быть, сопровождалось тутъ ясе названными сопелями. Въ слове Христолюбца (по рукоп. XVБ.) называются игры бесовскія на пирахъ (и свадьбахъ), игры же эти суть: плясьба, гудъба, песни, сопели, бубны³). По словамъ «устава людемъ о велицемъ посте» (изъ Дубенскаго сборника правиль и поученій XVI в.), «грехъ есть... пиръ сотворити съ плясаніемъ и сміхомъ въ ностныя дни»⁴). Въ Домострое (XVI в.) говорится о трапезе, сопровождаемой звуками музыки, пляской и глумленіемъ: «и аще начнутъ... смехотвореніе и всякое глумленіе или гусли, и всякое гуденіе, и плясаніе и плесканіе и всякия игры бесовскія, тогда яко жъ дымъ отгонить пчелы, такожъ отыдутъ ангели божія отъ тоя трапезы и смрадные бесы предстанутъ»⁵). О пированій Іоанна Грознаго со скоморохами говорить князь Курбскій: «упившись началъ (царь Іоаннъ) со скоморохами въ машкарахъ (=личинахъ) плясать и суїціе пируго-Шіє съ нимъ»⁶). Въ XVII столетій скомороховъ во время

зорищныя представления на бракахъ или на пиршествахъ: но прежде вхожденія позорищныхъ лицъ (т.е. кощедантовъ въ нузыкантовъ) воставати имъ и отходить. (Си. Книга иправиль Св. Апостоль).

¹) Памятники россійской словесности XII віка, изд. Калайловичемъ. 1821 г. Стр. 94.

²) Филаретъ. Обзоръ духовной литературы. 1884 г. Стр. 59.

³) Тихонравовъ. Лѣтопись русской литературы и древностей. VI. ш., 94.—Ср. тамъ-же: 90.

⁴) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 312.

⁵) Домострой. 1867 г. Гл. 15, стр. 38.—Подходящей иллюстраціей къ этому тексту можетъ служить старинная народная картинка, содержание которой видно изъ следующих! словъ сопровождающей ее надписи; «Сія трапеза неблагодарныхъ людей лѣ празнословцевъ; кащуниковъ (кощунниками называются нередко скоморохи, см. ниже), скверни голющиихъ словъсъ бѣсовскіхъ... ангель Господенъ отврати лице свое, отыде стоя плачетъ, видитъ бѣсы съ ними...» (Ровинскій. Гуссіе граверы и ихъ произведения съ 1564 года до основанія Академіи художествъ. 1870 г. Стр. 139).

⁶) Сказанія. 1868 г. Стр. 81,

пировъ царскихъ и знатныхъ особъ стали вытеснять хоры духов ой (и ударной) музыки, состоявшіе изъ трубъ, сурнъ, накровъ, бубновъ, набатовъ и т. п. Пиръ у Никиты Ивановича Романова-Юрьева, шурина Ioanna Grознаго, по словамъ былины, оглашался звуками трубъ и барабановъ:

А пиръ пошелъ у него на радостяхъ,
А въ трубки трубятъ по ратному,
Барабаны быотъ по воинскому ').

Описаніе это возникло вероятно въ позднейшее время, подъ впечатлішемъ какъ царскихъ, такъ и частныхъ пировъ и празднествъ ХІІІ века. Объ игр[^] въ сурны, трубы и накры во время празднованія свадьбы царя Михаила ведоровича см. ниже (стр. 22). Царь АлексМ Михайловичъ въ 1674 г., по случаю торжественнаго объявлешия Оедора Алексеевича наслѣдникомъ престола и рожденія царевны веодоры, задаль большой пиръ: «а после кушанья изволилъ великий государь себя тешить всякими игры— читаемъ въ Дворцовыхъ разрядахъ: и его, великаго государя тешили и въ арганы играли, а игралъ въ арганы немчинъ, и въ сурны и въ трубы трубили, и въ суренки играли, и по накрамъ и по литаврамъ били во все»²).

Впрочемъ, объ игре скомороховъ на пирахъ, въ осо- бенности частныхъ лицъ, и въ ХУІІ столетій имѣемъ раз- ный свидетельства. Маскевичъ въ Дневнике своемъ (подъ 1611г.) пишеть, что на московскихъ вечеринкахъ по- являются шуты («блазни»), которые тешатъ присут- ствующихъ русскими плясками, кривляніемъ и песня- ми, большою частью весьма безстыдными; иногда же при- казываютъ играть на лирахъ, подъ звуки которыхъ играю- щие припеваютъ³). «Въ домахъ, особенно во время своихъ пиршествъ, Русскіе любять музыку», писаль Олеарій, посетившій Россію въ 30-хъ годахъ ХУІІ столетія. Тотъ же авторъ упоминаетъ о двухъ русскихъ музыкантахъ- певцахъ-плясунахъ, т. е. скоморохахъ, которые забав- ляли своимъ искусствомъ прибывшихъ въ Ладогу пословъ

¹) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 230—23).

²) Дворцовые разряды. 1850—1854 г. Ш, стр. 1081.

³) Сказанія современниковъ о Дніптрії Самозванце. 1831 г. V, стр. 61.

за ихъ обідомъ¹⁾). Пиры у москвичей, по свидетельству Лизека, описавшаго посольство отъ римскаго императора Леопольда къ царю Алексею Михайловичу (1675 г.), оглашались звуками органа (*organum pneumaticum*) съ двумя регистрами²⁾). Въ повести о прекрасномъ Девгений (по рукоп. ХУII в.) читаемъ: «Девгений... нача веселитися во всю нощь (т. е. пировать) и повелеша лтодямъ своимъ (т. е. игрецамъ) въ тимпаны и въ набаты бити, и въ сурны играть, сий речь трубить, и въ гусли играть». Въ «притче о старомъ муже и молодой девице» (XVII в.) старику влагаются въ уста следующая слова, обращаемыя имъ къ молодой девице, за которую онъ неуспешно сватается: «и сотворю тебе пиръ великий, и на пиру велю всякую потеху играть гусельникомъ и трубникомъ и пляску»³⁾). Въ Требнике, по рукописи ббліотекі проф. Тихонравова, встречается такой вопросъ священника на исповеди: «сотовориъ еси пиръ съ смехотворешемъ и плясашемъ?» *). Изъ всхъ последнихъ свидетельствъ, относящихся до XVII века, ясно видно деятельное въ увеселеній и потешеній пирующихъ гостей участіе скомороховъ: гусельниковъ, трубниковъ, сурначеевъ, органиковъ, лирниковъ, песенниковъ, плясуновъ. На лубочныхъ картинкахъ встречаемъ изображеніе пировъ, на которыхъ присутствуютъ певецъ или певцы, гитаристъ, балалаечникъ и т. п.⁵⁾.

б. Участвуютъ въ евадебныхъ торжеествахъ

Какъ пиры вообще украшались и оживлялись присутствіемъ скомороховъ-игроковъ и певцовъ, такъ въ особен-

¹⁾ Подробное описаніе путешествія въ Москвию. Перев. Барсова. 1870 г. Стр. 26, 209.

²⁾ Lyseck. Relatio eorum quae circa Sac. Caes. Maiest. ad Magu. Mosc.Czaram oblegatoſ... gesta sunt. 1676. Pag. 97.—Речь идетъ здесь вероятно о маленькомъ органе (Positiy), обыкновенно имевшемъ два регистра (Cр. Reissmann. Illustrirte fiescliehete der deutschen Musik. 1881. S. 143).

³⁾ Нам. стар, russk. лит. II, 387, 453.

⁴⁾ См. у Веселовскаго. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха. ХІІ. II, стр. 197, въ Запискахъ Ими. Академій Паукъ. т. XLV.

⁵⁾ РОВІЙСКІЙ. Russ. нар. карт. Л5М 97, 98.

ности пиры свадебные, а равно и свадебные поЗззы. Воспетый въ столькихъ пересказахъ былинъ пиръ, на который приходитъ Добриня Никитичъ, одетый скоморохомъ (ср. выше стр. 8),—пиръ свадебный: празднуется свадьба Алеши Поповича съ Добрининой женой, считающей мужа своего погибшимъ. Въ былине о Садке, царь водяникъ обращается къ спустившемуся на дно морское Садку-гусельнику:

Поиграй, поиграй въ гусельшки яровчата,
Потьшь, потешь нашъ почестенъ пиръ:
Выдаю дочь свою любимую... ')

Следовательно пиръ, на которомъ играетъ Садко въ царстве водяника,—пиръ свадебный.

Въ былине о Ставре Годиновиче упоминается о свадебномъ торжестве, на которомъ не оказалось скомороха-гусельника и—певца:

Зачали играть свадебку,
Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игрь играть, напьвокъ напьвать. ²⁾

Сходный мотивъ встречаемъ въ одной изъ свадебныхъ песень изъ Пермскаго края:

Какъ во теремъ гусельцы лежали,
Во высокомъ вончатыя лежали.
И то некому во гусельцы играть,
Некому въ звончатыя играть ^{3).}

Одна или две скрипки, или скрипка и дуда составляютъ въ Велоруссій необходимую принадлежность всехъ брачныхъ церемоній: оне встречаются и провожаютъ жениха и невесту, даже до самыхъ дверей церкви, и отъ нихъ до дома новобрачныхъ. Если погода хороша, то скрипачъ, сидя въ повозке позади едущихъ къ венцу или отъ венца, безпрестанно пилить смычкомъ по струнамъ, когда едутъ къ венцу—прощальная песни, а отъ

) Рыбникова песни. И, 369.
Тамъ-же. I, 249.
2) Перменій Сборникъ. 1859—1860. I. п., стр. 55.

в'Ішда —встречныя¹). Замечу, что у белорусовъпростонародный музыкантъ-скрипачъ носить название: «скомороха»²). По старинной белорусской поговорке не бываетъ свадьбы безъ скомороховъ: «что за веселле (свадьба) безъ скоморохи». Въ Белой Руси игрецъ-дударь имеетъ даже серьезное значеніе: онъ заменяеть родителей у сироты-невесты. Въ Малой Руси свадебные поезды иногда отправляются въ церковь съ музыкой, песнями и даже плясками. Все это въ старину вероятно исполнялось скоморохами, на что указываютъ приводимыя мною ниже историческія свидетельства и старинныя песни. Въ Орловской губерній, передъ отправлешемъ невесты къ венцу, поютъ песню, где речь идетъ о невесте (Натальюшке), нанимающей извозчиковъ для свадебнаго поезда; непременнымъ участникомъ поезда, приносящимъ веселье, т. е. счастье невесте, долженъ быть скоморохъ, играющы, какъ белорусский скрипачъ —«скомороха», во время езды изъ села въ село:

А какъ бы кто-же скоморошечка да подвезъ?
Играй, играй, скоморошичекъ, въ село до села,
Ужь чтобъ была Натальюшка весела³).

Варіанта той же песни записанъ Варенцовымъ въ Самарскомъ Крае:

Запречь-те бы ворона коня,
Чтобы везъ,
Посадить-то бы скоморошничка,
Чтобъ игралъ:
Играй, поиграй, скоморошничекъ,
Съ села до села,
Чтобы наша Прасковьюшка
Выла весела⁴).

Имеется и целый рядъ историческихъ свидетельствъ объ участій на свадьбахъ скомороховъ: Кирилль. митрополитъ Кіевскій, порицааетъ пляски (конечно происходя-

¹) Этнографичесвш Сборникъ, изд. Имя. Географии. Общ. 1853—1862. II, стр. 190.

²) Сл. у Носовича. Словарь Бѣлорусскаго нариція. 1870. Сл.: «свонороха».

³) Беляевъ. О скоморохахъ. 74 и сл.—Ср. Веселовскій. Розыск, въ обл. русс.

; стих. VII. н, 200.

⁴) Вареццовъ. Сборникъ пісень Самарскаго края. 1862 г. Стр. 169—170.

іція подъ звуки «игры») на пирахъ и на свадьбахъ Въ упомянутомъ выше (стр. 15) Слове Христолюбца запрещается игратьяигры бесовскія», состояния въ «плясьбе», «гуденій», «п-Бсняхъ мирскихъ», сопіляхъ и бубнахъ «въ пирахъ и на свадьбахъ»; въ другомъ містѣ того-же слова читаемъ: «егда[^]е у кого ихъ будеть бракъ и творять съ бубны и съ сопельми и съ многими чудесы бесовъскими²). Запрещеша эти сводятся къ правилу 53-му Лаодокійского Собора: «Не побдаетъ хриспанамъ, на браки ходящимъ, скакати и плясати, но скромно вечеряти и обедати какъ прилично христанамъ³). Слова этого правила неоднократно повторяются русскими духовными писателями⁴), что указываете на прямое отношеніе заключающаися въ нихъ запрещеша къ дMствительнымъ обстоятельствамъ русской народной жизни. Въ статье о многихъ неисправлешахъ, «неугодныхъ Богу и не полезныхъ душе», приписываемой Кассіану, владыке Рязанскому, жившему въ средине XУI века, говорится между прочимъ: «свадьбы творять и на браки призываютъ ереевъ со кресты и скомороховъ з дудами⁵). Въ определеніяхъ Стоглава (1551 г.) читаемъ: «Въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органники и гусельники и смехотворцы и бесовскіе песни поютъ, и какъ къ церкве венчатися поедутъ, священникъ со крестомъ будетъ. а передъ нимъ со всеми теми играми бесовскими рыщутъ», и далее следуетъ запрещеше: «къ венчанію ко святымъ церквамъ скомрахомъ и глумцомъ предъ свадьбою не ходити⁶). Последнія два свидетельства въ точности совпадаютъ съ вышеприведенной песней о свадебномъ поезде съ участіемъ играющаго скомороха, а равно и съ удержавшимся еще въ Малой и Белой Руси обычаємъ, сопровождать свадебный поездъ музыкой, песнями и плясками. Олеарій свидетельствуетъ о самыхъ непристой-

¹⁾ Филаретъ. 06s. дух. лит. 59.

²⁾ Тихонравовъ. Лътоп. русск. лит. и древ. IV. ш, 92, 94.

³⁾ См. Кн. Прав. Св. Апоет.

ПАП 'РП^{C.1}' 'РЕЗ' ЕВСКІЙ. Свід. и замѣт. ЪУП, 313. — Пап. стар, russ. лит. IV
202 (Поуч. митр. Даниила) и др.

⁵⁾ См. у Веселовекаго. Розыск, въ обл. русск, дух. стих. УП и 199

"J Гл. 41, вопр. 16.

ныхъ шуткахъ (*die allergrobsten Zotten*), которыми оживляется поездъ въ церковь невесты, сопровождаемой хорошими друзьями и многоствомъ прислуги и рабовъ. Въ одномъ изъ французскихъ описаний Московії²⁾ въ конце XVII столѣтія говорится, что свадебный поездъ невесты въ церковь сопровождается тысячами шутливыхъ песенъ и дерзкихъ выходокъ, исполняемыхъ на улице родственниками, друзьями, слугами и рабами невесты²⁾. Пляски гостей на свадебныхъ пирахъ, также подтверждаемый историческими свидетельствами, происходили въ старину, разумеется, подъ звуки скоморошескихъ игръ и песенъ: ниже (д. «Скоморохи-плясуны») приведены старинные свидетельства о пляскахъ и руконлескашихъ, происходившихъ на свадьбахъ. Англійскій путешественникъ Chancellor, описывавшій Россію въ 1550-хъ годахъ, разсказываетъ, что на свадьбахъ русского простонародья, во время свадебного пира, играли одинъ или два музыканта, между темъ какъ двое мужчинъ, провожавшіе молодую на пути изъ церкви, пускались передъ собравшимися гостями въ продолжительную пляску³⁾. О гістріонахъ, т. е. скоморохахъ, плясавшихъ на русскихъ свадьбахъ XVI века, упоминаетъ князь Данійль фонъ Бухау⁴⁾. По свидетельству Oleарія, на боярскихъ свадьбахъ русскихъ играла разная музика, между прочимъ на инструменте, называемомъ псалтири^(Psaltir), также трубили въ трубы и били по барабанамъ⁵⁾. Въ царской грамотѣ 1648 г. читаемъ между прочимъ: «да въ городскихъ ясе и въ уездныхъ людехъ у многихъ бывають на свадьбахъ всяkie безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бесовскими играми»⁶⁾. Приведенная выше (стр. 17) слова изъ притчи о старомъ муже обѣ игре гусельниковъ и трубниковъ относятся вероятно до свадебного пира. Какъ боярскія, такъ въ особенности царскія

¹⁾ Подр. опис. путеш. въ Москв. 207.

²⁾ Voyages historiques de l'Europe par Mr. de B. F. 1712 (первое изданіе 1698 г.) VII. p. 142.

³⁾ См. у Meiners. Vergleichung des alteren und neueren Russlands. 1798. II, S. 186.

⁴⁾ Ср. ниже: «д. скоморохи-плясуны».

⁵⁾ Подр. опис. путеш. въ Москв., 209.

⁶⁾ Пвановъ. Оинс. госуд. арх. 296.-Ср. Акты астор. (арх. комм.) IV, № 35.

свадьбы до Алексея Михайловича ознаменовывались игрою на инструментах?.. но уже преимущественно громкихъ: духовыхъ и ударныхъ. а А какъ то веселіе (=свадьба) бываетъ—пишетъ Котошихинъ въ 1660-хъ годахъ о царскихъ свадьбахъ русскихъ—и на его царскомъ дворі и по сънямъ, играютъ въ трубки и въ суренки и бьютъ въ литавры; а на дворе чрезъ все ночи для светлости зажгутъ дрова на устроенныхъ м^ѣстехъ-, а иныхъ игръ, и музыкъ, и танцовъ, на царскомъ веселій не бываетъ никогда». По свидетельству Котошихина, и на свадебныхъ торжествахъ бояръ и другихъ частныхъ лицъ, «въ трубки трубятъ и бьютъ въ литавры»¹). Слова Котошихина подтверждаются свидетельствомъ Дворцовыхъ разрядовъ: музыка, именно игра въ сурны и трубы и удареніе въ накры, продолжалась со времени шествія царя въ мыльню во весь день и ночью. Таись было напр. на свадьбе царя Михаила бедоровича (1626 г.): «а въ то время какъ государь (Михаиль бедоровичъ) иошелъ въ мыльню, во весь день и съ (до?) вечера и въ ночи на дворце играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ»²). Но этимъ не ограничивалась свадебная музыкальная потеха: тешили царя Михаила бедоровича на свадебномъ его торжестве еще играми на струнныхъ инструментахъ, а именно: гусельники (Уезда и Богдашка Власьевъ), домрачей (Андрюшка бедоровъ и Васька Степановъ) и скрипотчики (Богдашка Окатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка и немчинъ новокрещеный Арманка)³). Царь Алексей Михайловичъ отменилъ инструментальную музыку на своей свадьбе, заместивъ ее пешемъ церковныхъ песень: «Дана прежнихъ государскихъ радостяхъ (=свадьбахъ)—читаемъ въ современномъ описаній свадьбы Алексея Михайловича съ Марию Ильинишною Милославскою, въ 1648 г.—бывало въ то время, какъ государь поедетъ въ мыленку во весь день до вечера и въ ночи во дворце играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ; а ныне великий государь царь и великий князь Алексей

Ч о Россій иѣ царствовавій Алексея Михайловича. 1859. Стр. 11, 127.

²) Дворц. разр. I. (Описаніе свадьбы царя Михаила Оедоровича).

³) Забѣлинъ. Дои. быть русск. царицъ 440, 441.

Михайловичъ всяя Русій на своеї государевої радости накрамъ и трубамъ быти не изволиль, а велѣль государь въ свои государскіе столы, вместо трубы и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, нѣть своимъ государевымъ пивчимъ дѣякамъ... строчные и демественныя большіе стихи¹).

Воспоминаніе объ йгри на инструментахъ, которою въ старину оглашались свадебныя торжества (свадебные иоѣзы и пиры), уціліло во многихъ свадебныхъ писеняхъ русскихъ: чаще всего упоминаются въ пѣсняхъ гусли, трубы, иногда литавры, бубны, скрипки и цимбалы; напр.:

Великорусс.: Во теремѣ гусли лежали,
Ай некому во гусли играть²).

Выше (стр. 18) мы встретили тотъ ясе мотивъ въ свадебной пѣснѣ изъ Пермского края, сблітаюцейся съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ изъ былины о Ставрії Годинойчі, гдѣ также говорится о гусяхъ на свадебномъ нирѣ; и объ отсутствій гусельника. Въ другихъ свадебныхъ писеняхъ речь идетъ о приплывающихъ по водѣ гусяхъ, на которыхъ играетъ уже не скоморохъ, а самъ женихъ, или объ изготовлѣній гуслей для невесты, напр.:

Охъ, плыли гусли, охъ, плыли гусли по синю морю.
Приплыли гусёлушки къ круту бережку.
Охъ, приплыли звончатая къ круту бережку.
Переняль гусли, переняль гусли свѣтъ Изанъ государь,
Переняль гусли, переняль гусли свѣтъ Ивановичъ.
Онъ сталъ играть, сталъ играть, во всю ночь не спать...
(Поется на дѣвшипикѣ или когда девушки катаются)³).

Въ другой свадебной пѣснѣ Ивановичъ бояринъ

Рубиль яблонь подъ корень,
Тесаль доски тонкія,
Дѣлалъ гусли звонкіе.
Кому эти гусельцы,

¹) Сл. у Сахарова. Сказ. russ. нар. I. vi, 94.

²) Таиѣ-же: I. ш., 155.

³) Цальчиковъ. Крестьянскія пѣсни, записанные въ селѣ Николаевскомъ Мензелинского уезда Уфимской губ. 1888 г. № 83.

Кому эти звончаты?
Анушкі гусельцы,
Ивановны звончаты ').

Объ йгрі на трубахъ упоминается въ следующихъ свадебныхъ песняхъ:

Ужъ какъ на морі, на морй,
На синемъ камнѣ,
Бояре въ трубу трубятъ, •
Молодые въ золоченую...

(Закричала невестина матушка):

«Не трубите трубы радостны,
Вострубите трубы жалостны,
Отъ меня то *дитя везутъ*»...

или:

Ты труба ли моя, трубушка,
Ты трубаль моя, серебреная!..
Воструби громко, звонко,
Громко, звонко, жалостно
Къ моему родному батюшкі.
Со двора сундуки везутъ,
Со крыльца ларцы несутъ,
Со терема Прасковьюшку ведутъ,
Со высокаго Тарасьевну.

(Следуетъ повтореніе первыхъ четырехъ стиховъ и далее):

Къ моему свекру батюшкъ
На дворъ еупдуки везутъ,
На крыльцо ларцы несутъ,
Во высокъ теремъ дѣвицу ведутъ ²).

Изъ этихъ песень видно, что трубнымъ звукомъ сопровождался въ старину свадебный поездъ. Это опять совпадаетъ съ упомянутымъ выше (стр. 20 и сл.) участіемъ скомороха или скомороховъ въ свадебныхъ поездахъ народныхъ. Въ первой изъ двухъ только что приведенныхъ песень играютъ въ трубы уже гости (бояре), а не скомо

¹) Санаровъ. Сказ. русе. нар. I. ш. 131.

²) Тамъ же: I. ш. 179, 189.

рохи, объ игре которыхъ въ свадебныхъ поездахъ свидетельствуютъ другія свадебныя песни и письменные памятники (ср. выше стр. 20 и сл.). Приведу еще две свадебныя песни, въ которыхъ говорится объ игре на литаврахъ и цимбалахъ:

— Съ подкамушка съ подб'ялого, ручеекъ біжть,
Съ подкамушка съ подб'ялого цимбалами бытъ.
Вотъ знать мою любезну Елизаветушку къв'нчанію ведутъ ¹⁾.

— Во горниц-ѣ, во свѣтличкѣ
Два голубя (= эмблема молодыхъ) сидять,
Два сизые за дубовыемъ столомъ;
Они сидять любуются,
Во честномъ пиру красуются.
Для нихъ во литавры бытъ,
Во цымбалы играютъ ²⁾.

Галицкорусская свадебная иесня упоминаеть о бубнахъ:

Ой на двори бубны граютъ;—
Та до сины (до сбней) зазераютъ,
А зъ сины та до хаты,
Жебы малы де сидаты ³⁾.

Малорусскіи свадебныя песни упоминаютъ о «музыкахъ» за столомъ, объ играши музыки, о бубнахъ, звуками которыхъ созываются бояре, чтобы ехать за невестой:

— Іжте, бояре, іжте,
А ви, музики, ріжте...
— Ой заграно, забубнено ранейко,
Ой зберайся, князю Ивасю, борзейко,
Та пайдемо тихімъ Дунаемъ до замку...
Чей бы съмо могли молоду Марисю пуймати.
— Въ неділеньку рано
По всізгъ селу заграно,
Заграно, забубнено,

¹⁾) Терещенко. Быть русского народа. 1848 г. II, стр. 160.

²⁾) Сахаровъ. Сказ. russ. нар. I. га, 126.—Ср. варіантъ, стр. 177:

П льютъ а пьють,
Іль цимбалы играютъ.

³⁾) Pauli. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. 1839. I. Str. 119.

Бояры побуждено:
«Вельможе, бояри, встаньте,...
Марусеньку доставати»...

Въ одной изъ нізсенъ, сопровождающихъ проісаніе невесты съ дружками, поютъ между прочимъ:

Велю коникамъ (свадебного поезда) вівса дать,
А музиченъки постоять...

Во время обрядного, сопровождаемого музыкой, обхода—денія молодыхъ, и ос, лі; ушна въ дом' родителей невесты, кругомъ <(діжй> (= бочки), поютъ:

Ои чия жъ то родина
Кругомъ діжки ходила,
Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами? ').

Въ пбcfffe, поящейся при вы^зд^ невесты изъ родительского дома, невестина сестра обращается къ боярамъ:

— Грайте, бояре, грайте...
Марусеньки да й не берите.

Еще въ другой такой же ігъсігъ братъ бѣжитъ отбирать сестру, уводимую изъ дома родителей:

Бігъ, біга, братичокъ—не догнавъ,
За боярами не иознавъ,
За музыками не почувъ²).

Упоминаніе музыкантовъ и игры на инструментахъ въ малорусскихъ п'есняхъ неудивительно, такъ какъ до сихъ поръ свадебные поїзды и пиры обыкновенно оглашаются въ Малороссій звуками инструментовъ.

¹) Ср. у Метлинскаго. Народный южно-русский птан. 1854 г. Стр. 133: пісню, сопровождающую завіваніе свадебного вильца (віткі):

Не йдитъ молодыци,
До насъ вілецъ выты.
Зовемо мы самы,
З скрипкаы, з цымбаламы,
З молодыци баарамы.

²) Труды этнографическо-статистической экспедиції въ Западный край. Юго-западный отдель. Т. IV. ММ 778, 839, 844, 1111, 1139, 1175, 1194.

Съ музыкой провожаютъ домой и старшую дружку:

Дружку горою ведутъ
Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами.

Въ заключеніс приведу еще два стиха изъ свадебной же пѣсни, по словамъ которыхъ музыка по свадьbamъ волочится:

Во музика лядащица,
По веселлі волочиться ').

Во всѣхъ данныхъ случаяхъ «волочащаяся» по свадьbamъ музыка является наслідіемъ старинныхъ «органниковъ», «гусельниковъ», «глумцовъ», словомъ — скомороховъ, непрем'їнныхъ участниковъ, въ старину, въ свадебныхъ «радостяхъ».

в. Великая игра.

аа. Боянъ-гудецъ и скоморохи. Повѣтвованія про страны далекія и времена стародавнія. Повѣтвованія сказочныя и шуточныя. Величаніе и славленіе.—Бахари. Домрачей.—„Пѣсни царскія".

Народное преданіе не дѣдаетъ строгаго разлічія между п'вцемъ-гусельникомъ, поющимъ серьезныя геройческія или историческія нѣсні или былины, и п'вцомъ-потѣшникомъ и плясуномъ, забавляющимъ толпу площадными песнями, шутками и выходками. И тотъ и другой носятъ на народномъ языке одно название: «скоморохъ», «гудецъ» (или «игрецъ»), «веселый молодецъ». Наиболее извѣстнымъ представителемъ первого типа служить древній п'вецъ-гусельникъ,

Боянъ.

Высокое, полубоягественное значеніе его выражается т'мъ, что Слово о полку Игоревѣ называетъ Бояна «внукомъ Велесовыムъ», «в'щимъ» п'снотворцемъ.. Боянъ слагалъ свои иѣсни, витая мысліюпо лисамъ, сѣрымъ волкомъ по земл'ї, сизымъ орломъ по поднебесью; онъ—«соловей временъ давно минувшихъ»—вспоминаль стародавнія бра-

«) Тамъ же: 1116 (ср. М 1135), 1295.

ни, воспивалъ деїнія Ярослава, Мстислава, славнаго Романа- онъ свивалъ древнюю славу съ новой; подъ его ве-щими перстами струны сами рокотали славу князьямъ¹). Между тѣмъ въ одномъ изъ древнѣшыхъ списковъ сказанія о «Задониїні;» Боянъ называется просто Шевскимъ гуддемъ («въ городе Кіевѣ горазда гудца»)²), т. е. тѣмъ же именемъ, какимъ въ Стоглав¹; называются скоморохи потіпній, увеселявшіе народъ и побуждавшіе толпу, своей игрой, къ пляске (см. нюке).

Русскія былины неоднократно вспоминаютъ о

пѣвцахъ-гусельникахъ (скоморохахъ),

во многихъ отношеніяхъ въ художественной деятельности своей совпадающихъ съ гудцемъ Бояномъ. Такимъ певцомъ на княжескомъ пиру является, между прочимъ, передетый въ скомороха Добрыня. О томъ, какое возвышающее, воодушевляющее впечатленіе производили на слушателей, какое удивленіе и восторгъ вызывали въ нихъ песни такихъ гусельниковъ, можно судить по следующимъ выражаемъ былины о Добрыне, въ разныхъ ея нересказахъ:

Учель (Добрыня) по стрункамъ похаживать,
Учель онъ голосомъ поваживать,...

(или:

Зачаль (Добрыня) въ гусли играть приговаривать,—
И всѣ на пиру пріутіхлі - сидятъ,
Сидять—на скоморошину посматривають.

Или:

Вси на пиру оглянулисе,
Вси на пиру ужахнулие.

¹) <Боянъ бо ві>[ци] аще кому хотяше ніснъ творити, то растікашется мысдюю но древу, с4рьми вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы... О Бойне! словію старого времени! абы ты сіа пльки ущекоталь, скача славю по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба поды его времени... (и раньше:) своя віціа прѣсты на живаа струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху». Русс. Достоп. III, 6 и сл.

Ізвiстiя И Огдiлешя Имп. Академiй Цauкъ. Т. VI, стр. 345.

Въ другихъ пересказахъ произведенное песнью Добрыни-скомороха впечатлішie описывается такъ:

Вси же за столомъ да призадумались,
Вси же тутъ игры (т. е. игрецы) призаслушались...

Или:

На пиру игроки вс-фe пріумолкнулай,
Всfc скоморохи пріослушалісь:
Эдакой игры на свѣть не слыхано,
На б^лоемъ игры не видано.
Князю Владиміру игра весьма слубилася

Или:

Какъ дивилися цари цари царевичи,
Короли дивилися королевичи,
Ужъ какъ сильній могучіе богатыри,
Какъ вельможи, поляницы да удалый...

Или:

Заиграль Добрыня по уныльнёму,
По уныльнёму, по умильнёму.
Какъ всъ то вѣдь ужъ князи и бояре-ты,
А ты эти русійскіе богатыри
Какъ вси они тутъ пріослушалісь.

По другому же пересказу, на пиру «все позаслушали-
ся», и князь, въ восторгѣ отъ песни, восклицаетъ:

«Ай же, мала скоморошина!
<За твою игру за великую,
«За утьхи твои за ніжныя,
«Безъ мишушки пей зелено вино,
«Безъ расчету получай золоту казну!» ').

А между темъ исполнитель этой «небывалой», этой «великой игры»,—певецъ, приковавшій къ себе всеобщее вниманіе, вызвавшій всеобщее удивленіе и восторгъ князя, въ глазахъ последняго не более какъ «удалой» или «мала скоморошина», или «детина пріезжая, скоморошная, гусельная», помещаюція, на равне съ прочими кня-

¹⁾ Рыбников*. Меня. I, 136, 166; II, 31.—Гильфердингъ. Оиеж. был. 45, 136, 250, 972, 1030.

жескими поташниками, «на печке — на запечке». (Ср. ниже Гл. 5, г.)

Сходного характера была и игра Садка-гусельника на берегу Ильменя-озера (ср. выше стр. 7). Вышел изъ озера Царь морской и говорить:

«Ай же ты Садкё, Новгородский!
«Не знаю чьмъ буде тебя пожаловать,
«За твои за утіх за велікія,
«За твою-то игру нужную:
«Аль безсчетной золотой казной?» *).

Въ чемъ же заключалась эта «игра» (т. е. utnie, сопровождаемое игрой въ гусли), — игра, приводившая въ такой восторг слушателей? Ответъ на этотъ вопросъ даютъ опять наши былины. Въ последнихъ установились известные формулы, которыми характеризуется широкий кругозоръ певца и обусловливаемое темъ разнообразіе напева и содержанія песни. Еогда речь идетъ о чудесной «игре» того или другаго певца, былины употребляютъ выраженія: игра, выигрышь, сыгрышь, припевокъ, тонцы и т. п., — слова, точный смыслъ которыхъ въ своемъ различій пепонятенъ даже самимъ сказателямъ былинъ, ныне ихъ употребляющимъ, но более или менее сводящаяся очевидно къ одному содержанію; эти выигрыши, припевки, тонцы ведутся певцомъ (или что означаетъ одно и тоже, имъ «натягивается» или « заводится струна») изъ странъ далекихъ: изъ Царяграда, изъ Ерусалима, изъ за синя моря Волынского, изъ за Лукоморья зеленаго и т. п., или изъ одного места въ другое, отдаленное. Эти выраженія применяются, какъ высшая аттестація, къ игре разныхъ лицъ: Добрыни (въ образе скомороха), Соловья Будыміровича, Садка гусельника, Ставра въ роли веселаго молодца. Такъ напр.:

Добрыня

- а) играетъ, игру играетъ, береть выигрышъ, воспеваетъ, выигрываетъ наигрыши, въ томъ или другомъ месте или изъ одного места до другаго:

¹⁾ Рыбниковъ. Пѣсни. I, 371.

- Играетъ-то въ Царигради,
А на выигрышъ береть все въ Клевъ...
- Играетъ ёнъ во Киевѣ, восил;ваетъ оть Еросалима .
- Заигралъ Добрілпюшка въ гусельшки,
Онъ игру играетъ все хорошевъку,
И выигрывалъ наигрыши все хорошенъки,
Что изъ Киева да й до Царяграда,
И въ Царяграда до Еросолиму,
Съ Еросолиму ко тою къ земль да къ Сорочинской.
- Ёнъ съ К&ева играль все до Новаграда,
Ай съ Новагорода играль все до Киева.

P) Ведеть тонцы или натягиваетъ струны, или прйп-
ваетъ припевки отъ того или другаго места:

- Тонды повель отъ Нова города,
Другіе повель отъ Царяграда...
- Какъ началь онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ, будто отъ Киева,
Другу отъ Царяграда
И третью съ Еросолима,
Тонцы онъ повель-то велиkie,
Припъвки-то онъ припывалъ изъ за синя моря.
- Ёнъ ві>дь началъ гуселка налаживать,
Ёнъ ві>дь началъ струночки натягивать.
Ёнъ первую наладиль съ града съ Киева,
Ёнъ другу наладиль изъ Чернигова,
Ёнъ вѣдь третью изъ каменной Москвы *).

Обозревая этотъ сводъ техническихъ выражений, кото-
рыми въ былинахъ характеризуется искусственная игра, з;ш1;-
чаемъ, что все эти, на первый взглядъ, непонятныя слова
йміютъ целью восхвалить разносторонность певца, веду-
щаго свои игры, выигрыши, тонцы (т. е. рассказы), припев-
ки, наигрыши и проч. изъ далекихъ месть, или изъ места
до места, по всему лицу известной певцу земли; въ по-
вествованіяхъ нынешнихъ, северно-русскихъ певцовъ или
сказителей былинъ называются Ерусалимъ и Царьградъ
какъ отдаленнейшія, Клевъ, Москва, Новгородъ, Черни-

¹⁾ Рыбниковъ. Н4они. I, 136, 144; И, 31. Гилы|ердингъ. Оиеж. был. 45,
214, 356, 498, 1058, 1096 а др.

— 32 —

говъ. какъ далекія, но все нее относительно более близкія м^ста. Въ качестве пріезжаго скомороха (мы увидимъ ниже, что скоморохи по преимуществу были люди прохожіе, бродячіе), Добрыня въ своей «игре» могъ разсказывать про дальняя страны, подобно Бояну пробегать мыслю по всему миру, повествовать о чудесахъ заморскихъ, связывая эти рассказы съ повествовашемъ о собственныхъ своихъ похождешахъ, о томъ что онъ самъ испыталъ начуяійне. И действительно, въ целомъ ряде пересказовъ данной былины Добрыня разсказываетъ, повествуетъ, по словамъ же былины—«играетъ» или «выигрываетъ свое рожденіе», «свои похояденія», «играетъ» или «натягиваетъ струну» про свое похояеденіе, про свои разъезды, «заводить струны» отъ разныхъ месть, при чемъ «идутъ наценки Добрынины», «выигрываются егопохожденія»!), напр.:

— Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой равъ отъ Еросалима,

¹⁾ Нельзя не указать на родственный приведеннымъ* выражениія: «струна молвить», «струна говорить», встрѣчаюцяся въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ святочной пѣснѣ:

Заиграль милый въ гусли,
Какъ струна струнъ молвить:
«Пора молодцу жениться-.

(Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 33.)
Въ другой (хороводной) пѣснѣ ноютъ:

Заиграю во струну.
Струну серебряную.
Вы послушайте робята,
Что струна-то говорить...

(Балакиревъ. Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень. № 39.)
Иногда гусли отождествляются съ мыслями:

Разыграйтесь гусли, мысли,
Я вамъ нѣсеньку спою...
(Тамъ-же: № 29.)

Въ другихъ пѣсняхъ «говорить» другія музыкальный орудія, напр.:

Какъ струна-то загула, загула,
Л дуда-то выговаривала.
(Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 84.)

Въ балалаечку набрякиваетъ,
Балалайка выговариваетъ.

(Пальчиковъ. Кресть. віс. № 114.)
Въ «Задонщигъ» встрѣчаемъ выражениіе «гусельные словеса». (Ср. нвж.).

Третій разъ сталъ паигрывати,
Все свое похожденіе рассказывати ^{1).}).

- Ень игрище игралъ оть Царя-града,
Другое игралъ оть Еросолима,
Третье играе оть Ііева,
А похожденъя выигрывалъ Добрынинъ.
- Струночку играетъ оть синя моря,
Другую играетъ оть Царя-града,
А третью оть Ерусалима,
А все похожденъице Добрынюшко.
- Натягаль онъ струну про Шевъ градъ,
Другую про похожденъице,
Выигрывалъ свое рожденъиде.

(О рожденій Добрыни см. ниже).

- Сталъ Добрынушка въ гуселышка поигрывати.
Ужъ онъ струночку играетъ что я Кіевской,
Какъ въ другую играть оть Еросолима,
Еще въ третью про разъезды про Добрынюшкины.
- Онъ первую (очевидно: струну) завель оть Кіева,
Онъ другу завель оть Еросолима да до Царяграда,
А вей пошли На^СВКН ты Добрынинъ ^{2).}

Здѣсь всюду річь идетъ о пов[^]ствовавши, сопровождающимъ звуками струнъ. Предметомъ же пов'єсгованія являются события изъ далекихъ мѣсть, иереплetaемыя рассказами о собственной судьбе, собственныхъ похождешяхъ и разъ[^]здахъ півца-гусельника. Въ другихъ варіантахъ говорится о веденій ільвомъ «наигрышъ оть Добрыни», о ніній имъ «напъвочекъ Добрынюшки», по которымъ признаетъ, въ лиц!^{1;}вца, своего мужа Настасья Мikuлична:

- Играль онъ во гуселышки тутъ яровчаты,
А все наигрища приводить онъ Добрынинъ.
- Напъвочки поетъ все къ Настасье Мikuличной.
Какъ услыхала тутъ Настасья Мikuлична
Напъвочки Добрынюшки Микитица... ^{3).}

И такъ подъ словами: выигрышъ, наигрышъ, тонцы, наївки. припевки и т. п. сѣдуется понимать содержа-

¹⁾) Рыбников*. ІГСІШ. Ш, № 16.

²⁾) Гильфердингъ. Онеж. был. 950, 1021, 1096, 1254 (ср. 1261), 1305.

³⁾) Тамъ-же: 165, 737.

ніє песни, можетъ быть въ связи съ известными характеристическими напевами [?], подобно тому, какъ нодъ боле общимъ словомъ «игра» нередко понимается песня, сопровождаемая игрой на инструменте.

После всего сказанного о песняхъ Добрыниныхъ, становится понятнымъ смыслъ нижеследующихъ сходныхъ выражений былинъ, относительно «игры» и другихъ певцовъ:

Соловей Будиміровичъ

Струну къ струночкѣ патягиваетъ,
Тонцы по голосу налаживаетъ,
Тонцы онъ ведеть отъ Новагорода,
А другіе ведеть отъ Еросолима,
А всѣ малые припѣвки за (=ивъ-ва) синя моря,
За синя моря Волынскаго,
Изъ за того Кодольскаго острова,
Изъ за того Лукоморья зеленаго ').

Въ терему, воздвигнутому Соловьемъ Будиміровичемъ, «играются во гуселка яровчаты»:

Тонцы ведутъ отъ Нова города,
Другіе ведутъ-то отъ Еросолима,
Припїви прппнѣвія Тб хорошій.

Или:

А въ третьемъ терему-то гудки гудять,
Игры играютъ Царя-града,
Напѣвки напѣваютъ Еросолима ²⁾.

Ставръ

сталъ гуселокъ налаживать,

Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать:
Струночку натягивалъ отъ Киева,
Другу отъ Царя-града,
Третью съ Еросолима;
Повель онъ та(о)нцы велайніе,
Припѣвки то принѣвалъ изъ за синя моря.³⁾

¹⁾ Рыбниковъ. Гѣній. I, 324.

²⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 370, 954.

³⁾ Рыбниковъ. Пісній. II, 101.

Или:

И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати,
Сыгритъ сыгралъ Царя-града,
Та(о)нцы навель Иерусалима...¹⁾

Садко

поигрываетъ во гуселышки,

Играеть-то Садкѣ въ Новъ-городѣ,
А выигрышъ береть отъ Царя-града^{2).}

Во всяхъ приведенныхъ случаяхъ должно понимать по-
вѣствованія о собы'яхъ и обстоятельствахъ, касающихся
далекихъ мѣсть: Иерусалима, Царяграда, Новгорода (по
отношенію къ поющему въ Кіеве) и т. п.—Нельзя не обратить
вниманія еще на неоднократно встречающееся вы-
раженіе: «припевы», «припевки» («хорошіе», «изъ за
синя моря», «Добрынины» и т.п.). Подъ этими словами
слѣдуетъ вероятно подразумевать вплетаемыя певцомъ въ
песню мудрыя, поучительныя йзреченія, нравоученія,
поговорки. Веіцій Боянъ, по выраженню Слова о полку Иго-
реве, изрекъ «припевку» про князя Всеслава: «ни хытру,
ни горазду, ни птицею горазду, суда Божгя не минутит
(будь хитръ, будь гораздъ, обернись хоть птицею, суда
Боягія не миновать). И другое изречете Бояново: «тяжско
ти голот, кромп пленю; зло ти тгъду кромгъ головы»
(тяжело голове безъ плеча, горе телу безъ головы), при-
мененное авторомъ «Слова» къ Игорю («Русской земли
безъ Игоря», прибавлено въ «Слове»), было вероятно та-
кой же «припевкой». Не были ли и упомянутые выше
«напевочки» и «наигрища Добрынины», по которымъ
узнаетъ Настасья Микулична переодетаго въ скомороха
мужа своего, такими же знакомыми ей йзреченіями, по-
говорками (припевками) Добрыниными? Въ некоторыхъ
случаяхъ подъ словомъ напгрышекъ очевидно понимаютъ
сѧ йзреченія, поговорки, заключающая въ себѣ известный

¹⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.

²⁾ Рыбниковъ. ДтсНВ. I, 369.

скрытый смыслъ, известные намеки, обращаемые пбвцомъ только къ извѣстнымъ изъ присутствующихъ лицъ. Такъ Добрыня, въ образе скомороха, наигрываетъ два наигрышка, предназначаемые имъ очевидно для своей ясены, собирающейся выходить за мужъ за Алёшу Поповича:

...сталъ наигрышки наигрывать:
«Охъ вы гусли мои, гуелицы,
Гусли мои звончатые!
Вы лежали со ряду шесть лйтъ,
А еще лежали ровно три года,
А еще лежали ровно круглый годъ,
На десятомъ году играть стали».

(Намекъ на десятилетнее отсутствие Добрыни изъ дому.)

И другой наигрышекъ сталъ наигрывать:
иГдѣ это видано, еще гдѣ же слыхано,
Отъ жива мужа за мужъ итти?» ')

(Опять намѣкъ на то, что Добрыня еще яшвъ.)

Въ одномъ изъ пересказовъ данной былины Добрыня «натягаль струну про свое похожденьице, выигрывалъ свое рожденьице»:

Ни кто-то въ пиру не догадается,
Одна Катерина (=жня его) догадалосе²).

Все пріемы Добрыни, все его напевки и наигрыши направлены къ тому, чтобы жена узнала его, для нея онъ играетъ свои «наигрышки» и «препевки».

Въ былине «Молодецъ у короля на службѣ» выражение «наигрышки наигрывать» опять употреблено въ смыслѣ восклицанія, специально обращеннаго къ сидящей въ светлице, любящей молодца королевне:

Онъ и сталъ тутъ наигрышки наигрывать:
«Бывало меня Король любиль-жаловалъ!
А нынче на меня скоро прогневался,
Ведеть молодца ко повышенно». ³)

¹) Кирѣевскій. Пѣни. II, 9; ср. 16.

²) Гильфердингъ. Онеж. был. 1096.

³) Кирѣевскій. Песни. V, 168.

Изъ всего вытесказанного видно, что древній скоморохъ-гусельникъ повѣствовалъ о местахъ далекихъ, по которымъ странствовалъ, переплетая свои повѣстованія разсказами о собственныхъ похождешахъ, а равно и припевками (наигрышами, напівочкамі), т. е. изреченіямі и поговорками, то имеющими общи смыслъ, то заключающими въ себе известные намѣки, обращааемые имъ къ тому или другому изъ слушателей.

Подобно тому, какъ, по словамъ певца Игоревой рати,

*скакала по мысленному древу, возносился
подъ облака, мчался черезъ долы и горы втцгі
Боянъ (гудецъ Кіевскій),*

и старинные певцы-гусельники, давая волю своему воображаенію, витая мыслю по лицу вселенной, вещая свои чудесные разсказы о странахъ далекихъ, уносили внимавшихъ имъ слушателей мысленно за «сине море», въ землю Сорочинскую (= Сарацинскую), въ Ерусалимъ, въ Царградъ, къ морю Волынскому, къ Лукоморью зеленому, въ Новгорода Смоленскъ, Черниговъ, въ леса Брынскіе, въ омуты Днепровскіе и т. п. Воспоминаніе о такомъ пареній или вйтаній мысли певца по безпределной шире вселенной, по морямъ, полямъ, лесамъ и поднебесью, сохранилось во вступительной къ некоторымъ былинамъ формуле, въ разныхъ случаяхъ являющейся то боле, то мене развитой:

Высота пи, высота поднебесная,
Глубота, игубота океанъ море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Дн'їпровскіе.

Въ иныхъ случаяхъ эта формула продолжается такъ:

Чуденъ крестъ Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкіе,
Высокія горы Сорочайнскія,
Темны лѣса Брынскіе,
Черны грязи Смоленскія,
А и быстры рѣки понизовскія ').

¹⁾ К. Данилов*. Древ, росс. стих. I, 271.

Встречается и такое вступление:

Рѣки-то озера ко Новугороду,
Жхи-то болота ко Бѣлоозеры,
Широки раздолья ко Опскому,
Темные лѣса ко Смоленскому,
Чисты поля къ Ерусалиму

Подобно Бояну,

словью временъ давно минувшихъ, вость-
вашему дѣянія князей и стародавнія браны,
и певцы-гусельники нашихъ былинъ воспевали старыя
дѣянія. На свадебныхъ пирахъ гусельники пели
Про старыя времена и про нынешни
И про всѣ времена доселюшни ²⁾).

Соответственно тому, въ былинахъ встречаются вступления, въ которыхъ предстоящее повествование прямо называется старымъ, бывалымъ, стародавней стариной:

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца ³⁾.

Или:

Благословите, братцы, старину сказать ⁴⁾),
Какъ бы старину стародавную.

Въ новейшихъ былинахъ старыми временами починается уже эпоха Иоанна Грозного, напр.:

Да въ старые годы прежніе,
Во гѣ времена первоначальныя,
Когда воцарился царь государь
А грозный царь Иванъ Васильевичъ ⁵⁾.

¹⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 704.

²⁾ Рыбниковъ. Пісні. I, 249.

³⁾ Киреевскій. Песни. I, 1'.

⁴⁾ Сказать старину значить тоже, что ніть старину: въ былинахъ неоднократно сменяются выражения «старину поютъ» или «старину скажутъ». См. тотчасъ ниже соответствующие примеры.

⁵⁾ К. Даниловъ. Древ. росс., стих., 219, 226,—Ср. вступление къ песне о взятий Казани:

Ужъ вы ли люди ли, вы люди стародавніе,
Молодые молодцы да-воль послушати,

Въ п'ядомъ ряде былинъ находимъ и заключительные формулы о «сказаний» или «ПИЙИ старины» про того или другого героя былины, «людямъ на послушанье», напр.:

— Тутъ в'икъ про Добрыню старину поютъ:
А синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ тымъ людямъ, на послушанье.
— Тутъ в'икъ про Дюка старину скажутъ,
Синему морю и т. д.
— А съ той поры да съ того времени
А стали Дюка стариной сказать.

Въ сходной форме «скажутъ старину» про Настасью Королевну, про Михаила Потыка, про Добрыню Никитича, про Кострюка Темриковича и т. п.¹⁾.

Певцы, касаясь въ своихъ песняхъ далекихъ странъ и былыхъ временъ, рисовали и фантастической, сказочные картины изъ стародавняго прошлаго. На это опять указываютъ былины. Однимъ изъ главнейшихъ сюжетовъ былинъ служать чудесные, баснословные подвиги русскихъ богатырей, поборавшихъ разныхъ чудовищъ: дышащаго пламенемъ змея Горынчича, бабу Горынкину, Тугарина Зміевича, Соловья разбойника и др.²⁾ Былина, начинающаяся вышеупомянутой формулой: «Высота ли высота поднебесная», после такого вступленія переходитъ къ описанію беззаконія, господствовавшаго въ ста-ринное, первоначальное, басновловное время царя Давида:

При царѣ Давидѣ Евсевиѣ;,
При старцѣ Макарѣ Захарьевичѣ,

Еще а вамъ расскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича.
(«Отечеств. Записки» 1860 г. Апрель, стр. 68).

Эпитетъ «стародавній», относимый въ другихъ пісенныхъ вступленіяхъ къ «старине», въ прошедшіе времена, здесь является уже перенесеннымъ на пожилыхъ слушателей.

¹⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 750, 784, 794, 811, 817, 826, 831, 932, 1116.—Въ былинахъ у К. Данилова (Древ. росе, стих.) неоднократно встречается заключительный стихъ:

А и то старина, то и деяніе
(стр. 69, 132, 153, и др.), или:
Тіы старина и кончилась
(стр. 181).
²⁾ К. Данилов*. Древ. росе. стих. 44, 126 и сл., 241 и сл., 246 и сл., 251 и сл.

Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ—родильницы,
Чернцы по дорогамъ—разбойницы,
Сынъ съ отцомъ на судь идетъ... *)

Въ другихъ былинахъ действующими являются баснословный лица: «премудрый царь Саламонъ» и «прекрасная царица Саламонія»²), Дунай и Настасья, превращающееся въ реки³)-упоминается о чудесномъ, красующемся за синимъ моремъ, за Глухоморемъ зеленымъ, славномъ городе царя заморского, Леденце, откуда выплываетъ на своихъ фантастически разукрашенныхъ корабляхъ богатый гость Соловей Будншровичъ⁴), и т. п.—Въ сходномъ же смысле следуетъ понимать и выражение Слова о полку Игореве о «замышленій Бояновомъ». Певецъ Слова хочетъ начать свою песню «не по замышленію Бояна», а «по былинамъ сего времени», т. е. воспеть быль, исторические факты, между темъ какъ Боянъ, творя песню, «растекался мыслю», даваль волю своему воображению, своему «замышленію», вымыслу, сплетая действительность съ чудеснымъ, облекая, подобно нашимъ былинамъ, действительность въ фантастическую форму.

Такие фантастические рассказы или «сказки» легко могли принимать и шуточную форму, подобно былинамъ-сказкамъ: «Старина о болыпомъ быке», «Кострюкъ», «Небылица», «Птицы» и т. п. Некоторые изъ этихъ сказокъ-старинъ начинаются призывомъ слушателей ко вниманию, чтобы послушали старинушку, напр.:

Да князья послушайте,
Да бояре послушайте,
Да мужики ты земскіе,
И старички деревенскіе,
Да ребятушки махотные,
Да крестьянушки пахотные,
И не шумите—послушайте.
Да я вамъ старинушку скажу

¹⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 271.

²⁾ Рыбниковъ. Итени. II, 277 я сл.

³⁾ Гильфердингъ. Онеш. был. Си. несколько пересказовъ о «Дунаї»

⁴⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 1.

Про тово-де большово быка
Рободановика...

Или:

А не тките то дѣвушки,
Не ирядите молодушки,
Ужъ вы сядьте послушайте,
Я вамъ сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди,
И про того Кострюка Кострюкановича,
Про того Дебрюка Дебрюкановича...

Или:

Старина сказать да стародавная,
Стародавная да небывалая,
Хорошо сказать, да лучше слушати...,

послі чого ел'їдуєть цізлый рядъ не бы ли дъ:

Да не курица жа ступы соягниласе,
Корова на лыжахъ покатиласе,
Да свиня въ ели-то відь гнездо свила...
По поднебесью, братцы, аедвідь летить,
Да медведь летить, да онъ хвостомъ вертитъ,
А по чисту полю у насъ корабъ бѣжитъ,
На синёмъ мори у насъ овинъ горитъ,
Да овинъ горить и то съ ріюю... ')

Боліе или менізе сходные съ выше приведенными, фантастическіе, баснословные (вероятно и шуточные) разсказы очевидно пелись и старинными русскими певцами-гусельниками. На это указываютъ, кромі приведенного раньше (стр. 40) выражения автора Слова о полку Игоревій, о замышленій бояновомъ, еще и слова Кирилла Туровскаго (XII в.), порицавшаго т-їхъ, «иже басни бають и въ гусли гудутъ» ²⁾, Кирилла митрополита Киевскаго (XIII в.), называющаго въ числѣ мытарствъ: «плясаніе... и басни бающе ³⁾», наконецъ митрополитъ Фотія (1410 г.),

¹) Гильфердингъ. Онеж. был. 1132—1133, 1272, 1329.

Нам. Росс. слов. XII в. 95.

²) Филаретъ. Оба. дух. лог. 59.

увілцевавшаго Новгородцевъ басней не слушать .—Воз-
врачаюсь къ серьезной «игре».

Подобно Бонну,

*величавшему князей, подъ вчыщими перста-
ми которого струны сами рокотали славу
князямъ. - Вояку, свивавшему древнюю славу
съ новою,*

и старинные «веселые молодцы» славили и величали
героевъ времень минувшихъ, а равно и современ-
ныхъ имъ князей, по примеру Бояну свивая, такимъ
образомъ, древнюю славу съ новой. Мы видели выше
(стр. 38), что певцы гусельники пели песни

Про старыя времена и про нынѣшни,
И про веб времена доселюши.,

т. е. соединяли повествования о старыхъ и новыхъ вре-
менахъ. Кроме того, въ былинахъ повѣстовавша нередко
заключаются возглашеніемъ славы или хвалы герою
или геройн[^] былины, напр.:

— Тутъ-то Настасье славу поютъ.
— Да тутъ Святогору да богатырю славу поемъ.
— А тутъ Кострюку славы поютъ,
Славы поютъ, старину скажутъ...
И царицы славы поютъ,
Славы поютъ, старину скажутъ.
— А еще тутъ поганому (Идолищу) славы поютъ²).
i

Пѣвецъ Слова о полку Игореве, неоднократно вспо-
мная о Бояне и какъ будто подражая местами складу
Бояновыхъ песень или «старымъ словесамъ», заключаетъ
своё произведение славлениемъ Игоря, Всеяолода, Вла-
диміра Игоревича, напоминающимъ только что приведен-

¹⁾ Акты (арх. эксп.) 1, № 369.

²⁾ Гвльфер цвягъ. Онеж. был. 624, 646, 932, 1038,—Въ иѣкоторыхъ были-
нахъ въ заильчительномъ стихѣ провозглашается слава старпнї, т. е. стародавнимъ
вреневамъ и событиюмъ:

Да тутъ ли старинуний славу поемъ.

(Тамъ-же: 662, 671, 676, 689.)

ные заключительные стихи былинъ- но здѣсь, кромѣ князей, величается и дружина, которой провозглашается слава и здравіе вміїсті съ князьями: «Шэти слава Игорю Святъславича. Буй туру Всеволод!;, Владыміру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христаны на поганыя плѣки. Еняземъ слава, а дружинѣ Аминь!» ¹⁾). Обычай величать и славить на пирахъ въ п-ѣсняхъ не только воинственныхъ въ ней князей и героевъ, но и присутствующего князя (или боярина, хозяина дома), а также и другихъ присутствующихъ лицъ, отразился и въ былинахъ: Ставръ, въ роли «веселаго молодца» или «загусельщика»,

Сыгрыши съгралъ Царя-града,
Та(о)нцы навель Іерусалайма,
Величалъ князя со княгинею ²⁾.

Былина о смерти Михаила Скопина свидѣтельствуетъ о «великой славѣ», которую пілй Окопину во время пира:

На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ
И ниръ пошелъ и велікій столъ
И (У?) Скопина князя Михайлу Васильевича
Про весь православный міръ,
И велику славу до віку поютъ
Скопину князю Михайлі Васильевичу...

На этомъ пиру, по обычаю, идущему отъ временъ Владыміровычъ, каждый изъ гостей ч-ѣмъ нибудь похваляется. Очередь доходитъ до хозяина:

«Я Скопинъ Михайлъ Васильевичъ
Могу князь похвалитися,
Что очптиль Царство Московское
И великое Государство Россійское,
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ старого до налага,
Отъ малаго до вѣку моего» ³⁾.

¹⁾ Русс. Достон. Ш., 254.

²⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.

³⁾ Но слѣдніе два, стиха напоминаютъ соответствующее ибсто иаъ былины о Добрый!;, который «выигрывалъ», т. е. воспевалъ, славилъ
Отъ старого да венхъ до малаго,

и какъ будто представлять лишь механическое повтореніе старинной формулы въ иска-
женном* смыслѣ. Ср. ниже стр. 45.

Та же былина заканчивается припевкой, т. е. заключительной формулой общего характера, въ мене разви- томъ виде повторяющейся и въ конце нѣкоторыхъ дру- гихъ былинъ. Вотъ эта припевка:

То старина то и діянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на нерениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потішенье,
Сидючи въ бесидѣ смиренныя,
Изпиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову ').

Какъ Боянъ воспѣвалъ хвалу князьямъ, какъ авторъ Слова о полку Игореве восибвъ походъ Игоря, возглашаетъ славу князьямъ и дружине, какъ Ставръ, въ ка- чествѣ скомороха, за пиромъ у князя вплетаетъ въ свою пѣсню величаніе князя и княгини, такъ и въ последней припевке воздается честь хозяину пира, боярину великому, такими нее какъ Ставръ-скоморохъ «веселыми молодцами». Эта припевка замечательна и важна въ томъ отнопіеній, что она подтверждается предположеніе о томъ, что авторами былинъ были старинные нѣвцы-гусельнши, скоморохи: «то старина то и діянье... намъ веселымъ молодцамъ на потішенье»; следовательно поютъ былину *оны*, веселые молодцы-скоморохи, себе на по- тішенье, добрымъ людямъ на послушанье, молодымъ мо- лодцамъ на нерениманье: «гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ... хозяину»; следовательно вплетаютъ славленіе, чествованіе хозяина въ песню-былину тоже веселые молодцы-скоморохи. Точно такъ и Добрыня, переодетый скоморохомъ, на свадебномъ пиру въ своей песне «выигрываетъ», т. е. очевидно славитъ, величаетъ всехъ, отъ старого до малаго, поимѣнно:

') л. Даниловъ. Древ. росс. стих. 391.

Онъ повыигралъ во гради во Кіевѣ
Онъ во К&євѣ да всѣхъ поименно,
Онъ отъ старого да всѣхъ до малаго ').

Замечательную аналогію представляетъ послідній стихъ съ выраженіемъ півца Слова о полку Игоревѣ: Добрыня повыигралъ всѣхъ отъ старого до малаго, а пъвецъ Слова слѣздуетъ примеру тѣхъ, кто величаетъ князей, сперва старшихъ, а потомъ младшихъ («півшне нѣснъ старымъ княземъ, а потомъ молодымъ»²). Непосредственнымъ доказательствомъ тому, что півцы-гусельники действительно величали князей (позже царей) можетъ служить разсказъ Олеарія, который еще въ первой половині ХУІІ стол'ття слышалъ въ Ладогі п'ївцовъ-скомороховъ, славившихъ за носольскимъ столомъ царя Михаила Ведоровича: «Въ Ладогі — пишеть Олеарій — услышали русскую музыку: когда мы сидѣли за обѣдомъ, пришли двое Русскихъ съ лютней (Laute)³ и гудкомъ (Geige) на поклонъ къ гг. посламъ, начали играть и пѣть въ честь великаго государя и царя Михаила ведоровича (точнее: «о великомъ государе» и т. д.)⁴).

Прославленіе царя и историческихъ лицъ встрѣчаемъ и въ малорусскихъ думахъ, напр.:

Дай, Боже, честь и хвалу
Свѣтъ праведному Государю,
Та и Семену Палію, превеликому пану,
Що не давъ Шведу християнъ на поталу!...⁵).

Форма славленія царя, князей и бояръ, царскихъ слугъ (ср. выше славленіе друяшны княжеской), сохранилась до сихъ поръ въ нашихъ святочныхъ — подблудныхъ — ірфесняхъ, при чемъ нынѣ славленіе иногда начинается съ Бога:

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему, слава!

¹) Гильфердингъ. Онеж. был. 757.—Ср. выше стр. 43 нрвиѣч.

²) Русс. достоп. III, 254.

³) Подѣ именемъ лютни слѣдуетъ здѣсь понимать не собственно лютню, а какою-то лютнеобразный струнныи инструменту вероятно домры.

⁴) Подроб. онис. путеш. въ йосков. 26.

⁵) Кулишъ. Записки о южной Руси. 1856 г. I, стр. 195.

Чтобы нашему государю не стариться, слава!
Его цветному платью не изнашиваться, слава!
Его добрымъ коняム не изъезживаться, слава!
Его върнимъ слугамъ не йвмінватися, слава! и т. д.

Или:

Вился, вился ярый хмель, слава!
Около тычинки серебряныя, слава!
Такъ бы вились князья и бояре, слава!
Около царя православнаго, слава! *).

Въ Галицко-русской свадебной шбснъ находимъ возгла-
шеніе чести и хвалы Богу, Богородиц[^] хозяевамъ дома
и всѣмъ домочадцамъ, по старшинству (ср. выше стр. 45
славленіе сперва старшихъ, а потомъ младшихъ):

Встаньте бояры, встаньте!
Честь, фалу (=хвалу) Богу дайте:
На самый передъ Господу Богу,
Прысвиты Діві, господареви,
Господинонці и кухаройці
И всімъ послу
Що сут въ томъ дому ²⁾).

Въ Сербскихъ колядкахъ также провозглашается слава
и честь хозяину дома и членамъ его семьи, напр.:

— Слава и част домашину! Слава и честь домохозяину!
Тебѣ на част господине!.. Тебе на честь, господинъ!..
— Слава и част домашину! Слава и честь домохозяину!
Тебе на част стара ма]ко! ³⁾ Тебе на честь, старая матушка!

Въ Малорусскихъ іцедрівкахъ встрічаемъ сходное слав-
леніе, напр.:

Славенъ, славенъ панъ Олександра,
Щедрий вечіръ!
Ой чимъ же вінь славенъ? Трома городами,
Щедрий вечіръ!
Трома городами, своїмъ синами
Щедрий вечір'! и т. д. ⁴⁾).

⁴⁾ Снегиревъ. Руссіе простонародные праздники. II, стр. 70, 79.—Ср. Сахровъ. Сказ. русс. нар. I. ш: «Пісні подблоднія».

²⁾ Pauli. Pies. ludu rusk. w Galie. I, 83.

³⁾ Каракиць. Сриске народне іїесте. I, стр. 115, 116

¹⁾ Кулишъ. Зап. о юж. Руси. I, 196.

Форма славленія въ приведенныхъ русскихъ (и сербскихъ) святочныхъ пѣсняхъ близко сходна съ заклгочительнымъ славленіемъ князей и дружины въ Словѣ; о полку Йгореві (ср. выше стр. 43); таковымъ же было вероятно въ общихъ чертахъ и обычное величаніе князей въ пѣсняхъ скомороховъ-гусельниковъ (ср. стр. 42: выраженія былинъ: «славу» или «славы поютъ»),

Кромъ йровозглашенія славы, хвалы, чести, въ народной литературѣ неріздко встречается величаніе того или другаго лица, посредствомъ лестныхъ для него сравненій съ небесными светилами, зарей, маковымъ цветомъ и т. п., — сравненій, вероятно также применявшихся въ величальнихъ пѣсняхъ старинныхъ певцовъ-гусельниковъ. Такъ въ русскихъ колядкахъ весьма распространена твердо уставившаяся форма славленія хозяина дома и его семьи, посредствомъ уподобленія ихъ солнцу, месяцу и звѣздамъ, напр.:

Великорусс.: На дворѣ у него (Устина, хозяина) да три терема:
Въ первомъ терему да свѣтель мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Въ третьемъ терему часты звѣзды.
Что свѣтль мѣсяцъ, то Устиновъ домъ (т. е. самъ Устинъ),
Что красное солнце, то Улита (жена) его,
Что часты звѣзды, малы д'ѣтушки ¹⁾.

Малорусс.: Ясный мѣсяцъ — самъ господарь,
Ясне сонце — його жинка,
Яснее зиркы — його дитки ³⁾.

Бѣлорусс.: Ясенъ мѣсяцъ — панъ Иванъ,
Красно соунце — яго жана,
Дробны звезды — яго дзѣтки ³⁾.

Хозянъ обыкновенно сравнивается съ мѣсяцемъ, а хозяйка — съ солнцемъ; но иногда сравненіе делается и наоборотъ, напр.:

¹⁾ Абевега русский суворій. 1786 г. Стр. 224.

³⁾ Метлінсвій. Народные юшорусскія наспи. 1854 г. Стр. 342.
Шейпъ. Вѣлоруссвія народныя історіи. 1874 г. Стр. 43.

Великорусе.: Красно солнце—то хозяинъ въ дому...,
Свѣтель мѣсяцъ—то хозяйка въ дому... ¹).

Нельзя не заметить, что точно такое же величаніе встречается и въ былинахъ исказахъ русскихъ, гдѣ князь Владміръ нередко называется солнышкомъ, ласковымъ солнцемъ, краснымъ солнцемъ, напр.:

Отъ того ли отъ солнца Владміра...,

или:

«Солнышко ты, Владміръ стольно-Кievskій!>

или:

«Гой еси, государь ты мой батюшка,
Ласково солнце, Владміръ киязы!»

или:

Запечаловаль князь Владміръ,
Красное солнышко, свѣть Святославьевичъ ²).

Въ слове о полку Игорев'1; встречается сходное сравненіе героя поэмы съ солнцемъ на небѣ:

Солнце светится на небесѣ, Игорь князь въРусской земли ³).

Приведу еще несколько примеровъ величанія того или другаго члена хозяйствской семьи въ колядкахъ:

Малорусе.: У нашего пана хороша пани (=хозяйка)

По двору ходыть, якъ мисяцъ сходыть (=восходить),
По синцямъ ходыть, якъ заря сходыть.

Или:

А въ тій світлыці стоить Орышечка (=хозяйская дочь),
Убиралася, то-жъ и наряжалася;
До церкви пошла, якъ зоря війшла,
У церковь війшла, и засіяла.
Тамъ паны стоялы да ій пытали:
Чы ты царивна, чы короливна?... ⁴).

Великорусе.: Какъ у месяца золоты рога,
А у солнышка очи ясные,

¹) Снегиревъ. Рjсс. прост, иразн. II, 67.
²) Гильфердингъ. Онеж. был. 1261.—Рыбников*, Песни Т 143 Ср П 13
і զօօ «Р-7¹ր. Դանի «²ր - Древ- росс. стих. 134, 249—Сахаровъ. Песни русс. нар'
1839 г. V. Прѣміч. 1-е къ былинамъ, стр. 396

³) Русс. Достой. III, 252.

⁴) Метлінсвій. Южнорусс. нар. илс. 331, 332—Ср. Радченко. Сборникъ біло-
русскихъ и малорусскихъ народныхъ п'есень Гоаельсваго уѣзда. I. Колядня X 28.

У Степанушки (хозяйского сына) кудри русы
По шгечамъ лежать,
Точно жаръ горять 'j.

Въ заключение, какъ дальнѣй примѣръ народнаго славленія, приведу еще свадебную величальную иѣсню, исполняемую въ честь свата:

Слышь ли, чуешь ли,
Петръ свѣтъ Даниловичъ?
Мы тебѣ ПІСНІО поемъ,
Теб' мы честь воздаемъ.
Какъ білый сыръ на блюдѣ лежитъ,
Что сахарный кусъ на тарелочки,
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ стонть,
То сватушка нашъ за столомъ сидить ²⁾.

Повторяю, что о величаній и славленій царей, князей, бояръ и хозяевъ, въ старинныхъ иѣсняхъ скомороховъ, молено составить себѣ некоторое понятіе но приведеннымъ примѣрамъ изъ русскихъ былинъ и народныхъ иѣсень, вероятно въ данномъ отношеній близко сходствующихъ съ величальными песнями скомороховъ.

Чудные разсказы про далекія м'ѣста, «игра изъ за моря» ³⁾, чудныя повѣствованія «про старыя времена и про нынешни и про всѣ времена доселюшни», про странствованія и подвиги богатырей (позже—про дѣянія князей, царей) ⁴⁾, про собственное рожденіе, собственные разѣзды и похоясденія пѣвца въ далекой чужбинѣ ⁵⁾, величаніе и славленіе князей и бояръ, «отъ стараго до малаго»—вотъ очевидно главное содержаніе «тонцевъ великихъ» въ игрѣ старинныхъ пѣвцовъ-гусельниковъ, «игры великой», которая вызывала такой восторгъ и удивленіе въ слушателяхъ и такъ щедро награждалась княземъ.

¹⁾ Владайїрскія Губ. Ведом. 1860 г. № 8.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. russ. нар. I. ш., 156.

³⁾ Про Царьградъ, Іерусалімъ, Сарацинскую землю, Волынское море, Новгороду Москву, Черниговъ и др.

⁴⁾ Ср. былины: «Илья Муромецъ и Соловей разбоиникъ», «Илья Муромецъ и Идолище», «Три поездки Ильи Муромца», «Добрыня и Маринка», «Добрыня и змій», «Добрыня и Алёша Поповичъ» и т. п. изъ Владмірова цикла; позже героями былинъ сделались Грозный Царь Пванъ Васильевичъ Ермакъ Тимофеевичъ Гришка Отреевъ, Царь Алексей Михайловичъ Царь Петръ, Стенька Разинъ и др.

⁵⁾ Ср. повѣствованія «о рожденьице», «похожденыше», «разъездахъ Добрыниыхъ» въ былине о Добрыне.

Йсторическія свидетельства о княжескихъ придворныхъ музикальныхъ искусствникахъ, начиная съ конца XI и до конца ХТ столітія, почти вовсе умолкаютъ. Упоминается въ Ипатьевской летописи подъ 1241 года лишь вскользь о какомъ-то знаменитомъ певце Митусе, не захотевшемъ изъ гордости служить князю Данійлу¹⁾. Затемъ сохранились лишь йзвестія о забавахъ князей охотою на дикихъ зверей, о пирахъ, продолжавшихся до глубокой ночи и которыми обыкновенно ознаменовывались брачныя торжества. Мы знаемъ далее, что митрополитъ Кириллъ (XIII в.) упрекалъ ростовскаго епископа Игнатія за то, что онъ ель, пшгъ и веселился съ княземъ Глебомъ Васильковичемъ; но въ чемъ именно заключалось это веселье, и вообще, забавлялись ли музыкой князья съ конца XIII до конца XV века, никакихъ сведеній не существуетъ. О великомъ князе Литовскомъ Ольгирдѣ (ХІУ века) летописецъ выражается съ особой похвалой: «премудръ бе зело... и воздеряніе имаше веліе... потехи и йгранія и прочихъ таковыхъ не внимаше»²⁾, изъ чего нетрудно заключить, что другіе князья того времени внимали играмъ и потехамъ, Неупомянаніе о музикальныхъ забавахъ не значитъ, однако еще, чтобы ихъ совсѣмъ не было, темъ более, что съ конца ХУ столітія появляются йзвестія о царскихъ музикальныхъ потехахъ, въкоторыхъ, рядомъ съ отечественными, выдаются уже иноземные искусники-инструменталисты. Такъ въ царствованій Иоанна III, въ 1490 г., выписанъ былъ, вместе съ другими иностранными художниками, органный игрецъ. При царе Иоанне Грозномъ были въ Москве німецкіе музыканты, прибывшіе съ другими иноземными мастерами, но деятельность ихъ прошла безследно: сохранилась лишь запись о несколькихъ немецкихъ музыкантахъ въ одной изъ немецкихъ церковныхъ книгъ въ Москве³⁾). При царе Оедорѣ Иоанновичѣ прибывають изъ заграницы органы и клавикорды съ соответствующими музыкантами; при царе Михаиле ведоровиче къ нимъ при-

¹⁾ Поди. собр. рjсс. лбт. XI, 180.

²⁾ Древній літописецъ. 1747. г. 1, 167.

³⁾ Stalilin. Nachrichten von der Musik in Russland, въ Haiffold's Bevlaezen zum neu veranderten Eusslaud. 1770. II, S. 75.

соединяются скрипачи и цимбальники; а въ частныхъ домахъ появляются на вечеринкахъ игроки на лирахъ. Подробнее объ этихъ музыкантахъ я буду говорить въ другомъ месте.

Въ тоже время находимъ и свидетельства о барабанахъ, въ теченій XVI и XVII столітій, къ которымъ въ XVII вѣкѣ присоединяются и домрачи. И тѣ; и другіе служили очевидно представителями, въ позднѣйшее время, рассмотренной выше «великой игры». Одною изъ любимыхъ русскихъ комнатныхъ утехъ въ долгіе осенние и зимніе вечера и особенно для грядущихъ ко сну, замечаетъ г. Забелинъ, была сказка и по всему вероятно не въ спешльномъ ея значеній, какое определила ей наука, а вообще въ значеній всякой повести, какъ небылицы, такъ и действительной были, обставленной только поэтическими образами и сказываемой поэтическимъ словомъ. Сказка въ такомъ более широкомъ смысле слова отождествляется съ теми баснями, противъ баянія, т. е. сказыванія или пенія которыхъ возвышали свой голосъ, какъ противъ скоморошескаго искусства вообще, духовные писатели XIII века: «иже басни бають и въ гусли гудуть», «плясаніе... и басни бающе»; выраясеша эти мы встретили уягѣ выше (стр. 41) и сравнили это «баяніе басней» съ «замышлешемъ Бояновымъ», съ повествовавшемъ древними скоморохами фантастическихъ, баснословныхъ разсказовъ. Бахари были очевидно такими ваятелями басенъ, сказителями сказокъ. Немцы, описывая монашескую жизнь царя Ивана Васильевича въ Александровской слободе, говорятъ, между прочимъ, что после вечерняго богослуженія, царь уходилъ въ свою спальню, где его доятдались трое слепыхъ старцевъ (бахарей); когда онъ лоялся въ постель, одинъ изъ старцевъ начинай говорить сказки и небылицы и когда уставалъ, то его сменялъ другой и т. д. Царь отъ этого скорее и крепче засыпалъ. У царя Василія Шуйскаго былъ бахаръ Иванъ. Въ первые годы царствованія Михаила Оедоровича баяли басни, въ качестве государевыхъ бахарей, Климъ Орефинъ. Пётръ Оапоговъ и Богданъ Путята. Не только въ царскихъ

хоромахъ, но и въ каждомъ зажиточномъ русскомъ доме бахарь былъ въ старину необходимымъ лицомъ. Должность бахарей состояла въ томъ, чтобы, когда боярину скучно, или когда онъ ляжетъ въ постель, сказывать ему сказки, повести, прибаутки, чтобы боярина или развеселить, или усыпить. У старозавитныхъ людей и въ начале нашего столітія бахарь-сказочникъ бывалъ еще необходимымъ членомъ домашняго препровожденія времени ¹⁾). Бахари, въ отлічіе отъ праотцевъ своихъ—гусляровъ, сказывали (или распевали?) свои повествованія уже безъ сопровождения музыкального инструмента. Въ одной изъ белорусскихъ колядокъ «бахоръ» изображается ленивцемъ въ домашнемъ быту, какъ и подобаетъ профессиональному рассказчику и краснобаю:

По-Іхау бахоръка по дрова, по дрова,
А яго съкира тупа, тупа,
А яго кобыла лѣнива, лѣпива.
Не стали дрова рубиться, рубиться,
Та задумая єнъ жениться, жениться,
Щобъ за діткамай лениться, лѣниться ²⁾.

Вместе съ бахарями въ памятникахъ временъ Михаила Оедоровича упоминаются домрачи, т. е. певцы, сопровождавшіе свои песни звуками домръ. Имена домрачеевъ встречаются въ документахъ первой половины XVII века. Съ 1614 г. находимъ имя домрачая Богдана Путяты, въ 1626 г. во время свадебнаго праздника царя Михаила Оедоровича тешили его, между прочимъ, домрачи Андрюшка бедоровъ да Васька Степановъ. Затемъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII века въ дворцовой потешной палате являются уже домрачи слепые: Таврило («нотешникъ домрачей»), Яковъ, Лукьянъ Никифоровъ, Наумъ, Петръ («игрецы домрачи»), действовавшіе преимущественно на царицыной половине и получавшіе, по приказанию царицы, деньги, то въ награду, то на домерныя струны. Искусство бахаря и домрачая соединялось иногда въ одномъ лице. Такъ упо-

^{*)} Забѣлінъ. Доц. быть русс. царицъ. 433, 438 и сл.—Энциклопедическій Лексикон*. 1836 г. Т. V: «бахарь».

²⁾ Безсоновъ. Білорускія історіи. 1871 г. I, стр. 84. Бахоръ, у білорусовъ, во объяснение проф. Безсонова, значить: балагуръ, шугъ; волокита; баятель-відунъ, дѣль.

мянутый выше Богданъ Путята называется то бахаремъ, то домрачеемъ. Независимо отъ бахарей и домрачеевъ тешили Михаила ведоровича и гусельники: гусли, следовательно, еще не совсѣмъ утратились изъ употребленія народныхъ п'ѣвцовъ и сказителей, но, на сколько возможно судить по имеющимся скучнымъ сведеніямъ, въ значительной степени уступили место домрамъ. Г. Забелинъ высказываетъ весьма правдоподобное предположеніе, что бахарь, домрачей и гусельникъ были представителями художественной литературы, свойственной потребностямъ и вкусамъ века. Это были, по выраженію его, «поэты, если и не творцы, за то хранители народного поэтическаго творчества. Но не можемъ сказать, прибавляетъ г. Забелинъ, что они не были и творцами, ибо есть нологительныя свидѣтельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшемъ, но съ язвостью воспринимала и поэтическіе образы современныхъ событій. Въ этомъ отношеній для насъ неоценимы песни, записанныя у одного англичанина въ 1619 г. Оне воспевають событіе только что совершившееся въ томъ году, прїездъ въ Москву изъ плена государева отца, Филарета Никитича; оне поютъ смерть недавняго народного героя Скопина-Шуйскаго (1610 г.), оне поютъ участъ царевны Ксении Годуновой. (См. у Киреевскаго. Песни. VI, 202, 203, 207). Мы можемъ основательно полагать, что это только незначительный крохъ того, чѣмъ обладало наше старинное песнотворчество» *). Въ послѣдствій на месте домрачеевъ и гусельниковъ встречаемъ какъ при дворе, такъ въ особенности въ русскихъ знатныхъ домахъ, вошедшихъ въ моду въ XVIII веке малорусскихъ бандуристовъ, о которыхъ я буду говорить въ другомъ месте.

Вероятно сходны съ серьезными песнями только что разсмотренныхъ бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ были песни, въ одной изъ позднѣйшихъ былинъ именуемыя царскими: въ былине «Молодецъ и Королева» русскій молодецъ попадаетъ въ иленъ къ Шведскому королю; отвѣденный въ конюшню.

Забѣлонъ. Дои. бытъ русс. царьцъ. 434—435, 439—440.

Запѣль молодежь ігбсній царскія,
Пѣни царскія, п&сни умильныя ¹).

Пленительныя песни, которая поетъ райская птичка
надъ чудесной кроватю, снаряженной царемъ Васильемъ
Окульевичемъ, для прелыщенія прекрасной царицы Сала-
моній, называются также «царскими»:

На той на орленой грядочки
Сидить птицынка райская,
Поетъ-то пѣсенкп царскія ²).

Песни царскія[^] песни умильныя (ср. «песню зауныв-
шую») плінного молодца напоминаютъ Добрыну «игру
по уныльному, по умильному», его «игру великую»,
Садкову «игру нежную», доставившія князю Владыміру
«утехи нежныя», царю морскому—«утехи великия»
(ср. выше стр. 29, 30).

66. Игрошки непрофессиональные. Дружинники. Добрыня Никитичъ. Ставръ Годиновичъ. Соловей Будыміровичъ. Садко- Разные игрошки-любители.

Приписывая стариннымъ скоморохамъ-гусельщикамъ
(«игрецамъ», «веселымъ молодцамъ») созданіе разсмотрін-
ной выше «великой игры», воспомінаніе о которой сохра-
нилось въ устахъ нашихъ съверныхъ сказителей былинъ,—
игры, заключавшейся въ пѣній, при звукахъ гуслей, піз-
сень, дошедшихъ до нась, разумеется не безъ йзміненій,
въ образѣ нын'шнихъ былинъ, нельзя однако не заметить,
что не одни скоморохи, т. е. игроки по профессії, должны
считаться представителями этой игры: рядомъ съ профес-
сіональными гусельниками упоминаются въ былинахъ и
певцы-любители изъ среды знатныхъ особъ княжескихъ
и боярскихъ родовъ, частью группировавшиеся около вели-

^{*)} Гильфердингъ. Онеж. был. 1321,— Въ одномъ изъ пересказовъ былины чКнязь ВолкиНСКІЙ и Ваня ключнigъ>, родственной по содержанію съ былиной «Моло-децъ и Королева», Ваня (соответствующей «молодцу») восклицаетъ:

Ну подайте мне гусельки звончатые,
Заграю я песню заунывную.

(Киреевскій. Песни. V, 137).

²⁾ Рыбниковъ Песни. II, 280.

кокняжескаго престола — витязи-друдинники, частью стоявшіе самостоятельнно, сами образуя центры кружковъ, называемыхъ въ былинахъ друдинами. Такими певцами быля упоминаемые въ былинахъ: Добрыня Никитичу Ставръ Годиновичъ, Соловей Вудиміровичъ, на конецъ Садко, едѣлавшійся изъ простаго гусельника богатымъ гостемъ.

Добрыня

во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ поеть и играеть въ образі скомороха, въ который онъ нарядился, чтобы неузнаннымъ войти на свадебный ниръ. Онъ поеть не только не хуясе всякаго профессіональнаго игреца, но даяге искусство его превосходить скоморошескую игру: все на пиру, даже игроки-скоморохи, пріумолкл и заслушались, когда заиграль Добрыня,

Эдакой игры на свете не слыхано,
На бѣловмъ игры не видано ¹.

Добрыня и «до своего странствованія занимался игрой», у него дома «гусельки яровчаты» лежать

Въ новой горешл все на столике,

ИШИ висять

Во глубокомъ погребе на гвоздике.

По одному изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, гусли введены были даже въ лукъ, изъ котораго онъ стрелялъ:

Въ тотъ тугдй лукъ разрывчатый, въ тупой конецъ,
Введены были гусельшки яровчаты ².

Изъ другаго пересказа видно, что Добрыня своей игрой на гусяхъ славился и до появленія въ одежде скомороха: когда заигралъ Добрыня-скоморохъ, дивились игре его цари и царевичи, короли и королевичи,

Еще не было молодаго гусельщика
Супротивъ Добрынюшки Микитица,

^{*}) Ср. выше сгр. 29.
¹⁾ Рыбников!, Нѣсна. I, 135, 143, 158.

Ай находится молодой гусельчикъ (т. е. самъ же Добрыня)
Ёнъ не хуже да Добрыни добра молодца ¹⁾.

Добрыня, по словамъ былинъ, былъ витязь, богатырь.
Самое рожденіе его означеноывается чудеснымъ движе-
ніемъ стихій. Не туча тупится, говорить былипа, не те-
менье темнится, выбегало зверей стадо, въ томъ стадѣ
левъ, а шерсть у льва золоченая,—

Крыцяль лёвъ по звериному,
Посыпались тутъ круты-красны берёжоцки,
Смутиласе мать Н4пра-рѣка:
Заслышили рожденъцё Добрынино.
Дакъ въ тоё время родился Добрыня кнезъ ²⁾).

Въ другомъ місті описывается пргъздъ Добрыни въ
Кіевъ: онъ йдетъ «издалеча» со слугою своимъ Таропомъ,
пргъзяється ко двору Владімірову, остается здѣсь нескольз-
ко лѣтъ, а потомъ отправляется «погулять»; вслідъ за
тѣмъ начинаются разныя его нохожденія и подвиги:

Издалеча, издалеча во чистомъ полѣ,
Какъ далѣе того на Україкъ,
Какъ йдетъ пойдетъ добрый молодецъ,
Сильный могучъ богатырь Добрыня.
А Добрыня вѣдь-то братцы Никитьевичъ,
А съ нимъ вѣдь 4детъ Тароиъ слуга.

(Добрыня прибываетъ въ Кіевъ ко двору Владіміра:)

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго осударя князя Владіміра,
Три года Добрынушка стольничалъ,
Онъ стольничаль чашничаль девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ...

Въ качествѣ богатыря, онъ рубить Чудь, Сорочину
долгополую, Черкесь, Калмыкъ съ Татарами и пр., уби-
ваетъ Зм'я Горычиша, побораетъ бабу Горынкину и т. п. ³⁾).
Свое рожденіе, свои похожденія и разъ-ѣзы Добрыня вос-

¹⁾) Гильфердингъ. Онеж, был. 1030.

²⁾) Кирьевскій. Пісні. II, 11.

³⁾) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. XII, 4!, 134 и сл., 240 и сл. 251

піваетъ на неоднократно упомянутомъ выше пиру, въ роди скомороха. Онъ удивляеть и восхищаетъ слушателей своей игрой, но уже и раньше, въ качестве дручинника, онъ славился въ этомъ отношеній какъ великий мастеръ своего дѣла: «не было молодаго гуселыцика супротивъ Добры-нюшки Микитица».

Такимъ же музыкальнымъ искусствникомъ былъ и другой дручинникъ,

Ставръ Годиновичъ.

Онъ выводится въ былине передъ мнимымъ посломъ, подобно Добрыне, въ качествѣ[^] будто бы «веселаго молодца» или «загуселыцика», т. е. скомороха, но на самомъ дѣле онъ бояринъ, принимающей въ начале былины участіе въ почестномъ пире Владимиrowомъ, вместе съ прочими князьями, боярами и богатырями. Онъ попадаетъ въ немилость у князя за то, что похваляется своимъ дворомъ, гриднями и светлицами, которые будто бы не хуже города Кieва, по другому пересказу—своей молодой женой. Владимиrъ приказываетъ сковать Ставра боярина и посадить его «въ погреба глубокіе». На выручку мужа является его жена. Она щиёзяется ко Владимиру въ багатомъ платье посольскомъ, выдаетъ себя за грознаго послы изъ Золотой Орды и требуетъ «даней, выходовъ за двенадцать леть». Владимиrъ старается угодить послу и на вопросъноследняго, нетъ ли у него кому въ гусли поиграть, сначала велитъ вывести «веселыхъ молодцевъ» или «загуселыциковъ», но игра ихъ не веселить послы. Вспоминаютъ о Ставре боярине:

Старъ Ставръ сынъ Годиновичъ,
Онъ мастеръ играть во гусли яровчаты,

или:

Онъ гораздъ играть въ гуеельшки яровчаты.

Посоль удовлетворяется Ставровой игрой и, прощая Владимиру «дани и выходы», просить пожаловать его «веселымъ молодцомъ» '). И такъ Ставръ уже раньше, т. е. еще будучи членомъ друясины великокняжеской, изве-

^{')} К. Даниловъ. Древ. росс. стих 85 и сл.—Рыбников*. Писн. II, 101, 111-

стенъ быль какъ мастеръ играть въ гусли, и можетъ, следовательно, быть сопоставленъ съ другимъ членомъ дружины, такимъ же мастеромъ—Добрынею. Не имея прямыхъ, непосредственныхъ указаній былинъ на то, что Ставръ и Добрыня играли и пели за Владимиromъ столомъ, въ качестве дружинниковъ, мы однако видимъ, что они пользовались при Владимиromъ дворе большою известностью, какъ искусники и мастера игры непрофессиональные, т. е., по новейшему выражению, были искусствами игроками-любителями; могли же при дворе узнать искусство ихъ не иначе, какъ по игре ихъ, раздававшейся здесь, следовательно, еще до отъезда изъ Киева Добрыни и до заточенія Ставра.

Въ Несторовой летописи читаемъ о «похвале великой», которую дали Андрею Боголюбскому друянники его отца после войны 1149 г.: «мужи отни похвалу ему даша велику, зане мужьски створи паче всехъ бывшихъ ту». Въ другомъ месте летописи говорится о «песне славной», петой князьямъ Галицкимъ Данілу и Василію за ихъ победу надъ Ятвягами въ 1251 г.: «и песню славну пояху има, Богу помогшу има, и при доста со славою на землю свою...»¹). Это была очевидно хвалебная песня, возглашеніе славы князь ямъ, какъ пели таковую Боянъ-гудецъ, извѣнецъ Слова о полку Игореве²), певцы-гусельники или веселые молодцы, величавшіе князя (или царя, или боярина, хозяина). Въ первомъ изъ только что приведенныхъ свидетельства, возгласителями похвалы или славы прямо называются друянники—можетъ быть тоже самое имело место и по отношенію къ князьямъ Данілу и Василію,—летопись умалчиваетъ о томъ, кто именно пелъ имъ «песнь славну». Славу князьямъ действительно могли воспевать друянники, между которыми бывали столь искусные, прославленные игроки и певцы, какъ воспетые въ былинахъ Добрыня и Ставръ. Оба последние умели величать и славить, какъ видно изъ бы-

¹) Поли. собр. русс. лет. I, 140; И, 187.

²) «Слово», хотя и есть произведение литературное, книжное, тѣмъ не мене въ заключительномъ* сламеній князей и друянны сжидутъ примеру, подлаживается подъ тонъ иевцовъ-славелыциковъ, которые, среди веелія, по поводу возвращения изъ похода Игоря, величаютъ князей, «сперва старшихъ, а потомъ младшихъ».

линъ: Добрыня «повыигралъ» всѣхъ, отъ старого до малаго, а Ставръ «величаль князя со княгинею» (ср. выше стр. 43, 45). — Въ позднѣмъ памятникѣ* — «Задонщинѣ»—складъ дружинной поэзіи, прославляющей князей, по замѣчанію г. Хруцова¹), обозначенъ выражетемъ «гусельныя словеса»: «Той бо віцій Боянъ, воскладая свои златыя персты на живыя струны—читаемъ въ названномъ памятникѣ* — поясѣ славу Русскому княземъ.... восхваляя ихъ иѣснѣмъ и гуслеными буйными словесы. Азъ же восхвалю пѣснми и гуслеными словесы господина Русскаго, господина князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича²).

Подобнымъ же, какъ Добрыня и Ставръ, непрофессио-нальнымъ гусельникомъ является въ былинахъ и прибывающей въ Шевѣ изъ заморскаго города Леденца, на своихъ корабляхъ, съ цѣлью свататься на княженецкой (Владимировой) племянницѣ³, Запаві; Путятишнѣ, богатый и знатный гость.

Соловей Будиапровичъ.

Чудная игра Соловья описывается въ тѣхъ же стереотипныхъ выраженіяхъ, которыя применяются сказителями былинъ ко всѣмъ вообще искуснымъ гусельникамъ (ср. выше стр. 30 и сл.); новой чертой оказывается лишь то, что Соловей то увеселяетъ игрой свою матушку, то самъ забавляется со своею дружиною:

Играеть Соловей въ звончаты гусли...,
Звеселяеть государыню онъ матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.

¹) О древне-русскихъ историческихъ новостяхъ и еказаніяхъ. 1878 г. Стр. 209.

²) Низвістія II отд. Или. Акад. Наукъ. VI, 345,—Въ Воскресенской летописи подъ 1242г. (Полн. собр. russ. лет. УП, 151) читаемъ о пѣнѣ славы князю Александру, при возвращеніи его въ городъ Псковъ, послѣ победы его надъ Немцами и Чудью: «яко же приблізїся великий князь Александръ къ граду Пскову, и сретоща его съ кресты игумены и попове въ ризахъ и народъ многъ предъ градомъ, поющи Господеви славу и великому князю Александру Ярославичу». Летописецъ даже сообщаетъ текстъ гимна, который нель при этомъ случае народъ: «Иособиный, Господи, кроткому Давиду победить иноплеменника и верному кнзю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи градъ Псковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою великого князя Александра Ярославича». Здесь славленіе князя получило характеръ религіознаго гимна, благодарственной молитвы, въ исполненіи которой участвовали и народъ и духовенство.

Дальше сущность игры точнее обозначена:

Песни поеть и гусли играетъ
Младъ Соловей сынъ Будыміровичъ.

Забава его съ дружиною описывается такъ:

Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшу тъ,
нісне поютъ, въ гусли наигрываютъ.
Тутъ-то младъ Соловей сынъ Будыміровичъ
Со своей дружинужкой хороброей;
Онъ сидить Соловей на ету.ті; черленоемъ,
На черленоемъ стуль, золоченоемъ,
Играетъ молодецъ, забавляется
Со своими дружинами хоробрыми ').

Въ терему пргъзжаго знатнаго гостя идетъ пиръ, веселится его дружина, т. е. прибывши съ нимъ «гости корабельщики и целовальники любимые», скачутъ, пляшутъ, поютъ пісні. и среди Дружины, на золоченомъ стуле, сидить и играетъ въ гусли и песни поеть самъ Соловей. И такъ, и могучій богатырь Добрыня, и бояринъ Ставръ, и знатный и богатый купецъ Соловей изображены въ былинахъ, какъ прославленные игроки.

Остается назвать еще богатаго Новгородскаго гостя

Садко,

который, правда, пока не разбогатель, былъ профессіональнымъ гусельникомъ и ходиль играть по пирамъ (см. выше стр. 7), но, и сделавши купцомъ и разбогатевъ, не покинулъ своего искусства. Любовь его къ игре выражается между прочимъ въ томъ, что, когда выпалъ ему жребій быть выброшеннымъ въ море, онъ еще въ последній разъ, передъ смертью, хочетъ поиграть въ гусли и обращается къ своимъ людямъ:

Аи же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты
Поиграть-то мне въ остатнее:
Больше мне въ гуселки не нгрывати ²⁾).

¹⁾ Рыжиковъ Інснй. I, 319, 331.
²⁾ Тамъ-же. I, 377.

Когда же приходится ему спускаться въ море, онъ берега гусли съ собой.

Создателями, представителями «веселой игры», следы которой сохраняются еще въ былинахъ северно-русскихъ сказителей, были, следовательно, кромепрофессиональныхъ игрецовъ-скомороховъ, еще и игрецы непрофессиональные, витязи или бояре-дружинники, знатные гости и вообще одаренные талантомъ частные люди, не делавшіе своего искусства предметомъ промысла, какъ скоморохи.

«Игра», т. е. йішіе песень и инструментальная игра, издавна составляла любимое занятіе частныхъ людей, подобно вышеупомянутымъ дружишникамъ и вообще знатнымъ игрецамъ, не практиковавшимъ игры въ качестве ремесла, но упражнявшимся въ ней какъ любители. Въ русскихъ народныхъ песняхъ неоднократно поется о миломъ, о женщинахъ, несущемъ, налаживающемъ гусли, играющемъ на гусяхъ (иногда и на другихъ инструментахъ), о хозяине дома, о молодомъ мяяЛ, о пріезжемъ госте (купце), о казаке, о старомъ и молодомъ, играющихъ на гусяхъ, на гудке, на дудке, на скрипке и т. п., напр.:

a) О хозяинѣ дома:

— По Дунаю по рѣкѣ
По бережку по крутыму
Лежать гусли неналоженные,
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевбю Андреяновичу
Коляда!
и т. д.

б) О молодомъ мужсѣ:

А у нихъ (молодыхъ) въ головахъ
Звончата гусли лежать.
И кому въ гусли играть?
Играть въ эти гусли
Ефиму молодцу,
Ему тешить, утѣшать

Молоду свою жену
Оксиньюшку свою душу.

Или:

Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Умною женою и разумною:
Я за гудовъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играти, а она плясати...

в) Объ удаломъ молодцы.

— ...Позывали удальца

Какъ во пиръ пировать,
Во беседушку сидѣть,
На игрище поиграть...
Заигралъ онъ во гусли
Заигралъ онъ во звончатые свои...

в) О любезному молодцу:

Идеть любчикъ мой горой,
Несеть гусли подъ полой.
Самъ въ гусли играетъ...

г) О старомъ и молодомъ:

Во беседушкѣ сидѣть старой
ої люли, постылой!
На колыняхъ держитъ гусли
Ой люли, лубяные!
На гуслицахъ струны
Ой люли, мочальны!
Старой въ гусли заиграетъ...

Отъ его игры сердце ноетъ, ноги подломились и пр.; за тѣмъ описывается игра молодаго:

Во беседушкѣ сидѣть молодой
Ой люли, мой любезнай!
На колыняхъ держитъ гусли
Ой люли, звончатые!

На гуслицахъ струны
Ой люли, золотыя!
Молодой въ гусли заиграетъ...

Отъ его игры сердце радо, ноги расплясались и пр.

д) *О боярахъ (свадебныхъ гостяхъ):*

Бояре въ трубу трубятъ
Молодые въ золоченую.

(Ср. сказанное по поводу этой игры выше, стр. 24—25).

е) *О загъзжемъ гості (купцѣ):*

...Заъзжай гость,
Онъ во дудочку игралъ,
Онъ гляд^ль, смотр^ль
Невѣсту себѣ.

ж) *О Донскомъ казатъ:*

Ходиль, гуляль Донской казакъ, самъ во скрипку игралъ,
Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дівокъ выбираль ').

Въ сказкѣ объ Йовані Пономаревичі; читаемъ: «Нача (сынъ пономаря) въ гусли играть преславны ігры, і удивися турской посолъ игрианию тому, и красотѣ, і разуму, и премудрости». Изъ поученія митрополита Даніила усматриваєм¹ что и лица духовнаго званія упражнялись въ йгрѣ: «Ныні же суть нѣцыи отъ священныхъ, яже суть сій пресвитеты и діакони, уподіакони, и чтеци, и півці, глумяся, играють въ гусли, въ з(д?)омры, въ смыки... и въ п-ѣснехъ бісовскіхъ...²).

Разлічіе исходныхъ точекъ игрецовъ-любителей: дружинниковъ и вообще лицъ, стоявшихъ на боліе высокомъ умственному уровне, съ одной стороны,—и игрецовъ про-

¹) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 17, 30, 41, 50, 97—98, 99, 179, 262; ср. 33, 96, 120 п др.—Ср. выше стр. 23: «Нереняль гусли світк йвановичъ,—онъ сталь играть, во всю ночь не спать», также стр.54: слова Ванн ключника: «ну подайте мнъ гусельки звончатые, заиграю в нѣсно заунывную».

²) Нам стар. русс. літ. D, 319; IV*, 201.

фесіональныхъ, снискивавтихъ себѣ пропитаніе своимъ искусствомъ или вѣрнѣ — ремесломъ,—сь другой, должно было до известной степени отзываться и на характерѣ ихъ игры. Въ то время какъ игроки непрофессиональные, а такжѣ и профессиональные, проявлявшіе свое искусство при княжескихъ дворахъ, могли свободно следовать высшимъ идеаламъ, игроки професіональные непридворные, углублявшіеся въ толпу народную, отъ которой полупали средства къ жизни, невольно должны были подлаживаться подъ болѣе грубые, чѣмъ въ княжескомъ кругу, вкусы и требованія массы, делались въ полномъ смыслѣ слова «поташниками», увеселителями толпы, при чемъ естественно игра ихъ должна была принимать болѣе вульгарный, площадной характеръ, утрачивая величие стиля игры придворной. Надо полагать, что разлічие въ характерѣ игры тѣхъ и другихъ было приблизительно то же, какое представляло на западѣ искусство трубадуровъ (знатныхъ, независимыхъ пѣвцовъ-поэтовъ) съ одной стороны и ясонглѣровъ (игрецовъ и иотѣшниковъ по ремеслу, проявлявшихъ свое искусство не только при княжескихъ дворахъ, но и науличахъ и площадяхъ въ народѣ)—сь другой '). Впрочемъ, какъ видно изъ былинъ, и при великокняжескомъ дворѣ не одно величие стиля пѣнилось въ искусствѣ игреца: едва ли не выше еще почталось веселье игры.

г. Веселая игра.—Плясовая игра.

Князь Владїміръ особеною почестью награєдаєтъ Добрыню-скомороха за игру его веселую, саяя его за столъ рядомъ съ собою:

Говорить Владїміръ стольно-кіевскій:
«Ахъ ты ей, удалой скоморохина!
«Опушайся изъ печки изъ запечки,
iСадиєь-ко еъ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,

«Станемъ білья лебедушки мы рушати.
«За твою игру за веселую
«Дамъ тебе три мѣста любимыхъ:
«Перво мѣсто сядь подли меня,
«Друго мѣсто суиротивъ меня,
«А третье мѣсто, куда самъ захощъ».

Или:

«Ты садись-ко съ нами на почестней пиръ на золотъ стулъ,
«А въ особину гдѣ мѣсто е понравится» *).

Въ одномъ изъ миогочисленныхъ пересказовъ былины о Добрыи¹, сей НОСЛІДНІЙ велить принести на свадебный пиръ «гуселышка яровчата»,

Звеселить свое сердечко богатырское,
и далізе, какъ заиграль Добрыня въ гусли,
Звеселилъ-то онъ лаекового князя да Владыміра.,
или:

Всихъ да на пиру и извеселилъ,
И всихъ да на пиру игрой утѣшилъ вѣдъ ²).

Поигравъ на свадебномъ пиру и приведя слушателей въ изумленіе и восторгъ, Добрыня просить княгиню, чтобы она поднесла ему, скоморошин-ѣ, чару зелена вина въ полтора ведра, примолвивъ:

«Еще повеселяе стану играть въ гусли звончатыя» ³).

Въ другомъ пересказ⁴ той яге былины, на Олешиной свадѣбѣ

Вси въ гудки играютъ, и вси увеселяютъ ⁴).

Въ былин-fc о Ставрі Годиновичіз, по просьбѣ; послана выпускаютъ на пиръ загуселыциковъ:

Всѣ они играютъ—все не весело.,

¹ Рыбниковъ. Пісні. I, 136.—Гильфердингъ. Онеж. был. 136.

² Гильфердингъ. Онеж. был. 135, 136, 179, 608.

* Рыбниковъ. Песни. II, 19.

³) Кир'евскій. Песни. II, 13.

или, по другому пересказу:

Бот на пиру пьяны-веселы,
Столько (=только) не весель быль грозень посолъ да Васильолша.
Говорить какъ солнышко Владміръ князъ:
«Кто бы могъ развеселить
«Грозна Посла да Васильошка?..»
— Развеселить ли одинъ старъ Ставерь...
— Онъ мастеръ играть въ гусли яровчаты »).

Чурила Плековипъ, поступивъ въ постельници къ князю Владміру, им*лъ обязанностью спот*шать, т. е. увеселять игрою княжескую чету:

Стелеть (Чурила) перину пуховую,
Кладываеть зголовыде высокое,
И сидить у зголовица высокаго,
Играетъ въ гусельшки яровчаты,
Спотьшаетъ князя Владиша,
А княгиню Опракею больше того ²⁾)

Точно такъ и Соловей Будиміровичъ увеселяетъ игрою свою матушку:

Играетъ... въ звончаты гусли.,
Звеселяетъ государыню онъ матушку
Молоду Ульяну Васильевну ³⁾).

Нельзя, разумеется, во вс*хъ только что приведенныхъ случаяхъ принимать слова: «развеселить», «увеселять» и т. п., въ буквальномъ смысл*,—они могутъ выражать и доставленіе худои-сественнаго удовольствія вообще, какое давала и «великая игра» т*хъ же гусельниковъ; но въ н*которыхъ случаяхъ уже очевидна склонность автора былинъ къ выражение данными словами разгульнаго, плясоваго, близкаго къ пьяному веселья: «вс* на пиру пьяны-веселы», невесель одинъ посолъ, надо его развеселить— говорится въ былин*, средствомъ къ тому служить мастерская игра старого Ставра. Добрыя просятъ угостить его чарой вина, тогда еще повесел*е

¹⁾ Рыбянковъ. Меня. II, 100, 110.—Ср. Гальфе рдингъ. Онеж. был. 73

²⁾ Рыбниковъ. Песни. I, 265.

³⁾ Тамъ же: I, 319.

будеть играть (ср. выше стр. 65, 66). Дуда, или волынка, одно изъ наиболе употребительныхъ музикальныхъ орудій позднѣшихъ скомороховъ, въ малорусской свадебной и белорусской плясовой пѣсняхъ называется веселухой (см. ниже стр. 75). По словамъ другой малорусской ибсни, игра на дудѣ способна разгонять горе, развеселять: девушка

За три копы селезня продала,
А за копу дударика наняла:
«Заграй, заграй, дударику па дуду,
«Нехай же я свое горе забуду »).

Веселая, въ буквальномъ смыслѣ слова, игра естественно связывается съ пляской. Такъ въ терему, гдѣ забавляется съ дружиной и играетъ Соловей Будимировичъ, пляшутъ и поютъ:

Туть-то въ терему екачутъ-пляшутъ,
пісній поютъ, въ гусли наигрываютъ ²).

Или:

Тамъ вси скачутъ, пляшутъ оны, пѣсенки поютъ,
Во музыки да во скрыпочки наигрываютъ ³),

Ставрова игра увлекаетъ къ пляскѣ мнимаго посла: Ставръ натягиваетъ струночку отъ Кіева, другую отъ Царяграда и т. д., прииѣваетъ пршгъвочки изъ за синя моря,

Какъ сталъ тутъ грозень посолъ Васильошка похаживати,
Сталъ онъ поплясывать,
Какъ сталъ да выговаривать... ⁴)

Садко своей игрой въ подводномъ царствѣ «спотишиль» и «развеселиль всѣхъ» на почестномъ пиру ⁵); игра его прямо возбуждаетъ къ пляскѣ:

Сталъ онъ (Садко) въ гуселышки поигрывать...
Сталъ царь Водяникъ поскакивать,

⁴) Рубецъ. Сборникъ укрainскихъ народныхъ пісень. Вып. III, № 9.

²) Рыбниковъ. Щсни. I, 331.

³) Гильфердингъ. Онеж. был. 287.

⁴) Рыбниковъ. Пѣсни II, 101.

⁵) Тамъ же: 386, ер. 878.

А царица Водяница поплясывать,
Красныя девушки хороводъ водятъ,
А мелкая четъ въ присядку пошла ¹).

Или:

Береть онъ (Садко) гусельшки яровчаты:
Тутъ поддонный царь распотешился
И началъ плясать по палаты белокаменной,
Онъ подами беть и шубой машеть,
И шубой машеть по бѣлымъ стѣшамъ ²).

Въ плясовой пѣснѣ «ходила младенецка по борочку» изображается домашнее веселье, подъ звукъ инструментовъ:

У меня квартирушка веселая...
Играютъ два хлопчика на гусяхъ,
А я добрый молодецъ на скрипицѣ;
Ты будешь, душа моя, танцовати,
А я добрый молодецъ припѣвати ³).

Белорусская плясовая пісня восиѣваєтъ дуду (волынку), какъ направительницу ногъ при пляскѣ:

Ой безъ дуды, безъ дуды,
Ходючи ноги на туды;
А якъ дудку почуюци,
Сами ноги танцууюци ⁴).

Игра въ гусли, по словамъ былинъ, приводить въ движеніе и стихій: Садко-гусельникъ, соскучившись, что его не зовутъ на пиръ играть, отправляется къ Ильменю-озеру, садится на горючъ-камень и начинаетъ играть. Отъ звуковъ его игры море приходитъ въ волненіе, песокъ поднимается со дна:

Ай волна ужъ въ озерѣ какъ сходиласе,
А какъ вѣдь вода съ пескомъ топерь смутилосе ⁵).

⁴) Рыбниковъ. Утай. I, 369.

²) Киріевский. І-ІІІ. Т, 39.

³) Рыаскій-Корсаковъ. Сборн. рус. нар. літр., I, Д4 37.

⁴) Шейнъ. Белорус. нар. пѣс. 265.

⁵) Гильфердингъ. Онеж. был. 385.

Басовская, по мнію средневѣковыхъ, отчасти и позднѣйшихъ, христіанскихъ писателей, неотразимая сила гудьбы, т. е. игры на инструментахъ, невольно увлекающая слушателей въ пляску, изображена въ нѣкоторыхъ сказатяхъ и иоучетяхъ, нанравленныхъ противъ ненавистной этимъ писателямъ, какъ наслідія язычества, музыки: въ Несторовой летописи (по Лаврентьевскому списку, подъ 1074 г.) описано вѣдѣніе великаго постника и затворника, преподобнаго Йсаакія, которому явились бѣсы, снабженные музыкальными орудіями; противъ звуковъ послѣднихъ не устоялъ и самъ Йсаакій: «Вѣзмите сопілъ. бубны и гусли и ударяйте; ать ны Йсаакій спляшеть», вскричалъ старшій бѣсъ, «и удариша въ сопели, въ гусли и бубны, начата имъ играти; и утомивши й, оставиша й оле яшва и отъидаша, поругавшеся ему»... «Се уже прелстыль мя еси былъ, дьяволе», воскликнулъ въ послѣдствій Йсаакій, намекая на увлекшую его въ пляску игру бісовскую¹). Аналогичную картину изображаете одна изъ песень Мензелинского уѣзда (Уфимской губерній). Въ кельїз лежитъ старица, слуга возвѣщаетъ ей, что къ обідніз звонять, но старица не въ силахъ встать: руки и ноги у нея болятъ, перекреститься не можетъ. Во второй половинѣ; той же іг҃сий картина меняется:

Въ кольи старица лежить,
Передъ ней слуга стоить,
Таки р'чи говорить:
«Ужъ ты старица встань,
«Снасеная душа встань,
«Скоморохи вонъ идутъ,
«Всяки игры несутъ».
— Ужъ и встать то бы мнѣ,
— Понлясать-то бы мнѣ>,
— Стары ноги норазмѣять,—²).

<) Полн. Собр. Русс. Ліг. I, 82,84.—Вт. жлтій си Исадія вѣдініе это описывается такъ: явились къ нему бѣсы въ видѣ преврасныхъ юношей, «ихъ же лица бяху аки солнце», и «удариша (бѣсы) въ сопели, тиипаны и гусли, Йсаакія же поелше, начата съ нимъ скакати и илясати на иного чарь, и утрудивше его, оставиша еле жиаа суша, и тако поругаашеся ему исчезоша». (Печер. Патер. 110).

¹) Цальчиковъ. Крест. № 29.

Подъ игры скомороховъ немошь старицы, следовательно, исчезаетъ, и она готова пуститься въ пляску.

На одной изъ народныхъ картинокъ изображены шутъ (=скоморохъ) и шутиха, оба въ шутовскихъ костюмахъ. Шутъ играетъ на волынк*, а шутиха, подбоченясь, танцуетъ. Въ подписанномъ текст*, между прочимъ, шутиха выражается объ игр* шута такъ: «куда мн* сия музыка приятна и кплесанію по ней веема задорна»

Въ слов* «о Нед*л*» Епископа Евсевія (XIII в*ка) изображается народное игрище въ воскресный день: взгляните въ этотъ день на игрище, говорить авторъ слова, «и обрящете ту овы гудуши, овы пляшущи»²). Въ слов* «о Русаліяхъ» описывается, какъ по улиц* н*кій челов*къ «скача съсоп*лми, ись нимъ идяше множество народа, послушающе іего, ини же плясаху и пояху»³). Ниже мы встр*тимъ описаніе неотразимаго, возбуждающаго къскаканію и плясанію д*йствія на толпу народную игры въ бубны, соп*ли и струны—въ посланій Памфила (1505г.), игры гудцевъ и скомороховъ—въ постановлешаяхъ Стоглава (1551 г.).

Понятно, что искусники или пот*шники, способные такъ «взвеселять» слушателей, получили издавна характеристическое прозвище «веселыхъ людей», «веселыхъ мододцовъ» (или «ребята»). Есть даже основаніе полагать, что и старинные исполнители «великой игры» не гнушались «веселой игры»; напротивъ, посл*дняя служила для выраженія страстей, разгула, душевныхъ порывовъ п*вца-гусельника, нер*дко почерпавшаго свое веселье и вдохновеніе изъ «чары зелена вина въ полтора ведра» (ср. выше стр. 65). О томъ, какъ въ одномъ лиц* могло соединяться искусство великой и веселой (плясовой) игры, можемъ судить, независимо отъ вышеприведенныхъ прим*ровъ изъ былинъ, гд* названнымъ славнымъ гусельникамъ приписывается то великая, то весел-

¹) Ровинскій. Русекія народный картинки (Сборникъ отд. русск. языка и словесности Ипп. Акад. Наукъ. т. XXШ). Кн. I, стр. 317.

²) Сревневскій. Свід. и snirti. XLI, 34 /

³) Пам. стар. русс. лит. I, 207.

лая игра ¹⁾), еще и по следующему пересказу былины о Добрый-};, играющемъ сперва «по уныльнему, по умильнemu», а всльдъ за тъмъ—«по весёлому»:

Становился тутъ Добрыня ко порогу,
Повель онъ по гуселышкамъ яровчатымъ,
Заигралъ Добрыня по уныльнему,
По уныльнему, по умильному.
Какъ вей то въдь ужъ князи и бояри ты,
А ты эти русскіе богатыри
Какъ вси они тутъ пріослушались.
За тымъ заиграль Добрыня по весёлому;
Стало красно солнышко при вечери,
А сталъ то тутъ почестной пиръ при весели...
Играть-то всѣ Добрыня по весёлому,
Какъ всѣ оны затымъ тутъ розскакалисе,
Какъ веб оны затымъ въдь росплясалисе,
А скачутъ пляшутъ вей промежу собой ²⁾).

Такой же переходъ певцовъ отъ серьезной или великой игры къ веселой засвидетельствовать Олеаріемъ. Упомянутые имъ два ладожскіе музыканта (домрачей [?] и гудочникъ, см. стр. 45), за столомъ иностранныхъ пословъ воспевавши Государя Михаила Оедоровича, т. е. исполнявшие «великую игру», когда «заметили, что ихъ хорошо приняли (послы), начали—по словамъ Олеарія—выделывать разныя шутки и пустились плясать (мы тотчасъ увидимъ, что скоморохи-музыканты нередко въ одно и тоже время, были и плясунами) всякимъ способомъ, какимъ пляшутъ у нихъ (Русскихъ) обыкновенно мужчины и женщины» ³⁾.

Какъ выше, на основаній дошедшихъ до насъ въ былинахъ сведеній о «великой игре» скомороховъ-гусельниковъ, мы пришли къ заключению, что, по крайней мірі

¹⁾) Добрыня награждается Владишромъ то за великую, то за веселую игру; Ставръ то играетъ про Царьградъ, про Юевъ и т. и., величавъ князя въ княгиню, то своей игрой увлекаетъ иосла къ пляску; въ терему Соловья Будимировича слышится его игра про Новгороду Ерусалимъ и проч., и тутъ же «скачуть-нзяшуть» при звукѣ пісевъ и гусельной игры; паръ морской въ одномъ случаѣ называется Садкову игру «важной», доставляющей ему «утыки великія», а въ другомъ—онъ подъ звуки Садковой-же игры пускается въ пляску со всей своеї свитой.

²⁾) Гильфердингъ. Онеж. был. 250.

³⁾) Іодроб. опис. путеш. въ Мог.ков. 26.

отчасти, имъ можетъ быть приписываемо созданіе п'есень-былинъ (къ которымъ мною причислены были и шуточные былины-сказки), такъ ныне, после только что изложенныхъ известій о возбуждаемыхъ игрою скомороховъ веселье и разгул!¹; о непосредственномъ отношеній скоморошьей игры къ пляскамъ и сопровождающимъ посл'їдіїя плясовымъ п'яснямъ, о тѣснѣшай связи ея съ плясовыми песнями,—само собою возникает предположеніе, что скоморохи же были и авторами многихъ разгульныхъ и плясовыхъ песень, изъ которыхъ некоторый, быть можетъ, дошли и до нашего времени. Действительно въ числе нын'шнихъ веселыхъ, разгульныхъ, плясовыхъ песень, мы встречаемъ и п'есни, стояція несомненно въ близкой связи съ деятельностью скомороховъ, напр., песни «о Веселыхъ» т. е. скоморохахъ, «о Госте Терентьевѣ» и т. п., въ которыхъ въ юмористической форме и съ очевиднымъ оттенкомъ самодовольства воспеваются проказы и проделки скомороховъ (ср. ниже),—кроме того плясовая песни, въ которыхъ упоминается «о веселыхъ молодцахъ», строящихъ себѣ «по гудочку»,—песни, где вообще неоднократно говорится о волынке, гудкѣ, балалайкѣ, гусляхъ, скрипкѣ, принадлежаности скомороховъ-плясуновъ или скомороховъ-игроковъ для пляски, обѣ изготавленій музыкальныхъ орудій и игре на нихъ. Сюда же следуете отнести и некоторые изъ свадебныхъ песень, въ которыхъ отразилось обрядное участіе въ свадебномъ пиршествѣ скомороховъ съ дудами, домраами и прочими музыкальными орудіями. Разумеется, отнесете подобныхъ песень, ныне распеваемыхъ народомъ, къ эпохѣ скомороховъ, или даже одно только сближеніе ихъ со скоморошескими песнями, не выходить изъ пределовъ простаго предположенія. Таковы напр. следуюція песни, изъ которыхъ привожу некоторые отрывки:

(Плясовая): Какъ шли прошли веселье,
Люли, люли, веселье ¹).
Два молодца удалые.
Они срезали (съ ракитоваго кусточка) по пруточку,
Они сделали по гудочку ²).

¹) Припѣвъ посѣй каждого стиха.

²) Сахаровъ. Сказ. russ. нар. I. ш, 87,—Мотивъ странствовала «веселыхъ молодцовъ» или «гудцовъ» и спрѣзыванія или съ дерева (ракиты, березы, явора) и рутьевъ

Сходный мотивъ вплетается и въ шуточную, снабженную т*мъ яге ириньвомъ: «люди», плясовую лее пъсшо, въ которой проявляется необузданная до нахальства веселость, столь свойственная скоморохамъ. Слова иѣсни влагаются въ уста молодухъ*:

Срѣжу съ березы три пруточка,
Люди, люди, три пруточки ¹.
Сделаю три гудочка,
Четвертую балалайку,
Стану въ балалайку играть,
Пойду на новая сій,
Стану я старого будити,
Встань мой старый—пробудися,
Вотъ тебъ помони—умойся,
Вотъ тебъ онучи—утрися,
Вотъ тебъ лопата—помолися,
Вотъ тебъ камень—удавися ²).

или срубаша дерева, чтобы сделать язъ него гусли, весьма распространен! въ ііісня» какъ Русскихъ, такъ и западныхъ Славянъ, при чемъ этотъ мотивъ въ западно-славянскихъ нѣсняхъ связывается съ другимъ, миенескимъ—предварительнымъ превращениемъ дівушкъ въ срубаемое дерево, напр.:

(Moravsk.) Putovali hudeci,
Tri vztani mladenci.
Putovali polem,
RozmluTali spolem.
Uhjedli tam dreyo,
l)revo jaborove
Na liuslicky hlasno...

(Sušil. Moravský narodní písničky 146,—Cp. Koželucha. Kytice g narodui-1. ЧЧЧ moravských val'ichiiv. 1874. № 46.)

(Словак.) Isli hudeci horou,
Horou jaugorou.
Našli drevo krasno
Na liuslicky hlasno...

(Slovenský spevy yyd. priat. slov. spevov. 1880. № 53,—Cp. Kollar. Naroduie Spiewanky. 1834—1835. II, 4.)

(Чешск.) Vandrovali hudeci,
Dva pekní mla'denci и т. д.

(Erbej. Rjsne nirodnj w Cechach. 1842—1845. III, 221.)

Не объясняется ли распространенность въ пѣсняхъ даннаго мотива странствованія («путованія», «вандрованія») «гудцовъ» или «весельыхъ мододцовъ», йсрѣзываніе дерева на гусли, действительнымъ, странствовашемъ по славянскимъ землямъ «прохожихъ скомороховъ» или «гудиозъ», изыгбсень которыхъ этотъ мотивъ могъ переходить въ народный песни, где и сохранился до нашего времени?

*) Пріїїв поедъ каждого стиха.

Римскій-Горсковъ. Сбор. русс. нар. пѣ'. I, № 39 —Cp. Сахаровъ. Сказ, русс. нар. I, ш, 85.

Хороводная песня, по содержание своему близко сходная съ только что приведенной плясовой, начинается съ возгласа, обращаемаго къ волынке, и притомъ съ притяжательными «моя» (волынка), чтб подаетъ поводъ думать, что авторомъ ея былъ скоморохъ-волынщикъ, хотя дальнѣшія слова песни, какъ и въ предыдущемъ примере, влагаются въ уста женщины, въ данномъ случае—снохи:

Заиграй моя дубинка,
Заваляй моя волынка,
Любо, любо моей дочки,
Заиграй моя волынка¹).
Свекръ съ печки свалился,
За колоду завалился.
Кабы знала, возвестила,
Я повыше бъ подмостила,
Я повыше бъ подмостила,
Свекру голову сломила,
За колоду завалился,
Говядиной подавился²).

Въ плясовый песне, записанной г. Римскимъ-Корсаковымъ, изображается бегущій «по травке по муравке» гусельникъ—«легонькой детинка»; одетый «не въ шубе, не въ кафтане», а «въ полушелковомъ халате», онъ

Подъ полою несеть гусли,
Подъ правою звончатыя:
«Заиграйте мои гусли,
«Заиграйте звончатыя!...»³).

Своеобразно одетый гусельникъ, обращающейся къ «своимъ гуслямъ» (ср. выше: «моя волынка»), воспеваемый въ плясовой песне, представляетъ вероятно воспоминаніе о скоморохѣ-гусляре, и самая песня, воспевающая гусельника, подобно названнымъ выше (стр. 72) песнямъ о «веселыхъ», о «Госте Терентьище», прославляющимъ проказы и подвиги скомороховъ, можетъ быть предположи-

¹) Прійівг іосійт вашдаго двустішія.

²) Балакиревъ. Сбор. русс. нар. пис. № 25.

³) Сбор. русс. нар. пис. I, X 26.

тельно причислена къ категорій песень, сближающихся съ песнями скомороховъ.

Следующая малорусская свадебная песня такъ и просится въ уста разгулявшагося скомороха-дударя, восхваляющаго потерянную свою дуду:

На поповскомъ лугу, ихъ! вохъ!
Потерявъ я дуду, ихъ! вохъ!
То пе дудка была, ихъ! вохъ!
Веселуха была, ихъ! вохъ! *).

Въ родственной белорусской плясовой песне, гораздо шире развитой, повторяется тотъ же мотивъ: У отца три сына, — первый пасеть овецъ, второй плететь «ходаки» (обувь), А третій—дударь. ПОСЛДНІЙ поетъ, подобно малорусскому дударю предыдущей песни:

Якъ повѣсиу я дуду
Да й на зеленомъ лугу,
Моя дудка звалилася,
На кусочки разбилася.
Чи ня дудка была,
Вяселушка была,
Вяселила меня
На чужой сторонй ²⁾.

д. Скоморохи плясуны.

Изъ приведенныхъ выше свидетельствъ видно, что скоморохи на пирахъ и собираяхъ играли на инструментахъ, пели, нередко возбуждая своей «веселой игрой» присутствующихъ къ пляске. Упоминаемая и порицаемая въ стаинныхъ памятникахъ «плясба» на пирахъ и свадьбахъ, разумеется, происходила подъ звуки скоморошьей игры и плясовыхъ песенъ: «плясаніе» на пирахъ нередко называется вместе съ «играшемъ» и «гуденіемъ». «Йграніе

¹⁾ Рубецъ. Сбор. упр. нар. н4с. Ш, Л? 2.

²⁾ Шейнъ. Білорус. нар. н6с. 265.

- t g -

И плясаніе и гуденіе входящемъ въстати всемъ (со стола), да не осквирнить имъ чувьсва вйдініемъ и слышаниемъ», предписывается іерейскому чину въ посланій Іоанна митрополита русскаго¹). Кирилль Туровскій вооружается противъ плясанія на пиру, и на свадьбахъ, и въ павечерницахъ, и на транезахъ, и на улицахъ²). О пир* съ плясаніемъ и смехомъ говорится въ устав* «о велицемъ пост*» (въ Дубенскомъ сборник* правиль и поученійХУІв.), а въ правилахъ «отъ Левгитика» (изъ того яге сборника) читаемъ: «крестіаномъ позваномъ бывшимъ на бракъ не подобаетъ плескати (=бить въ ладони или рукоплескать) или плясати»³). Душою большинства этихъ илясокъ, а равно и плясовыхъ увееленій, о которыхъ упоминается въ выписанныхъ раныше (стр. 70) свид*тельствахъ, были, разум*ется, скоморохи, необходимые участники пировъ и свадебныхъ торжествъ, нер*дхсо сами пускавшиеся въ скачъ и въ пляску. Я упомянулъ выше (стр. 10) о древней фреск* Кіевско-Софійского собора, на которой изображены пляшуціе музыканты (одинъ играюцій на флейт*, другой — на тарелкахъ). Въ слов* о русаліяхъ говорится о челов*к*, скакавшемъ съ соп*лми, т. е. о плясавшемъ соп*льник* (музыкант*) или скоморохе. Въ повести «о пляшущемъ бесе» (ХІІ в.) старецъ разсказываетъ, что видель «отрока въ скомрашь одеяси», т. е. одетаго скоморохомъ, который передъ нимъ «нача плясати» вопрошая его: «старче! добро-ли я пляшу?»⁴). Симеонъ Юродивый, котораго, по словамъ жйзнеописанія его (по рукоп. ХІУ в.), грягдане называли игръцомъ, т. е. скоморохомъ, плясалъ на игрище⁵). По определено Домостроя (ХІІ в.), дело скомороховъ—«плясаніе и сонели, песни бесовскія»⁶). Плясцы, свирельники, гусельники и смычники упоминаются Галадіемъ мнихомъ-, плясуны и волынщики называются рядомъ, въ качестве грешниковъ, въ русскихъ духовныхъ стихахъ⁷); о песняхъ плясцовъ

¹) Русск. достопам. I, 95.

²) Нам. росс. слов. XII в. 94.

³) Срезневскій. Свід. и заміт. LVII, 312, 313.

⁴) Нам. стар. russ. лат. I, 202, 207.

⁵) Срезневскій. Древніє славянскіе памятники юсоваого письмі. 222

Гл. 26.

⁶) См. у Всселовскаго. Розыск, въ обл. русс. дух. стих. VII. и, 197.

и скомороховъ говорится въ Стоглаве ¹). Князь Даншль фонъ Бухау, бывшій въ Москве, въ качестве посла отъ императора Максиміліана І, въ царствованіе Іоанна Грознаго, описывая московскіе нравы, говоритъ, что на свадьбахъ юношамъ не дозволялось водить, взявшись за руки, хороводы вместе съ девушками, такъ какъ это подавало бы поводъ къ разжиганию страстей: «одни только гѣстріоны (*histriones*, т.е. скоморохи), выгоды ради, исполняли публично некоторый пляски съ нелепыми тілодвіженіямъ»²). Кельхъ разсказываетъ, что на происходившей въ Москве свадьбе Магнуса Голштинскаго съ русской княжной Маріей (въ 1573 г.) присутствовалъ самъ царь Иванъ Васильевичъ, который былъ очень весель и, въ честь немецкихъ гостей, устроилъ разнообразныя и отчасти срамныя пляски (*yielerley und eines theils schandliche Tiintze anstellte*, т. е. вероятно велѣлъ плясать скоморохамъ)³). О пляскахъ въ «машкарахъ» (т. е. въ маскахъ), которымъ предавался, вместе со скоморохами, царь Іоаннъ Васильевичъ, свидетельствуетъ князь Курбскій⁴). При велиокняжескихъ дворахъ русскихъ встречаются и сціальная плясицы, представлявшія собою одинъ изъ видовъ скоморошества⁵). Вечеринки московскихъ жителей, по словамъ Маскевича (1611 г.), оживлялись плясками и кривляніемъ шутовъ («блазней»)⁶). О пляскахъ скомороховъ говорится и въ Наказной памяти патріарха Іоасафа (1636 г.): «повелевающе... скомрахомъ... руками плескати и плясати»⁷). Ладожскіе музыканты-скоморохи, упоминаемые Олеаріемъ (см. выше стр. 71), сперва славили царя, а потомъ пустились плясать. Тотъ ясе авторъ говорить о безстыдныхъ пляскахъ странствующихъ русскихъ коме-

¹) Гл. 93.

²) *D. Prinz o Buchau. Moscoviae ortus et progressus, въ Scriptores rerum Iлтоци carum. И (1853). Pag. 123.*

³) *Kelch. Lieflandische Historia. 1095. S. 311.*

⁴) *Сказанія. 81.*

⁵) Въ описаній выхода великой княгини Елены (супруги в. кн. Василія Іоанновича) съ невістой великокняжеского брата (князя Андрея Іоанновича) читаемъ: «И какъ великая княгиня сошла къ великому князю, и передъ неюшли плясицы». (См. у Соловьева. Ист. Росс. V, 476 пр. 395.)

⁶) *Сказ, соврем. о Димитр. Сиякав. V, 61*

⁷) Акт. (арх. эксп.) III, № 264.

діантовъ, т. е. скомороховъ¹⁾). Въ слов* «о корчмахъ и пьянств*» говорится объ игрецахъ съ гусями, екршгльями и др. музыкальными орудіямій, игранщихъ, бесяющихъся, скачущихъ и ноющихъ песни²⁾). Въ слов* о в*р* христианской и жидовской (по редакцін XVIII в.) скоморохъ, победившій въ преній яшдовскаго філософа, «нача плясати и играть»³⁾). На одной изъ народныхъ картинокъ представляются плясунъ и скоморохъ, собственно—два скомороха: одинъ пляшуцій, а другой йграюцій на волынке⁴⁾). Въ песне о «Веселыхъ» т. е. скоморохахъ, деятельность ихъ изображается такъ:

Ай одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать⁵⁾.

Наконецъ, народный русскія поговорки: «не учи плясать, я и самъ скоморохъ», или: «всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ»⁶⁾),—окончательно устанавливаюсь за скоморохами репутацио специальныхъ плясуновъ.

е. Увеевляютъ народную толпу.

аа. Играютъ на улицахъ и площадяхъ сель и городовъ, на кладбищахъ и поляхъ.

Не только на пирахъ и на свадьбахъ, не только въ княжескихъ налатахъ, въ боярскихъ хоромахъ и домахъ частныхъ людей, показывали свое искусство скоморохи, но и на улицахъ, на площадяхъ, на поляхъ, отправляя обыкновенно по воскресеньямъ и въ иные празднич-

•) Подр. опис. путеш. въ Москов. 26, 178.

^{a)} Си. у Забелина. Опытъ йвученія русскихъ древностей и исторій. 1872 г. I, стр. 187.

³⁾ Тихонравовъ. Лет. русс. лит. и древ. I, 78. (Ср. ниже гл. 3).

⁴⁾ Ровинскій. Русс. нар. карт. I, 317.

⁵⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 221.

⁶⁾ Шуты и скоморохи. «Историч. Вѣстн... Т. XXXII, 462.—Велнивъ. О скоморохахъ. 92.

ные дни свои «игры», для увеселенія народа. Если уже на пирахъ и свадьбахъ скоморохи были главными зачинщиками песень и плясокъ, то темъ более среди многолюдныхъ народныхъ сбороищ они своимъ весельемъ, гудью, песнями и плясками не только развлекали толпу, но и увлекали ее къ подражанюсебі: песни, игры, пляски, рукоплесканія, смѣхъ, вообще необузданная веселость и разгуль толпы, все это сливалось въ одну пеструю, шумную картину, въ которой благочестивые ревнители христіанского ученія видели остатки ненавистнаго имъ язычества, называя народныя игрища и потехи «бесовскими», «жертвой» или «службой идолъской», «лестью дьявольскою» и т. п. Уже Несторъ, порицая игрища, на которых стекались народныя толпы, такъ поименовывает «дьявольская лести»: трубы, скоморохи, гусли, русалья: «схожауся на игрища—пишеть онъ—на плясанье и на вся басовская игрища» (или: «песни»), и въ другомъ mestі: «но сими дьяволъ лѣстить и другими нравы, всячъскими лѣстми, пребавляя ны отъ Бога, трубами и скомрахи, гусльми и русалья. Видимъ бо игрища утолчена и людей много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры деюще отъ беса замышленного дела»¹). О плясаній, имеющемъ место, не только на пирахъ, на свадьбахъ и въ павечерницахъ, но и на игрицахъ и на улицахъ, упоминаетъ Еирилль Туровскій³). Въ толкованій къ апостолу Павлу (XIII в.) говорится: «егда играютъ русалія ли скомороши ли пьянице кличутъ, или како сбороище идолъскихъ игръ, ты ясе въ тъ часть пребуди дома»³). «Не подобаетъ крестьяному (хриспанамъ) игръ бесовскихъ играть, еягє есть плясанье, гуденье, песни мѣръскія и жертвы идолъскія» читаемъ въ слове христолюбца⁴). О составе въ старину народныхъ игрищъ получаемъ понятіе изъ слова св. епископа Евсевія (по рукоп. XIII в.). Въ воскресный день («въ неделю»), по словамъ поученія, «обрящеши ту

¹) Ноли. собр. russ. лѣт. I, 6, 73.

²) Глан. росс. словесн. XII в. 94.

³) Си. у Mililosich. Die Rusalien. 1864. S. 5.

⁴) Тихонравовъ. Дѣт. russ. лит. IV. III, 90. Ср. 94.

(на игрищ*) овы гудуши, овы пляшущи, а другыя сѣдяща и о друз* клевечующа, а другыя борющася, а другыя помавающа и номизающа другъ друга на зло». Но центромъ толпы служать игроки на трубахъ и гусляхъ, т. е. скоморохи, на звукъ инструментовъ сбегается толпа народа: «издавять бо ся, слышавше гласъ трубный и гусельный, текуще къ нимъ и аки крылати обрящутъся ту» ')• Въ правил* митрополита русского Кирилла (ум. въ 1280 г.) порицается соблюдете въ божественные праздники «б*совскихъ обычаевъ треклятыхъ Еллинъ», т. е. обычаевъ языческихъ: «въ Божествениыя праздники позоры некакы бесовъскыя творити съ свыстаніемъ и съ кличемъ и въплемъ съзывающе некы скаредныя пьяница (подъ именемъ последнихъ узнаютъ призывашихся, для развлеченія толпы, разгульныхъ скомороховъ), и бьющеся дръколеемъ до самыя смерти (ср. выше: «а другыя борющася»²). Въ 1358 г. Новгородцы, по словамъ летописца, «утвердишася межи собою крестнымъ п*ловашемъ, что имъ йгранія бесевскаго не любити». Здесь, впрочемъ, не ясно, о какихъ именно играхъ идетъ речь. Въ повести объ «Алексій Митрополите всея Русій» (у 1378 г.) читаемъ, что еще будучи отрокомъ, онъ «на позорище не хожаше, со отроки не играше и всяческихъ кощунъ и глумленій отб*гаше»³). Эти, хотя и отрицательныя свидетельства подтверждают!, существование позорищъ, игръ, глумленій въ XIУ веке. О томъ, что главный действующая лица такихъ игръ и позорищъ, скоморохи, ходили играть и потешать народъ по городамъ и селамъ, заключаемъ изъ неоднократныхъ запрещеній имъ играть въ томъ или другомъ месте, или играть вообще, — запреіценій, издававшихся въ XV, XVI и XVII столетіяхъ. (См. ниже гл. 6.) Въ посланій игумена Памфила (1505 г.) описывается народное сборище въ ночь на праздникъ рождества св. Иоапна Крестителя,—сборище, центромъ которого опять является инструментальная музыка; представителями же последней были, конечно, скоморохи: «во святую ту нощь—читаемъ

^{*}) Срезневскій. Свѣд. и ааміт. XLI, 34.

²⁾ Рус. Достоин. I, 114.

³⁾ Древн. Л4тописсцъ. I, 223, 307.

въ названномъ посланій — мало не весь градъ (Псковъ) взмятется и взбесится, бубны и сопели, и гуд-Ьшемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканіемъ и плясаніемъ,... стучать бубны и гласъ соїгълій и гудутъ струны, ясенамъ ясе и девамъ плесканіе и плясаніе и главамъ ихъ наківаніе, устамъ ихъ непріязнь кличъ и вопль, всескверненая песни, басовская угодія свершауся, и хребтомъ ихъ віхляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе¹). По свидетельству Стоглава, связанное съ поминовешемъ мертвыхъ въ Троицкую субботу гореваніе народа на могилахъ усопшихъ сродниковъ заканчивалось веселыми плясками, скаканіемъ, руісплесканіемъ и песнями, поднимавшимися при появлениі толпы гудцовъ-скомороховъ: «Въ Троицкую субботу— говорится въ Стоглаве—по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ крикашемъ и егда начнутъ играть скоморохи и гудцы и прегудницы, они же отъ плача представше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и песни сотонинскія нети»²). Въ извете патріарха Іова (1604 г.) предписывается не пьянствовать, не браниться, не чинить скаредныхъ и смехотворныхъ укоризнь, не играть и не драться на кулачкахъ³). Здесь очевидно речь идетъ о скоморошескихъ играхъ и позорищахъ, подробнее и точнее определяемыхъ въ другихъ па-

¹) Дополненія къ акт. истор. (арх. комм.) 1846—1875. I, 18.

²) Гл. 41, воир. 23.—Нечто подобное сохраняется до нашихъ дней въ Малой Руси, гдѣ номинки по умершимъ спрвляются съ музыкой: «музыка! вуже залграйте, да такъ ѿбъ плакало усе на взрыдъ», говорить вомипающіи. Скрипачи играютъ заунывныи или похоронныи песни, и все плачуть. «Годв! чи перестанете же вграты? Не бачете, якъ вси взрыдалы, мовъ слизнова ридного хоронютъ». Скрипачи начинаютъ играть веселый, и все, забывъ горе, бросаются въ присядку. (Беляевъ, Оскоморохахъ. 72—73.)—Непосредственная смена гореванія и плача объ усопшихъ сродникахъ неистовыимъ весельемъ, на первый взглядъ кажущаяся неестественною, можетъ находить себѣ объясненіе въ следующихъ словахъ арабскаго писателя XI віка, Ал-Бекри, о Славянахъ: «Они (Славяне) радуются и веселятся при сожгваній умершаго и утверждаютъ, что ихъ радость и ихъ веселость (происходитъ) отъ того, что его (и покойника) господь скажился надъ нимъ». (Записки Имиерат. Акад. Наукъ. т. XXXII. п. 55). И такъ, въ данныхъ случаяхъ сначала горюютъ и плачутъ объ утрате любимаго человека, а потомъ радуются о судьбѣ покойника.—Ср. свидетельство Козьмы Пражскаго (XII в.) о сденическихъ представленияхъ и играхъ ряженыхъ, совершившихся еще въ XI столетій Чехами на могилахъ ихъ покойниковъ. (Cosmas. Chrovicen Bohemorum. Scriptores reg. Bohem. I, pag. 197). Проявление радости и веселья наблюдается въ номинальныхъ, обрядахъ разныхъ народовъ.

³) Акты (арх. экси.). Ш, Л5 223.

мятникахъ. Въ наказной памяти патріарха Ioасафа (1636 г.) говорится о томъ, что народъ въ праздники Господни ходить по улицамъ, «повел*вающе медв*дчикомъ и скомрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сотонійскія игры творити и въ бубны бити и въ сурны рев*ти и руками плескати и плясати и иная неподобная діятій» ¹⁾). Въ грамот* царя Алексея Михайловича отъ 1648 г. тахаке встр*чаемъ описаніе увеселеній народа скоморошескими играми, въ воскресные и другіе праздничные дни: «умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бісовское дѣстство, глумнініе и скоморошество со всякими басовскими играми... Многіе люди, забывъ Бога и православную крестьянскую віру, т*мъ прелестникомъ и скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелщеніе сходятся по вечеромъ и во всеношныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ, и богомерзкихъ и скверныхъ п*сней и всякихъ б*совскихъ игръ слушаютъ, мужесково и женесково полу и до сущихъ младенцевъ.» Дал*е порицается «безчинное схаканіе, пленаніе» и пініе «б*совскихъ пісень» ²⁾). Вс* эти и подобные имъ свидетельства служать подтвержденіемъ высказанного выше предположенія, что скоморохи были и

¹⁾ Акты (арх. эксп.). Ш, № 264.

²⁾ Ивановъ. Опис. госуд. арх. 296 и сл. Ср. почти буквальное повторение этой грамоты въ памяти Верхотурского воеводы Рафа Всеиволожского. (Акты истор. [арх. комм.]. IV, X135). Въ обоихъ документахъ, какъ и въ вышеупомянутыхъ: извete патріарха Iова (1604 г.) и памяти патріарха Ioасафа (1636 г.), кроме бесовскихъ игръ, пісень, плясокъ, запрещаются еще и обычные въ числе народныхъ праздничныхъ увеселеній кулачные бои (<многіе люди—говорить Ioасафь—не токмо что младые, но и старые, въ толпы ставятся, и бывають боло кулачные великіе и досмертнаго убийства>). Ср. выше (стр. 80) въ свидѣтельствахъ ХІІІ века: сбывающееся дръжлемъ», или: «а другая борющася...—Ср. замічанія г. Ровинскаго о борцахъ и кулачныхъ бояхъ русскихъ. (Рус. нар. карт. IV, 302—308; Т, 219—224). аЕще въ недавнее время—заключаете свой обзоръ г. Ровішкій—кулачные бои происходили у насъ почти повсеместно: на Оке и на Волге собирались партіи человече по пятисотъ въ боїе; въ Костромѣ Дебряне ходили стена на стіну противъ Сулянь (жители двухъ слободь); а въ Туле оружейники ходили противъ посадскихъ въ «цеплянку-свалику». Сахаровъ называете имена Тульскихъ бойцовъ, ходившихъ только одинъ на одинъ и получившихъ большую известность. Партіи или стены для боевъ приготовлялись заранее; охотники купцы ездили, разыскивали голіаеві, поили, кормили ихъ и выхоливали ко дню судному. Не смотря на все запрещена производить кулачные бои, они всетаки производятся зачастую и въ наше времѧ... Кончается себѣ бой темъ, что молоды (но народному выражению), на добромъ морозце, другъ другу бока нагреюгъ, да носы подрумянятъ*.

авторами многихъ русскихъ плясовыхъ песень: упоминаемые въ этихъ свидѣтельствахъ «всесквервеныя песни», «вопли», «кличи», «свистаніе» и т. п. означаютъ очевидно плясовые песни съ сопровождавшими ихъ крикливыми припевами, возгласами, гикашемъ и взвизгиваниемъ (ср. выше стр. 73, 75 песни съ возгласами: «люли!», «ихъ! вохъ!» и т. п.); главный тонъ задавали, конечно, распивавшіе веселыя, разгульный свои песни скоморохи—«прелестники», которымъ, по словамъ вышеприведенной царской грамоты 1648 г., «иослѣдствовали», подражали, сходясь на ихъ «безчинное прелѣщеше», мужчины, женщины и даже младенцы.—Воспоминаніе объ игре скомороховъ, ходившихъ по одиночке, показывать свое искусство на улицахъ и площадяхъ и увеселять народъ своей игрой, находимъ въ следующемъ отрывке изъ «старины о болыпомъ быке»:

Да быль нЗасаковъ волынщикекъ,
Да молодой-отъ гудошничѣкъ...
Да какъ сталь онъ на рынокъ гулять,
Да какъ сталь онъ въ волынку играть,
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да волынку послушивали,
Да какъ ей-то подхваливали ').

66. Переряжаются: Москолудство.—Окрутники.—Скоморохи и русальи-

Игра на музыкальныхъ инструментахъ, песни и пляски естественно роднятся и связываются съ обычаемъ переряжанія, народного маскарада. Последній обычай ведеть свое начало изъ древнейшихъ временъ. Обрядное нередеваніе мужчина, въ ясенщинъ и женщинъ въ мужчинъ известно было уже въ древнихъ Семитовъ, вызывало норицаніе уягѣ въ книгахъ ветхаго завета; обрядное переряжаніе и въ древнемъ греко-римскомъ міре составляло непременную

') Гильфердингъ. Онеж. был. 1288.

принадлежность празднествъ, отправлявшихся въ честь Діониса, Либера, Сатурна; обычай, въ пору святоокъ на- давать на лица маски и рядиться въ разные костюмы и звериные и иные чудовищные образы, издавна распространялся и глубоко укоренился и въ народномъ обиходѣ* обитателей средней и северной Европы: «Не пустота-ли и не безуміе-лій—восклицаетъ въ У. в. поел* Р. Хр. Максимъ Турніскій—все, что въ эти дни (январскихъ календъ) совершаются, когда мужчина, скрывши крепость своихъ силъ, всего себя превращаетъ въ женщину, и такъ старается выдержать принятый видъ и въ походк*, и во всемъ поведеній, что какъ будто ему жаль, что онъ мужчина? Не пустота-ли и не безуміе-лій, когда созданные Богомъ люди превращаютъ себя то въ скотовъ, то въ дикихъ зверей, то въ какія либо чудовища?»¹⁾) Подобно тому, въ 62-мъ правил* Трулльского собора читаемъ: «никакому мужу не од*ватися въ женскую одежду, ни жен* въ одежду мужу свойственную: не носите личинъ комическихъ или сатирическихъ или трагическихъ»²⁾). С*тованія духовныхъ писателей, въ поученіяхъ и пропов*дяхъ обличавшихъ народный маскарадный игры, неустанно, но безусп*шно раздавались въ теченіе многихъ вековъ. Народъ не отставалъ отъ своихъ исконныхъ привычекъ, отъ лгобимыхъ святочныхъ увеселеній, естественно притянувшихъ съ себе деятельность скомороховъ. Ряженіе и маски были¹ въ ходу, какъ у нашихъ скомороховъ, такъ и у западныхъ пот*шниковъ-жонглеровъ, сделавшихся въ указанныхъ увеселеніяхъ народныхъ главными действующими лицами. И те и другіе одевались въ разные наряды, въ которыхъ исполняли родъ йнтермедій, бытовыхъ сценъ; наряжались въ звериные образы, надевали личины, подвязывали бороды, вместо личинъ, иногда окрашивали себе лица (на западе) или чернили ихъ сажей (въ Византіи)³⁾. Самое имя «скоморохъ» вероятно находится въ связи съ ряженіемъ, маской:ср. арабское maskhaga -см*хъ, на-

¹⁾ См. «Воскресное Чтеніе., 1880 г. № 2.

²⁾ См. въ Кнігѣ Прав. св. Аност.—Названные здійсъ три рода личинъ очевидно имствованы изъ древне-греческихъ драматическихъ представлений, распадавшихся на отвітствующиє три рода: комедію, сатирову игру и трагедію.

³⁾ Веселовскій. Розыск, въ обл. русс. дух. стих. VII. п. 161 и сл.

см'ышка, глумъ: на запад* слово это получило значение: буффонъ, пот'ышникъ; *λα-πτήρ* (среднегреческ.), умашриц (новогреч.), *mascara* (румын.), *maškara* (чеш.), маскара (серб., хорват., малорусс.), *maszkara* (польск.), отсюда и машкара (русс.). Перестановка буквъ, въ особенности въ иноземныхъ словахъ, явленіе обычное, напр. лира (Leier) въ Малой Руси нередко называется рыли или рели, наркачеи (играюще на накрахъ) въ старину нередко назывались наркачеями, гусли яворовыя обыкновенно въ былинахъ именуются яровчатыми, глина въ нѣкоторыхъ местахъ Псковской губерній народомъ называется гнила; такъ и маскарасъ (рао^арЦ, раахарас) легко могло въ устахъ русского народа превратиться въ скамарасъ и обрушиться въ форму скомрахъ или скоморохъ. На возможность такого производства последняго названія указалъ уже г. Заб^линъ¹), а подробнее развилъ эту мысль проф. Веселовскій²).

Письменныя свидетельства о русскихъ народныхъ маскарадахъ восходятъ до XI или XII віка: «Москолудство вамъ братіе нелепо имети», поучаль архіепископъ Лука³). «Москолудство» производять отъ маска (= личина) и луда⁴) (= повязка или платье). Несторъ, говоря о народныхъ увеселеніяхъ, перечисляетъ главные ихъ факторы: трубы, гусли, скомороховъ и русальи. Подъ имѣнемъ русалій должно понимать игры, сопряженныя съ маскарадомъ (см. ниже стр. 89 и сл.). Маски, которыя надавали на свои лица скоморохи и вообще ряженые, носили въ Россій разныя названія: личины, обличія, наличники (въ смыслѣ масокъ, надеваемыхъ на лицо), хари (вероятно въ смыслѣ масокъ, надеваемыхъ на голову, ср. греч. *υάρα* = голова, серб. [болг.] *харач[ъ]*=поморохъ).

¹) Домашній быть русскихъ царицъ. 410.

²) Розыск, въ обл. русс. дух. стих. VII. II, 181—182. Здѣсь же (стр. 179 и сл.) разсмотрѣны и некоторый другія предположения относительно производства слова «скоморохъ».

³) Русс. достоп. I, 9.

⁴) Ср. у Нестора: «*θε Ιακύνη σλάιν,* луда *βε* у него золотомъ истканъ». Летопись иреп. Нестора по Лаврентьевскому списку 1864 г. (подъ 1034 г.).—Дюкинжъ (*Glossarium mediae Latinitatis*) приводить изъ одного древняго словаря: *Ludix*—*vetementum illejeu*. (См. Русс. Достоп. I, 12, прим.). Упоминаемая въ Патерике [Лечерскомъ] «Луда на бесе въ образѣ ляха» означаете личину или маскарадное платье. (Снегиревъ. Русс., прост. иразд. II, 31).

головная подать), скураты (ср. *scurrā* [латин.] - шутъ); машкары (ср. выше) и т. п. Обычай надѣвать на себя личины очевидно заладного пройсхожеденія: «Наличники, яко же въ странахъ Латинскихъ зле обыкоша, творять, различныя лица соби; претворяюще», говорится въ Номоканоне, напечатанномъ въ Кіевѣ въ 1624 г.¹⁾ Въ Кормчей (рукоп. XIII в.) маски называются «обличьями игр'цъ и ликъственникъ», т. е. личинами игроковъ, комедіантовъ, скомороховъ. Царь Ioannъ Грозный во время разнуданныхъ пировъ своихъ любилъ маскироваться и плясать вместе со скоморохами: «упившись началь (Ioannъ) со скоморохами въ машкарахъ плясати и суїце пирующее съ нимъ», пишетъ князь Курбскій, и далее рассказывается, какъ царь понуждалъ къ тому и князя Репнина, «глаголюще: «веселись и играй съ нами!» и взявши машкару (по другому списку—личину), класти началь на лицо его»²⁾. Древніе языческіе народные обычай, въ известные праздничные дни, именно въ пору зимняго поворота солнца, которой соответствуют!, рождественскіе святки, водить животныхъ, снабженныхъ символическимъ?, значешемъ (коня или кобылицу, козла или козу, медведя и т. п.), въ рукахъ скомороховъ превратились въ маскарадный игры: они изображали козла или козу (ср. повторявшееся въ некоторыхъ русскихъ поучешахъ и постановлявшихъ запрещете Трулльского собора [прав. 62]: «козлогласовая ходити»³⁾), «козлогласованія творити»⁴⁾), «ни въ козлогласованій» [образъ показати со бою] и т. п.), «бесовскую кобылку», медведя и т. п. Въ одной изъ дополнительныхъ статей къ судебніку (1636 г.) приказывается, чтобы (на святкахъ) съ кабылками не ходили и на игрища мірскіе люди не сходились⁵⁾. Объ этихъ кобылкахъ упоминается и въ другихъ свидѣтельствахъ. Такъ въ грамоте царя Алексея Михайловича

¹⁾ См. у Снегирева. Русс, прост, праздн. И, 32.

²⁾ Сказанія. 81,—Тамъ же: 56, читаемъ и о Сигизмунді Август®, норолъ скомъ, что онъ надѣвать на себя «преиспещренныя машкары».

³⁾ Поученія митроп. Данила (ХІІ вЛ, съ Нам. стар. russ, літ IV 201

⁴⁾ Столпавъ. Гл. 93.

⁵⁾ Соборный приговоръ 1551. Акты (арх. экв.), I, 232.

⁶⁾ Акты истор. (арх. комм.) III, M 92, x.

(1648 г.) читаемъ: «накладываюсь на себя личины и платье скоморошкое, межъ себя наряда басовскую кобылку водять», а далее предписывается, чтобы «личинъ на себя не накладывали и кобылокъ бесовскихъ не наряжали», въ числе же атрибутовъ этой скоморошеской потехи называются: «домры, сурны, гудки, гусли, хари и всяkie гудебные бесовскіе сосуды» Гизель (-[- 1685 г.) выражается о роягдественскомъ народномъ маскараде такъ: «йній лица своя и всю красоту человеческую, по образу и по подобію Божію сотворенную, некіймъ лярвами (*larva*=личина, маска) или страшими на діавольській образъ пристроенными, закрываютъ, страшаще или утешающе людій, Творца жъ и Зиждителя своего укоряюще»²⁾.

Несколько более подробную картину святочныхъ маскарадныхъ игрищъ, въ которыхъ, разумеется, въ станицу первенствовали ряженые скоморохи, даетъ патріархъ Іоакимъ, указомъ 1684 г. занреїавшій бывшія на Москве «скверная и бесовская действа и игрища въ навечерій Роягдества Христова». «Тогда—пишеть онъ —ненаказанній мужескаго полу и женскаго, собравъся многимъ числомъ, отъ старыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и девки ходятъ по улицамъ и переулкамъ къ бесноватымъ и бесовскимъ пёснямъ, сложеннымъ ими, многія сквернословія нрисовокупляютъ, и плясаніе творять, на разженіе блудныхъ нечистота и прочихъ грехопаденій, и преображающеся въ неподобная отъ Бога созданія, образъ человеческій нременяюще, бесовское и кумирское лицать, косматые, и иными бесовскими ухищреными содеянные образы надевающе, плясаньми и прочими ухищреными православныхъ Христіанъ прелыцаютъ; такожъ и по Рождестве Христове во 12 днехъ до Креїченія Господа нашего І. Христа таковая жъ бесовская игралища и позорища содевають»¹⁾.

¹⁾ Ивановъ. Опвс. госуд. арх. 296 и сл.—Ср. Акты истор. (арх. коми.) IV, 35.

²⁾ Синопсисъ или краткое описаниe отъ различныхъ літописцовъ о началѣ сдававскаго народа. 7-е изд. 1785 г. Стр. 49—50.

³⁾ См. у Снегирева. Русс. прост., праздн. I, 37—38.

Современные ная́въ святочные народные маскарады могут служить къ пополнение картины старинныхъ скоморошесашихъ перерясианій. «Въ Новгород*—пишеть Снегиревъ—святки известны подъ именемъ Окрутниковъ, которые со втораго дня праздника Р. Хр. до Богоявленія наряженные ходять по городу въ т* домы, гд* въ знакъ приглашениі ставятся на окнахъ зажженныя св*чи, и тишасть хозяевъ шутками, карикатурными представлениімъ, п*снями и плясками. Въ Тихвин* о святкахъ снаряжается большая лодка, которая ставится на н*сколько саней и по улицамъ везется множествомъ лошадей, на коихъ сидять верхомъ окрутники. Сю лодку занимаютъ подъ разноцв*тыми флагами святочники въ разныхъ лицахъ и нарядахъ... Во время но*зда они поютъ, играютъ на разныхъ инструментахъ и выкидываютъ разныя штуки. Толпы народа провожаютъ ихъ, а зажиточные граждане подчуютъ ихъ виномъ и кушаньемъ»¹⁾). Для святочного наряда народъ приб*гаетъ къ самымъ простымъ уборамъ, по большей части употребляется въ д*ло вывороченный тулу́пъ и длинная льняная борода- наряжаются охотно въ звфриные образы: быками, баранами, козлами, лисицами, медв*дями и т. п., наряжаются Бабой-Ягой (в*дьмой) или чертями. Представлянпцій чорта натягиваетъ на себя что нибудь косматое, лицо обмазываетъ сажею, къ голов* приставляетъ рога, а въ зубы береть горячій уголь. Въ такихъ нарядахъ окрутники б*гаютъ по улицамъ шумными вереницами, пляшутъ и кривляются, расп*ваютъ громкія п*сни и бьютъ въ тазы, заслонки и бубны. (Не такіе ли примитивные ударные инструменты подразум*ваготся въ упомянутой выше [стр. 87] царской грамот*, подъ словами: «и всякие гудебные б*совскіе со- суды»?) Слово окрутникъ производится отъ крутить, которое отъ первоначального значенія: завивать, плести перешло къ опред*ленію понятій од*вать, парялгать -). Въ такомъ же смысл* и родственный слова: крута (=нарядъ), накрутиться (=нарядиться) употребляются и въ

¹⁾) Снегиревъ. Русс, прост, праздн. И, 33—34
Асанасьевъ. Поэт, возвр. I, 718; III, 526.

былинахъ, напр.: «крута каличья» «накрутился моло́децъ (Добрыня) скоморошиной»²). (О сценическихъ представлешахъ и импровизащахъ ряженыхъ говорится иткѣ стр. 54 и сл.)

Народные маскарады не ограничивались зимней порой, но имели место и весною, около времени нашихъ Троицкихъ святокъ, которые у западныхъ и отчасти у южныхъ Славянъ именуются русальными святками или русаліямъ, а у Русскихъ непосредственно слѣдуютъ за праздникомъ воскресенія русалки или русалокъ («русалкинъ великий день» [малорусс.] = четвергъ передъ днемъ св. Троицы = семикъ [великорусс.]) и предшествуютъ проводамъ русалокъ, имеющимъ место въ первый день Петрова поста. Въ коментарій Вальсамона (XII в.) къ 62-му правилу Трулльского собора русаяіямъ называется запрещенный церковью (языческий) праздникъ после Пасхи. По свидетельству греческаго писателя Дмитрія Хоматіона (XIII в.) праздникъ русалій, «по древнему обычаю», отправлялся (въ местности, соответствующей нынешней южной Болгарій) на неделе, следовавшей за Троицкимъ днемъ, и ознаменовывался хождешемъ молодеяш изъ дома въ домъ за полученіемъ подачекъ, плясашемъ и скакашемъ, а равно и маскарадными шествіями³). У западныхъ Славянъ въ русальные святки также издревле происходили маскарады, что видно изъ запрещенія XVI столетія западнымъ Славянамъ, въ пору русальныхъ святокъ исполнять непристойныя пляски, ставить «по старому обычаю» королей, облекаться въ старые коягухи, другими словами, переряживаться. Остатки такихъ обычаевъ сохраняются до сихъ поръ въ Чехій и Моравій: здесь въ Духовъ день отправляются конныя процесії, въ которыхъ на первомъ месте фигурируетъ поставляемый король съ многочисленной воинственной свитой, при

^{*}) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 228.

Рыбниковъ. Иѣчи. I, 135.

³⁾ Tomaschek. Ueber Brumalia und llosalia, въ Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. Bd. LX, Hft. II, S. 370 и. ff. — Ср. аое сочинение: Божества древнихъ Славянъ. 1884 г. I, стр. 212 и сл.

чемъ посл*дній всадникъ бываетъ од*тъ въ вывороченный кожухъ¹). Объ остаткахъ особенныхъ народныхъ игрищъ (быть можетъ также связанныхъ съ переряжавшемъ), отправлявшихся у Поляковъ во дни Пятидесятницы, упоминаетъ Длугошъ (ХУ в.)²). Въ Россій, вероятно какъ остатокъ древняго русального маскарада, въ нѣкоторыхъ м*стахъ сохранился обычай, въ Духовъ день или передъ Петровскимъ заговъ-Кшьемъ водить такъ называемую «русалку», въ образ* лошади, которую изображаютъ ребята, покрытые пологомъ. Эту маскарадную фигуру я уже въ другомъ мест*³) сблизиль съ «басовской кобылкой» святочнаго маскарада. Еще недавно, кроме того, существовалъ, а можетъ быть и ныне еще существуете, въ Белгород* сл*дующій обычай: въ праздникъ Пятидесятницы (т. е. русалій) женщину нереодываютъ въ безобразный муссской костюмъ, а мужчину—въ женскій, и такимъ образомъ водятъ три дня по городу съ песнями и плясками⁴). Въ «Устав* людемъ о велицемъ пост*» (изъ Дубенскаго сборника ХУІ в.) запрещается «плясати въ русалія»⁵). Словомъ, мы видимъ, что издревле въ разныхъ м*стахъ весеннее «русальное» торжество означалось переряжаніемъ и плясками, самое же слово «русалій» обобщилось и стало применяться къ народнымъ игрищамъ, сонрягеннымъ съ большими праздниками вообще, безъ разлічія специального характера этихъ игрищъ. Въ пролог* ХУ в*ка слово «Русальи» определяется такъ: б*сы въ образ* челов*ческомъ, «овы бъяху въ бубны, друзій же въ козиц* и въ соп*ли сопяху, йпій ягє, возложивши на лица скураты (= маски), идяху на глумленье челов*комъ и многіе, оставивши церковь, на позоръ (= зрелице) течаху и нарекоша т* игры Русальи». На томъ же основаній и старинный русскій азбуковникъ объясняетъ «русальи», какъ «игры скоморошкіе»⁶). Въ Стоглав* русаліямъ называются какъ

¹) Подробнее предметъ этотъ излагается мною во II выпуске сочиненія: Бож. древ. Славянъ.

²) Długosz. Historia Polonica. I. i, 48.

³) Бож. древ. Слав. I, 210 и сл.

⁴) Эти. сбор. Ими. Русс, геогр. общ. V, 37.

⁵) Срезневскій. Свід. и заміт. LVII, 312.

⁶) Ср. Бож. древ. Слав. I, 212.

рождественскія святочныя игры, такъ и игры иа праздникъ рождества св. Иоанна Крестителя: «Русали» о Иванове дни, и въ навечерній Рождества Христова, и крещенія сходятся мужи, и жены, и девицы на нощное плашеваше и т. д.»¹). Неудивительно, что, после того какъ слово «русальи» получило такое общее, широкое значеніе,—въ многочисленныхъ поучешахъ, словахъ, ностановлешахъ, поридающихъ пестрыя и шумныя, унаследованный народомъ изъ временъ язычества, игрища, выраженія «русальи» и «скоморохи» (—непременные участники и вдохновители всякихъ народныхъ игрищъ) почти неразрывно связались, причемъ рядомъ съ ними же обыкновенно упоминаются еще песни и пляски, какъ предметы специальной деятельности скомороховъ, а также и названія музыкальныхъ орудій скомороховъ, какъ неотъемлемой ихъ принадлеяности. Такъ у Нестора называются рядомъ: «трубы и скоморохи, гусли и русальи»; въ слове неизвестнаго автора (изъ до-монгольского периода) поименовывагаются песни, плясанье, бубны, сопели, гусли, пискове, йгранія неподобныя, русалья²); въ Изборнике XIII века читаемъ: «егда играютъ русалія ли скомороси»; въ Златострѣ (по рукоп. XVI в.) «да убо о скомрасехъ и о русаліяхъ»³); въ Слове о русаліяхъ поименовываются рядомъ: игры бесовскія, русалія, скоморохи, «плясанье и плесканье съ свирелми» ИТ. п.

вв. Скоморохи—глумцы и смѣхоторцы.—«Позоры».—«Пещное дѣйство» и «Халдеи». — Скоморохи—кукольники. Кукольный ящикъ. Вертепъ (Ясли). Раѣкъ.—Шуты (дураки). Ерема и Замазка. 8ома и Ерема-

Въ старинныхъ памятникахъ скоморохи,игрецы, шпильманы или плясуны неоднократно получали еще названія глумцовъ, глумотворцевъ, смехотворцевъ, скверно-

¹) Гл. 41, вопр. 24.

²) Филяротъ. Обз. дух. лит. I, 50.

³) Ср. Тамъ-же.

⁴) Пам. стар. russ. дѣт. I, 208 .

словцевъ, кощунниковъ и т. п.: «шнильманъ рекше глумъцъ», «игрьца или глумъца», «скоморохи и глумъцы»,—слова эти отолгдествляются у старинныхъ авторовъ; «той бо позоры научиль сміхоторца и кощунники и скомраси и игреца», читаемъ въ слове Христолюбца- тамъ яге упоминаются играопце въ мирскихъ свадьбахъ «глумотоворцы и органники и смехоторны и гусельники»; въ слове Палладія мниха «о второмъ пришествій Христове» караются: «нлясцы и свирельцы и гусленицы и смычницы и смехоторцы и глумословцы», другими словами во всехъ приведенныхъ случаяхъ перечисляются разные виды скоморошества. Что подъ именемъ упомянутыхъ выше кощунниковъ действительно следуетъ понимать скомороховъ-потешниковъ, подтверждается, какъ словами Симеона Глоцкаго: «кощунникъ да тешитъ, самъ ся изнуряетъ¹⁾), такъ и наименовашемъ въ одной грамоте 16В6 г. ск, о-морошескихъ игръ—кощунами: «восприемше игры и кощуны бесовскіе²⁾); «злословнымъ кощуннникомъ» называется въ «слове о христіанстве» глумящейся «пустошникъ», смешающ слушателей, по смыслу дальнейшего текста отождествляющейся съ «игрецами»³⁾-наконецъ, въ слове «о корчмахъ и о пьянстве» описывается, какъ сходятся «къ пѣтю пьянственному мужи и жены, тутъ же придутъ и неций кощунницы, имуще гусли и скрипели и сопели и бубны и иныя бесовскія игры, и предъ мужатицами играюще, бесяся и скача и скверный песни припевая⁴⁾). Кощунниками называются здесь уже прямо игрецы - скоморохи. Въ Стоглаве поименовываются рядомъ: «арганники, смехоторцы, гусельники и глумъцы», такжес скоморохи, гудцы, ирегудницы и глумъцы⁵⁾). Въ сборнике митрополита Даніила скоморохи называются плясцами - сквернословцами "), Въ грамотахъ XVII столетія говорится о нрысуетвій на

¹⁾ См. у Веселовскаго. Розыск, въ обл. русс. дух. стих VII и, 177, 195, 197 и сл., 207.

²⁾ Акты (арх. эвен.). III, 264.

³⁾ Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. IV, 111.

^{4)*} У Забелина. Он. изуч. русс. древн. и истор. I 187

⁵⁾ Гл. 41, вонр. 16, 23.

⁶⁾ Беляевъ. О скоморохахъ. 69.

свадьбахъ безчинниковъ, сквернословцевъ и скомороховъ (см. выше стр. 21).

Въ чемъ же заключалось это глумотворство, см^л;хотовство, сквернословіе, кощунство, безчинніе «веселыхъ молодцовъ»? Мы только что рассмотрели обычай скомороховъ рядиться въ разные образы, вызывавшіе конечно см^хъ и веселье въ зрителяхъ; ряженіе невольно влекло за собою и нечто въ родѣ сценическихъ представлений, хотя-бы и самыхъ элементарныхъ, ком^ическихъ зр-блізца или «позорщцъ», сопровождавшихся песнями, плясками, разговорами и прибаутками, шутками и выходками, исполнители которыхъ, разумеется, не стеснялись пределами скромности и прашчія. Веселье скомороховъ должно было, конечно, соответствовать духу, настроению и вкусамъ слушателей и зрителей. Каковы-же были эти вкусы? Олеарій, писавшій въ первой половине XVII столетія, такъ характеризуете низкую степень развитія и просвещенія современнаго ему русскаго общества: «Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями—пишете Олеарій, исключающей, впрочемъ, изъ своего отзыва самыхъ знатныхъ бояръ—не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, и не имея желаніязнакомиться съ чуждыми народами и ихъ свойствами, Русскіе весьма естественно въ своихъ собраніяхъ никогда не заводятъ и речи о иодобныхъ вещахъ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ яшні, а именно: говорять о сладострастій, постыдныхъ норокахъ, разврате и любодеяній ихъ самихъ или другихъ лицъ; рассказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболѣе сквернословитъ и отпускаете самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными телодвиженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и нріятнейшимъ въ обществе. Къ тому же направлены и ихъ пляски, который они исполняютъ съ прибавлешемъ некоторыхъ страшныхъ телодвижасеній». Въ другомъ месте тотъ яге авторъ разсказываетъ о русскихъ странствующихъ комедіантахъ, т. е. скоморохахъ, которые въ пляскахъ своихъ иногда, для забавы зрителей, безстыдно обнажали части

своего тела, и обь уличныхъ скрипачахъ (гудочникахъ?), восп'явавшихъ всенародно на улицахъ «срамныя Д'ла» ¹⁾). Несколько раньше Олеарія описывалъ забавы русскаго (московскаго) общества Маскѣвичъ, отметившій въ дневникѣ своеимъ подъ 1611 г. слідуюідія слова: «Есть у нихъ (Русскихъ) такъ называемые шуты (maje u siebie blazonow), которые тішатъ ихъ русскими плясками. кривляясь какъ скоморохи (jak gagio\upzі®=фйгляры) на канате, и песнями большою частью весьма безстыдными» ²⁾). Еще около полу столетія раньше князь Курбскій описывалъ пьяное веселье, которому предавался самъ царь Ioанпъ Васильевичу безчинно веселившійся и йгравшій со скоморохами, плясавшій съ ними въ машкарахъ (личинахъ) и понуясдавшій къ тому яге и присутствующихъ, въ томъ числе князя Репнина, который мужественно отказался творить это «безчинніе» ³⁾). Такое пьяное веселье, разжигаемое скоморохами, разумеется, не обходилось безъ сквернословія: пелись срамныя, безстыдныя или, по выражению духовныхъ писателей, «богомерзкія», «скверныя» песни, исполнялись разнузданнія пляски, сопровождавшаяся безстыдными телодвиженіями (ср. выше свидетельства Маскевича и Олеарія). Чемъ грубее была веселившаяся толпа, тѣмъ выше была и степень цинизма, до которой доходило ея веселье. Понятно, что подобный потехи возмущали нравственное и релігіозное чувство людей серьезныхъ, въ роде князя Репнина, поплатившагося жизнью за противоречіе царю; понятны протесты противъ кощунства, сквернословія, глумотворства скомороховъ-потешниковъ, со стороны писателей духовнаго чина, а также и светскихъ властей, въ особенности со временеми вступленія на царскій престолъ Алексея Михайловича, который въ первыѣ годы своего царствованія, по выrajенію г. Забелина, обнаруживалъ стремленіе обновить распущенную

¹⁾ Подр. опис. путеш. къ Москов. 178.

²⁾ Сказанія соврем., о Дмитр. Самозв. У, 61,—Dyaryusz S. Maskiewicza, см. Pamiętniki do History Rossyi i Polski wieku XVI i XVII. 1838.

³⁾ Сказанин. 81.—Но свидетельству другого современника (Одербориа), въ мирную пору царь Ioанпъ Васильевичъ проводилъ время въ ловахъ, въ игре, илиске, любодеяніяхъ и ужасныхъ зрелищахъ. (Wunderbare, erschreckliche, unerhorte Geschichte des Orossfursten m der Moschkau (Joan Basilidis) Loben. 1588.)

жизнь, внести въ нее строй и порядокъ, возстановить идеаль хорошей жизни по Домострою.

Разумеется, веселье скомороховъ - потѣшниковъ не исключительно вращалось въ области цинизма. Наряженные въ разные костюмы и маски, они разыгрывали сцены, понятіе о которыхъ можно составить себе до известной степени по тѣмъ остаткамъ скоморошескихъ игръ, которые сохранились въ народе до нашихъ дней. Таковы напр. песни и прибаутки, шутки и комическія представлениія новгородскихъ «Окрутниковъ» (см. выше стр. 88), нашихъ современныхъ святочныхъ и масляничныхъ ряженыхъ, изображающихъ бабу Ягу, чертей, чудовищъ, или водящихъ ряженыхъ-же медвѣздя, козу, журавля и т. п., разыгрывающихъ импровизованныя забавныя сцены.

Изъ звериныхъ образовъ, въ которые наряжаются, наибольшее значеніе имеютъ медведь и коза, въ новейшемъ святочномъ маскараде встречающееся нередко вместе. Оба эти животныя, какъ видно изъ связанныхъ съ появленіемъ ихъ обрядовъ и песень, служатъ представителями обилія и плодородія. Въ честь святочнаго медведя поется песня:

Медведь пыхтунъ
По ріжъ плыветь,
Кому пыхнетъ на дворъ,
Тому зять во теремъ 'J,...

т. е. появленіе медведя предвещаетъ свадьбу. Въ данномъ случае русскій святочный медведь совпадаетъ съ масляничнымъ или «гороховымъ» медведемъ западныхъ славянъ. Въ Чехії представляеть последняго парень, весь окутанный гороховой соломой. Куда ни прійдетъ гороховый медведь, онъ обязательно долгень проплясать со всеми ясенщинами и девушками въ доме, и появленіе его, по народному верованію, способствуетъ плодородію въ домѣ²⁾). Въ окрестностяхъ Krakova на свят-

¹⁾ Сахаровъ. Сказ. russ. нар. 1. ш, 14.

²⁾ Reinberg-Diiringsfeld. Festkleider aus Bobmen. 1862. S. 49.

кахъ возять на теліжкі; человека, одетаго въ козій м*хъ, два спутника его обвиты гороховой соломой. Челов-Ькъ, одетый въ мехъ, называется гороховымъ медвѣдемъ (*grochowej niedzwiedz*). Передъ каждымъ домомъ онъ рычитъ, и если рычаніе первая услышитъ девушка, то ей въ скоромъ времени выйтти за мужъ¹). (Ср. выше русскую песню про медведя пыхтуна.) Въ южной части бёлой Руси, по близости къ Малороссій, въ день нынѣшняго новаго года, молодецъ, одетый козой, въ лентахъ и бубенчикахъ, предводительствуете толпой, которая ходите подъ окна или передъ двери хатъ, подъ музыку, съ песнею:

Го-го-го козынька,
Го-го-го сѣра,
Го-го-го бѣла.
Ой, разходися,
Развесели ся,
По всему дому,
По весёлому!
Ой поклонися
Сему господарю,
И женѣ его,
И дѣткамъ его.

Далее воспевается плодоносная сила козы:

Гдѣ коза тупою (многой),
Тамъ жито купою,
Гдѣ коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ,
Гдѣ коза ходить,
Тамъ жито родить и т. д.

Ером* этой песни, появленіе маскарадной козы сопровождается разговоромъ,— речитативомъ представлениія²). Сходныя песни въ честь пляшущей, брыкающейся, бодающейся святочной козы (или козла) встречаются и въ Малой Руси³). Въ Полесье козель, медведь и журавль

¹ Mannhardt. Wald- und-Feidkulte. Th. II (1877). S. 188.

²) Безсоновъ. Белорусе, піс. I, 78, 98. Ср. тамъ же: 83-песню объ «Антоновской козе». Соответственно тексту песни, Антонъ въ игре не можетъ справиться съ козой, сперва пляшущей, потомъ бодающейся.

³) См. Труды-этн. стат. мен.' Юго-зап. отд. III, 265, 266.

единственные маскарадные фигуры. Роли ихъ выполняются очень незатейливо: вывернутый тулу́п служить маскараднымъ костюмомъ; представлениe заключается въ нехитромъ речитативе, сопровождаемомъ прыжками и кувырканьем-! парня, наряженного животнымъ. Наиболее популярна фигура козла. Маскарадный представлениe ряженыхъ медведемъ и козой фиксировались въ старинной лубочной картинке, снабженной следующею подписью: «Медведь сказого прокляжаются на музыке своей забавляются и медведь шляпу вздель да вдутку играль а коза сива всараене синемъ срошками исколокольчиками и слошками скачеть и вприсятку пляшеть». Въ этихъ строкахъ (и картинке) изображается целое святочное скоморошеское представлениe. На другой народной картинке того-ясе содержанія, въ подписанномъ подъ нею тексте читаемъ, между прочимъ, следующее обращеніе козы къ медведю: «станемъ стобою веселитца что на нась стануть люди дівйтца ты любезнай медведь заигран всириль ія молоденка поплешу теперь за что нась стануть благодарить а другой вздумаетъ и подарить но и мы за оное зрит'лямъ отъдадимъ почтеніе насырной недели въ воскресеніе»²⁾). Последнія слова доказываютъ, что речь идетъ о масляничномъ маскараде. Пляска и скаканіе козы вошли даже въ поговорку: на одной изъ маленькихъ лубочныхъ картинокъ, иллюструющихъ чету: Семикъ и Масляницу, представлены трое пляшущихъ подъ звуки волынки и гудка. Подъ картинкой подписано: «Скакат(ъ) і плясат(ъ) будет яко коза»...³⁾)

Что касается новейшихъ святочныхъ народныхъ сценическихъ представлений, то напр. въ Белой Руси, по словамъ проф. Безсонова, они устраиваются такъ: въ доме или на площади дMствуютъ йграюція лица, переряженный сообразно ролямъ, по мере силъ и средствъ. Любимейшее содержаніе этихъ сценъ, на сколько уцелели оне,

¹⁾ Эремичъ. Очерки белорусского Полесья. 1868 г. Стр. 56—57.

²⁾ Ровинекхай. Гусс. нар. карт. I, 414, 415.

³⁾ Тамъ-же: стр. 306,—Священник Лукьянновъ въ описавій своего вутешествія по Святой земле (1710 г.) разсказываетъ, что Греки я свято! педеле ходять по улицамъ и монастырямъ съ медведями, съ козами, съ бубнами, съ скрипицами, съ сурнами, съ волынками, да скакуть въ пляшуть. Русский Архивъ, изд. Бартенева. Годъ I, стр. 206.

во-первыхъ, б'ялорусскій хлопъ во всевозможныхъ его видахъ, преимущественно въ траги - комическихъ отношеніяхъ къ пану, котораго онъ тѣмъ или другимъ ставить въ тупикъ; къ жиду, съ коимъ справляется по свойски за ловкое торгашество, надувательство или неоплатные свои долги; къ «дохтору» и учителю, которые въ дуракахъ передъ цельюю натурою крестьянина; къ ясен*, которая наказана за вероломство, или наказываетъ мужа, за корчму; далее—еврейскій шабашъ; степенность и неуклюжесть литвина и т. п. '). Проф. Безсоновъ записалъ д^лую импровизованную сцену между хлопомъ Матеемъ и докторомъ. Матей жалуется, что объелся кутьей, и никакое средство ему не помогаетъ. Встречается ему «дохторъ»—шарлатанъ.

ДОХТОРЪ.

Кладися, мужикъ.
Якъ тябе зовутъ?

МАТЕЙ.

Матей.

Дохторъ.

(Бьеть его палкой, приговаривая.)

Гоголь, пане Матей!

МАТЕЙ.

(Встаетъ, а дохторъ убѣгаєтъ.)

А, лихо твоей матяри!
Напотьу, наматьу,
Да ѹ самъ къ чорту полят'у!
Вотъ, кабъ догнау,
Вотъ бы у плечки нагрукотау (—наколотил*)! ²⁾

Въ Великой Руси въ X VII столетій былъ очень популярнъ, напр. следуюцій фарсъ: на сцену выходилъ бояринъ въ каррикатуре; на голове у него была горлат-вдя шапка изъ дубовой коры, самъ онъ былъ надутый,

М Безсоновъ. Еторјес. ulic. I. 98—99
²⁾ Тамъ-же: 79-80.

чванливый, съ оттопыренной губой. Къ нему шли челобитчики и несли посулы въ лукошкахъ — кучи щебня, песку, свертокъ изъ лопуха и т. п. Челобитчики земно кланяются, просить правды и милости; но бояринъ ругаетъ ихъ и гонить прочь.

— Ой бояринъ, ой воевода! любо было тебе надъ нами издаваться, веди яге нась теперь самъ на расправу надъ самимъ собой! говорять челобитчики и начинаютъ тузить боярина, грозятъ его утопить.

Затемъ являются двое лохмотниковъ и принимаются гонять толстяка прутьями, приговаривая:

— Добрые люди, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ.

Следуетъ сходная-же сцена съ купцомъ. Отобравъ деньги у последняго, добрые молодцы отправляются какъ бы «во царевъ кобакъ», пьютъ и поютъ:

Ребятушки! праздникъ, праздникъ!
У батюшки праздникъ, праздникъ!
На матушкъ Bonг—праздникъ!
Сходися голытьба на праздникъ!
Готовьтесь бояре на праздникъ!

Представленіе заключалось обращеніемъ хтъ толпе-.

— Эхъ, вы, купцы богатые, бояре тароватые! ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчаты, принимайте гостей голыхъ, босыхъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую! ¹⁾)

Подобныя сцены, разжигавшія ненависть народа къ притеснявшимъ его боярамъ, несомненно могли способствовать смутамъ инароднымъ движешамъ, о которыхъ знаетъ наша йсторія. Известно также, что еще въ XI столетій скоморохи подняли въ Польше народное восстаніе противъ христіанъ ²⁾), подобно тому какъ у насъ эти восстанія дѣлались по наущеніи волхвовъ и кудесниковъ, до некоторой степени роднящихся съ древними скоморохами (ср. ниясе стр. 129 и сл.).

Возвращаюсь къ святочнымъ представлениямъ. Оста-

¹⁾ См. у Михеаича. Очеркъ йсторія музыки въ Россій. 1879 г. Стр. 81—82.

²⁾ Б'ялевъ о скоморохахъ. 70, прим. 2.

токъ старинныхъ сценическихъ потехъ мы узнаемъ и въ тѣхъ шуткахъ, прибауткахъ, импровизаціяхъ, которыми нот*шаетъ народную толпу герой масляничныхъ каруселей, неизменный дідъ, «Ерема-накольникъ», являюїцойя нередко въ сообществе съ «Замазкой» (см. нияге стр. 115), а равно и въ разыгryваемыхъ иногда тутъ яге народныхъ фарсахъ.

Такого рода маскарадный ймпровизацій, такія представляя забавныхъ сценъ, переплетаемыхъ песнями, плясками, кривляніямъ, шутками, нередко циническими, непристойными, несомненно входили въ составъ тѣхъ глумовъ и позоровъ, тѣхъ «сотонинскихъ» или «бесовскихъ игръ», «бесовскихъ чудесъ», противъ которыхъ такъ часто ополчались духовные писатели прошедшихъ столетій. Действительно, игрища, въ которыхъ, по словамъ летописца, дьяволъ льстиль трубами, скоморохами, гуслями и русаліямъ, другими словами скоморошескія игры или русалій называются летописцемъ бесовскими позорами: «позоры деюще отъ беса замышленного дела»; позорами яге называются въ Прологе XVв. русальи, именно игры, связанныясь возложеніемъна лицаскураторовъ (масокъ), «на глумленіе человекомъ». Еще въ XVIII столетій художественный театральный представліенія назывались «позорищными играми»¹).—О томъ, что имировизацій действительно входили въ кругъ деятельности скомороховъ, свидетельствуете былина о Госте Терентьище: Терентьеваягена, поверивъ йзвестію «веселыхъ молодцовъ», что нелюбимый мужъ ея погибъ, съ радости просить ихъ спеть по этому поводу песеньку. «Веселые» импровизируютъ песню, изъ которой сидящій въ мешке мужъ узнаетъ о вероломстве своей жены.

Подобно тому, какъ на западе возникла и разыгryвалаась въ стенахъ церквей духовная драма (мистерій), заимствовавшая свои сюжеты изъ священного писанія,¹ и въ русской церкви съ XVI века стали входить въ употребление известныя обрядпяя представліенія, получившія назва-

0 Си. С.-Петербургша Ведомости 1733 г. Црим*чаніе на Ведомости,

ыія дMствъ. Такихъ дMствъ известно три: пещное дей-
ство, шествіе на осляти и дейсво страшнаго Суда.
ДревнMшимъ изъ нихъ было «пещное дMство», на кото-
ромъ считаю нужнымъ несколько остановиться и о совер-
шенній котораго наиболеє раннее извѣстіе восходитъ къ
первой половине XVI столітія. О немъ упоминается въ рас-
Ходныхъ книгахъ Новгородскаго Софійскаго архіерейскаго
дома подъ 1548г. Пещное дейсво происходило передъпразд-
никомъРождества Христова, въ Москве и другихъ городахъ:
въ немъ изображалось вверяеніе въ пещь трехъ отроковъ вав-
илонс1Шхъ (Ананій, Азарій и Мисаила) и чудесное избав-
леніе ихъ отъ пламени ангеломъ. По этому случаю, въ сре-
ду передъ Рождествомъ Христовымъ, въ церкви разбира-
лось большое паникалио, а въ субботу, во время обедни,
сдвигался амвонъ и ставилась пещь. Во всенощную весь
обрядъ ограничивался темъ, что дети, которыя представ-
ляли отроковъ, и такъ называемые два халдея предшес-
твовали святителю при вступлениі его въсоборъ, при чемъ
дети были одеты въ стихари и венцы, а халдеи—въ «хал-
дейское платье». Костюмъхалдеевъ, по описанію, сохранившемуся
намъ отъ начала XVII ст. въ приходореходныхъ
книгахъ вологодскаго архіерейскаго дома, состоялъ изъ ша-
покъ, отороченныхъ заячымъ мехомъ и вызолоченныхъ
сверху. На теле у нихъ были широкія суконныя одежды,
съ оплечьями изъ выбойки. При выходе предшествовалъ
«халдей предъ отроки со свечами, а другой халдей (шель)
по отроцехъ». Самое «дейсво», исполнявшееся во время
заутрени, заключалось въ следующемъ: руки отроковъ обвя-
зывались полотицемъ, и они подводились халдеями къ свя-
тительскому mestу. «Егда же дойдетъ первый халдей до
церкви близъ пещи, и стапуть отроки и халдеи, и ука-
зуютъ оба халдея отрокамъ на пещь пальмами, и глаго-
летъ первый халдей къ отрокамъ: «Дети царевы!» Другій яге халдей поддваиваетъ тое-же речь: «царевы!» И
первый глаголетъ халдей: «видите-ли сіго пещь огнемъ го-
рящу и вельми распаляему?» И паки второй глаголетъ хал-
дей: «а сія пещь уготовася вамъ на мученіе». И потомъ
Ананія отвещаетъ: «видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся
ея; естьБогъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ: той
силенъ изъятии насъ отъ пещи сея». И по семъ Азарія гла-

голеть: «и отъ рукъ вашихъ избавить нась». Тоже Ми-
саиль отвѣщаетъ: «а сія пещь будеть не намъ намученіе,
но вамъ на обліченіе...» По благословеній святителемъ и
врученій каясдому свѣтичи, отроки становятся опять около
пещи. «И въ то время единъ отъ халдей кличетъ: «това-
рыщи!» другой же халдей отвѣщаетъ: «чево?» И первый
халдей глаголеть: «это дѣти царевы?» а другій халдей под-
дваиваетъ: «царевы». Первый же глаголеть: «нашего ца-
ря повелѣнія не слушаютъ», а другій отвѣщаетъ: «не слу-
шаютъ». Первый же халдей говорить: «а златому тѣлу
(—тельцу) не поклоняются?» а другій халдей: «не покло-
няются». Первый халдей говорить: «и мы вкинемъ ихъ
въ печь»; а другаго отвѣть: «и начнемъ ихъ жечь!» Поелѣнію
того халдеи берутъ отроковъ подъ руки и вводятъ въ пещь
«честно и тихо»; халдеи дѣлають видъ, что разводятъ огонь
подъ нею. Въ это время хоръ пѣвчихъ, протодьяконъ и
отроки въ печи поютъ священныя йѣсни, и въ кони* стиха:
«яко духъ хладенъ и шумящъ», «сходилъ ангель госпо-
день въ пещь ко отрокамъ въ трубѣ велицѣ зѣло съ гро-
момъ...» (Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588—89 го-
дахъ, разсказываетъ о томъ, какъ ангель слеталъ съ цер-
ковной крыши въ пещь къ тремъ отрокамъ, къ величай-
шему удивленно зрителей, при множествѣ пылающихъ ог-
ней, производимыхъ посредствомъ пороха «халдеями»). Хал-
деи, державши до того времени высоко свои пальмы, па-
дали, а дьяконы опалияли ихъ при помощи свѣчей и травы
плауна («вмѣсто ангельского паленія»). При этомъ слу-
чаѣ опять завязывался разговоръ межу халдеями; первый
говорилъ: «товарыщи!» Второй откликался: «чево?»—Пер-
вый: «видиши ли?»—Второй: «вижу».—Первый: «было
три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло,
образомъ уподобился Сыну Божію».—Второй: «какъ онъ
прилетѣлъ, да и нась иобѣдилъ».—Послѣ того продолжали-
лись священныя пѣсни; халдеи выпускали изъ пещи отро-
ковъ: «И прищель халдей къ пещи и отверзаетъ пещные
двери, и станеть противу пещи безъ турика (шлема), и
кличетъ громогласно: «Ананія! гряди вонъ изъ пещи» а
другій халдей говорить: «Чево сталь? не поварашивайся-
не имѣть васъ ни огонь, ни смола, ни сѣра». А первый
халдей глаголеть: «Мы чаяли васъ сожгли, а мы сами его-

рели». Ананія же двигается съ места своего, и грядеть изъ пещи, халдеи яге пріемлють его подъ руки и ведуть честно предъ святительское место; и глаголеть первый халдей: «гряди, царевъ сынъ!» и поставить его противъ святителя на томъ же месте, иде же бе ипервее стояль». Створивъ три поклона передъ образомъ и поклонившись святителю, одинъ изъхалдеевъ говорить: «Владыко, благослови Азарію кликати» и кличетъ: «Азаріе! гряди воинъ изъ пещи!» А другійхалдей говорить по прежеписанному». Т4мъ яге порядкомъ выводился изъ пещи и Мисайлъ, Затѣмъ церковная служба продолжалась по уставу, съ тою разницею, что въ нѣкоторыхъ обрядахъ участвовали отроки и халдеи съ зажженными свечами... И въпродолженій обедни и вечерни того дня участвовали и отроки, и халдеи¹).

Описанное «дѣлство», при всей своей элементарной простота, возбуждало ягивой интересъ не только толпы, но даже и царя Алексея Михайловича, который вместе съ царицей каждый годъ присутствовалъ на совершеніи обряда пещнаго дѣйства, хотя каждый годъ повторялось одно и тоже, безъ всякихъ добавленій или измѣненій. Эта невзыскательность зрителей, по отношенію къ данному церковно-сценическому представлению, даже еще въ XVII веке, позволяла намъ делать заключеніе объ элементарномъ же составе вышеупомянутыхъ «позоровъ» и «глумовъ», исполнявшихся скоморохами, подтверждаемъ наивностью и простотой вышеприведенныхъ примеровъ позднѣихъ народныхъ сценъ. Только уже во второй половине XVII столѣтія сценическія представлѣнія обогатились и обновились: въ 1673 г. прибыль изъ за границы съическими нимцами-актерами антрепренёръ Готфридъ Яганъ, начавшій при дворе разыгрывать разныя «комедійныя дѣйства» на сюжеты, заимствованные изъ ветхаго завета, и въ то же время появились на московской сцене духовныя драмы (или мистерій русскія) Дмитрія Ростовскаго, между прочимъ его «комедія о Навуходоносорѣ» царе, о теле злате и о тріехъ

¹) Древняя Россійская Вѣщіоопка, изд. Новиковыи. Изд. II. 1788 г. Ч. IV, стр. 363 и сл.—Ср. Пекарскій. Наука въ литературѣ въ Россії при Петре Великомъ. 1862 г. I. Стр. 388 и сл. — Ср. также: Полевой. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. 1872 г. Стр. 187 и сл. Здесь же помещено и изображеніе самой «иешти Вавилонской»:

отроц'ехъ, въ пещи сожженыхъ». Здесь сюжете «пещнаго действия» приобретаете уже вполне литературную, драматическую обстановку ¹⁾.

Обращаюсь къ вышеупомянутымъ участникамъ нещаго действия, «халдеямъ». Какъ въ западной Европе средневековый церковныя сценическія представлениа, или мистерій, постепенно принимали въ себя світскіе элементы, даяс грубо комическія сцены, а затымъ стали перемежаться съ шутовскими интермедіямъ, въ которыхъ действующими лицами являлись шутовскіе комедіанты,—что и повело за собой выгъсненіе въ XIV вік'я місгерій изъ церкви сперва въ церковныя ограды, а потомъ на площеадь,—подобно тому и «халдѣи», йгравшиє столь видную роль въ церковно-обрядномъ пещномъ действе, съ заложенными свечами предшествовавшие святителю при вступленій его въ соборъ, участвовавши! въ церковной службе до и после самого действия,—«халдѣи» появлялись въ своемъ обрядномъ наряде въ толпе народной въ теченій 12 дней роядественскихъ святокъ, въ роли шутовъ и проказниковъ, мало отличавшихся отъ глумцовъ-скомороховъ. Флетчеръ говорите, что халдѣи въ продолженій 12 дней доляши были бегать по городу переодетые въ шутовское платье и делать разныя смешныя потуки ²⁾, т. е. «глумы». Олеарій подробнее описываете эту сторону деятельности халдѣевъ: «въ бытность нашу въ Москве — пишете Олеарій — это были известные безпутные люди, которые ежегодно получали отапатріарха дозволеніе, въ теченіе 8-ми дней передъ Рождествомъ Христовымъ и вплоть до праздника 3-хъ Святыхъ Царей (Богоявленія), бегать по улицамъ города съ особаго рода потешнымъ огнемъ, поджигать имъ бороды людей и въ особенности потешаться надъ крестьянами. Въ паше время такіе халдѣи подожгли у одного крестьянина возъ сена, и. когда этотъ бедняга хотелъ было оказать имъ сопротивленіе, то они соягли ему бороду и волосы на голове; не желаюїцій подвергаться подобнымъ грубымъ выходкамъ халдѣевъ, долженъ заплатить имъ копейку (6 пфенниговъ). Халдѣи же одевались какъ масляничные шуты.

<) Нолевой. Истор. русс. лит. 188 и ел
3) Тамъ-же: 185, 187.

или штукари, на головахъ носили деревянный раскрашенный шляпы и бороды свои обмазывали медомъ для того, чтобы не поджечь ихъ огнемъ, который они пускали для потехи... Свой поташный огонь халдеи делали изъ порошка, который добывали изъ одного наземнаго растенія или зелья, и порошокъ этотъ называется плауномъ (Plaun)... Огонь этотъ—прибавляете Олеарій—довольно забавенъ для глазъ и представляете удивительное зрелище, особенно пушеный ночью, или въ темномъ месте, и имъ можно делать бездну увеселительныхъ штукъ»¹).

Я съ нам'ышлемъ остановился несколько дольше на «халдеяхъ» и участій ихъ въ «пещиомъ действе», такъ какъ, но сохранившимся подробнымъ свѣдѣшамъ объ этомъ «действе», мы можемъ делать заключенія о характере «позоровъ» или представленій современныхъ халдеямъ скомороховъ,—представленій, несомненно им'вшихъ, какъ и пещинное дѣлство, самую элементарную форму. Съ другой стороны, сами халдеи, не будучи скоморохами, сближаются съ последними: 1) какъ исполнители «дѣлства»; 2) какъ народные потешники и проказники (см. ниже, гл. 3); 3) они, подобно святочнымъ рясеннымъ, въ теченій времени своихъ беганий и потехъ, считались какъ бы язычниками, нечистыми, и должны были очищаться крещенской водой (см. ниже, гл. 5); наконецъ, 4) въ виду наносимаго нередко огненными потехами халдеевъ вреда простому народу, потехи эти, а равно и беганіе халдеевъ по городу въ своеобразномъ ихъ нарядѣ, были запрещены патріархомъ, подобно тому какъ запрещались и наконецъ совершенно вывелись, приблизительно въ то же время, воскресные и праздничные публичные скоморошескіе «глумы» и потехи (см. ниже, гл. 6), воспоминаніе о которыхъ продолжаете еще жить въ народе въ виде игръ и представленій ряженыхъ, ныне йріурочайемыхъ почти исключительно ко времени рождественскихъ святокъ и масляницы.

Къ разряду «глумовъ» или «позоровъ» безъ сомненія причислялись и «игры глаголемая куклы», кукольныя

¹) Подр. опис. путеш. въ Москов. 314—315.

игры, т. е. представлениі изъ куколъ или маріонетокъ. Объ этихъ играхъ можно себѣ составить понятіе, какъ по кукольнымъ представлешамъ, до сихъ поръ даваемымъ обыкновенно при звукѣ шарманки, къ которой иногда присоединяются удары бубновъ и треугольника, скрывающимися за ширмами бродячими поташниками (преемниками старинныхъ скомороховъ-кукольниковъ), такъ и по описанію Олеарія. очевидца кукольныхъ комедій, представлявшихся на Руси въ 30-хъ годахъ ХУТІ стол-Бтія: «Они (комедіанты - кукольники) обвязываютъ вокругъ своего тела простыню—пишеть Олеарій—поднимаюсь свободную ея сторону вверхъ и устраиваюсь надъ головой своей такимъ образомъ пічто въ роде сцены (*theatrum portatile*), съ которою они ходять по улицамъ и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представлениі»¹⁾.—Устройство современаго бродячаго кукольнаго театра въ Москве, по словамъ г. Ровинскаго, чрезвычайно простое: на двухъ палкахъ развешивается простыня изъ крашенины, и изъ-за этой простины кукольникъ высовываетъ свои куклы и производить свои представлениі; аккомпаньементъ къэтимъ представлениямъ, въ древнее время (на картинке у Олеарія), состоялъ изъ гусляра и гудочника, теперь оба они заменены шарманкой. Въ изображенномъ у Олеарія кукольномъ представлениі г. Ровинскій узнаеть «классическую коиедко о томъ, какъ цыганъ продаваль Петрушке лошадь. Справа высунулся цыганъ,—онъ очевидно хвалить лошадь; въ средине длинноносый Петрушка, въ огромномъ колпаке, подняль лошадке хвостъ, чтобы убедиться, сколько ей летъ; слева должно быть Петрушкина невеста, Варюшка. Комедія эта — продолжаешь г. Ровинскій — играется въ Москве подъ Новинскимъ и до настоящаго времени; содержаніе ея очень не сложно: сперва является Петрушка, вретъ всякую чепуху виршами, картавя и гнуся въ носъ,—разговоръ ведется посредствомъ машинки, приставляемой къ нёбу, надъ языкомъ, точно такъ, какъ это делается у французовъ и итальянцевъ.

) Подр. опис. путеш. въ Носков. 178-179. Въ нѣицкоиъ оригиналь помѣщено изображен* такого кукольнаго представлениі, сопровождаема* игрою двухъ музыкш товъ на гудкѣ и гусляхъ.
»»»*

Является цыганъ, предлагаешь Петрушке лошадь. Петrushка осматриваетъ ее, при чёмъ получаетъ отъ лошади брычки то въ носъ, то въ брюхо; брычками и пинками переполнена вся комедія,—они составляютъ саму сущевственную и саму смехотворную часть для зрителей. Идетъ торгъ,—цыганъ говорить безъ машинки, басомъ. После длинной переторяски, Петрушка покупаетъ лошадь; цыганъ уходитъ. Петрушка садится на свою покупку; покупка бѣть его передомъ и задомъ, сбрасываетъ Петрушку и убегаетъ, оставляя его на сцене замертво. Следуетъ жалобный вой Петрушки и причитанья на преждевременную кончину доброго молодца. Приходить докторъ: где у тебя болитъ?—вотъ здесь! И здесь?—и тутъ! Оказывается, что у Петрушки все болитъ. Но когда докторъ доходитъ до неяшаго места,—Петрушка вскакиваетъ и цапъ его по уху; докторъ даетъ сдачи, начинается потасовка, является откуда-то палка, которою Петрушка окончательно успокаиваетъ доктора.

«Какой-ясе ты докторъ», кричить ему Петрушка, «коли спрашиваешь, где болитъ?—на что ты учился?—самъ долженъ знать где болитъ!» Еще несколько минутъ,—является квартальный, или, по кукольному, «фатальный фицеръ». Такъ какъ на сцене лежить мертвое тело, то Петрушке производится строгій допросъ (дискантомъ): «зачемъ убилъ доктора?» — ответа (въ носъ): «затемъ, что свою науку худо знаетъ — битаго смотрить, во что бить не видить, да его-ясе еще и спрашивается».

Слово за слово,—видно допросъ фатального Петрушке не нравится, онъ схватываетъ прежнюю палку, и начинается драка, которая кончается уничтожениемъ и изгнаниемъ фатального, къ общему удовольствию зрителей; этотъ кукольный протестъ противъ поліції производить въ публике обыкновенно настоящій фуроръ.

Пьеса кажется-бы и кончилась; но что делать съ Петрушкой? И вотъ на сцену выбегаетъ деревянная собачка—пудель, обклеенная по хвосту и по ногамъ клочками взбитой ваты, и начинаете лаять со всей мочи (лай придѣланъ внизу изъ лайки). «Шавочка—душечка», ласкаетъ ее Петрушка:—«пойдемъ ко мне жить, буду тебя кошачьимъ мясомъ кормить»; но шавочка, ни съ того ни

сь сего, хвать Петрушку за'носъ; Петрушка въ сторону, она его за руку, онъ въ другую, она его опять за носъ; наконецъ Петрушка обращается въ постыдное б'гство. Т4мъ комедія и оканчивается. Если зрителей много, и Петрушкину свату, т. е. главному комедіанту, дадуть на водку, то вслідъ за тѣмъ представляется особая интермедія, подъ названіемъ Петрушкіной свадьбы. Сюжета въ ней нѣть никакого, за то много дMствія. Петрушкъ приводятъ невѣсту Варюшку; онъ осматриваетъ ее на манеръ лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушк'ю и ждать свадьбы ему не въ терпежъ, почему и начинаетъ онъ ее упрашивать: «пожертвуй собой Варюшка!» за тѣмъ происходитъ заключительная сцена, при которой прекрасный полъ присутствовать не можетъ. Это уже настоящій и «самый послѣдній конецъ» представлениія за тѣмъ Петрушка отправляется на наруящую сцену балаганчика вратъ всяку чепуху и зазывать зрителей на новое представлениe.

Въ промежутках-!, между д-Mствіямъ пьесы, обыкновенно представляются танцы двухъ арапокъ,—иногда цѣлая йнтермедія о дамѣ, которую ужалила змія (Ева?); тутъ-же, наконецъ, показывается игра двухъ паяцовъ мечами и палкой. Последняя выходитъ у опытныхъ кукольниковъ чрезвычайно ловко и забавно; у куклы корпуса нѣть, а только подделана простая юбочка, къ которой сверху подшита пустая картонная голова, а съ боковъ руки, торые пустыя. Кукольникъ втыкаетъ въ голову куклы указательный палецъ, а въ руки—первый и третій пальцы, обыкновенно напяливаетъ онъ по куклѣ на каждую руку и дMствуєтъ такимъ образомъ двумя куклами разомъ... Шарманщикъ (бывающей при кукольной комедії) вміоті; съ тѣмъ служить «понукалкой», т. е. вступаетъ съ Петрушкой въ разговоры, задаетъ ему вопросы и понукаетъ продолжать вранье свое безъ остановки²).

¹) Заключительная сцена, но своему цинизму, совпадасть со старинными русскими кукольными представленими, въ которыхъ, по свидѣтельству Олеарія, показывались «свампные дела». Подр. опис. изгуш. въ Москв. 178.

²) Ровинскій. Русс. нар. карт. II, 211; Г, 225—227.

Г. Шейнъ такъ объясняете слова: «кукольникъ, кукольнички»—«родъ волочебниковъ, ходившихъ на св. Недели (въ преяшія времена) по деревне для собиранія подачекъ, съ песнями, возя за собою особаго устройства ящикъ съ куклами»¹). По личнымъ объясненіямъ г. Шейна, сообщаемымъ проф. Веселовскимъ, куклы движутся на колышкахъ и изображаюсь лошадокъ, обыкновенно краснаго цвета, среди которыхъ на беломъ коне фигурируете Св. Георгій; ті; лошади—его стадо. За этимъ легендарнымъ сюжетомъ, по замічанію проф. Веселовскаго, легко предположить существованіе боле древняго, светскаго, съ такими-же типами хлопа, пана, жида, цыгана и т. п., какіе до послідняго времени являлись на святочной сцене білоруссовъ, то живьемъ, въ лицѣ ряженыхъ (ср. выше стр. 97—98), то въ кукольной драме²). Проф. Безсоновъ такъ описываете кукольную комедію 64-лоруссовъ: устраивается ящикъ, въ роде нашего райка со стеклишкомъ, чаще съ отодвижною или подымающеюся переднею стенкою, иногда же съ дверцами; въ ящике известныя декорації; поль устланъ шкуркой; проризныя дорожки для движенія куколъ; самыя куклы въ цвѣтныхъ лоскутьяхъ, дMствуютъ посредствомъ проволокъ или вевечекъ, привязанныхъ къ разнымъ частямъ ихъ тела (какъ въ театрѣ маршнетокъ); разговоры дMствующихъ лицъ передаются самимъ хозяиномъ ящика или его слугами; свете въ ящикъ падаете сверху; ящикъ иногда порядочно великъ, въ роде подвижнаго балаганчика, и носять его два человека; начало и антракты имаютъ музыку, волынку или скрипку; хозяинъ—антрепренеръ и товарищъ его, служитель; порою два, три служителя; иногда заведуете целая компанія. Ныне ящики съ кукольной комедіей въ Белой Руси носять названіе Вертепа, реже—Яслей: подъ вліяніемъ костёла, ныне главнымъ содерясаніемъ разыгрываемыхъ въ нихъ пьесъ сделались сцены изъ священнаго писанія, во главе которыхъ стоите представленіе рождества Христова, внутренность священнаго вертепа, со святымъ семействомъ, изображеніе Божествен-

¹) Белорусе, нар. птс. Словарь, сл.: «кукольникъ».
² Розыск, въ обл. русо. дух. стих. VII. II, 213—214.

наго Младенца въ ясляхъ (отсюда и новшія названія кукольного ящика: «вертепъ» или «ясли»). Впрочемъ, и еще нын* въ «Вертепъ» продолжаготь представляться и бол*е вульгарный кукольныя комедій, на чисто народные сюжеты въ род* т*хъ, какіе перечислены выше (стр. 98)¹).

В*лорусскій кукольный ящикъ «Вертепъ»(или «Ясли») сближается съ великорусскимъ райкомъ. «Раёкъ — это небольшой, аршинный во вс* стороны, ящикъ, съ двумя увеличительными стеклами впереди, пишетъ г. Ровинскій. Внутри его перематывается съ одного катка на другой длинная полоса съ доморощенными изображеніями разныхъ городовъ, великихъ людей и событий. Зрители, «по коп*ик* съ рыла», глядя въ стекла, — раешникъ передвигаетъ картинки и разсказываетъ присказки къ каждому новому номеру, часто очень замысловатый: «а вотъ извольте вид*ть, господа, андереманиръ штукъ—хорошій видъ, городъ Кострома горитъ; вонъ у забора мишка стоять и . . . ; квартальный его за воротъ хватаетъ, — говорить, что поджигаетъ, а тотъ кричитъ, что заливаетъ (намекъ на знаменитые Костромскіе пожары, во время которыхъ собственное неряшество обвиняло въ поджигательств* чуть не каждого попавшагося, поголовно). Картина переменяется, выходитъ Петербургскій иамятникъ Петра первого: «а вотъ андереманиръ штукъ — другой видъ, Петъ первый стоять; государь былъ славный, да притомъ-же и православный; на болот* выстроилъ сто-

) Белорус. пис. I, 99, 105. Какъ грубые и элементарные «позоры» скомороховъ относятся къ позднейшимъ, более сложнымъ, художественнымъ «нозорищнымъ играмъ», т. е. трагедіямъ и комедіямъ, такъ и элементарные кукольныя представления скомороховъ относятся къ позднейшимъ усовершенствованнымъ!, «кукольнымъ играмъ», дававшимся на особыхъ сценахъ: «Между нозорищными играми» — читаемъ въ С.-Петербургскихъ Ведомостяхъ 1733 г.—«надлежить также считать и кукольныя игры, въ которыхъ представления не живыми персонами, но куклами делаются. Такія куклы столь искусно делаются, что все ихъ члены тонкими проволоками, какъ кому угодно, обращать можно, и такимъ способомъ онимы все движенья человеческаго тела изображаются. Хотя речи помянутыхъ куколъ отъ скрытыхъ позади театра людей произносятся, однакожъ ради нарочитаго отдаленія смотрителей, оно насилиу приметить можно.. Къ тому же такими куклами мвогія действія показать можно, къ которымъ живыя персоны весьма не способны. Напримеръ, можно ими удивительнейши образы людей, редко виданные уроды, смертельныя убивства, и другія симъ подобныя вещи очень легко изъявлять, чтобы живыми людьми не безъ великаго труда въ действіе производить надлежало». (Примечаніе на Ведомости, часть 45, іюня 4-го 1733 г., стр. 182). По свидѣтельству Олеарія, видѣнія имъ русскія кукольныя игры (см. выше стр. 106) изображали, между прочимъ, срамныя дела, для обозначенія которыхъ авторъ невольно прибегаетъ къ латинскому языку. (Подр. опис. нутеш. въ Москв. 178).

ли ду . . . государь былъ славный, да притомъ-же и православный». Еще картинка: «а вотъ андереманиръ штукъ— другой видъ, городъ Яалерма стоить; барская фамилія по улицамъ чинно гуляетъ и нищихъ итальянскихъ русскими деньгами щедро надѣляетъ. А вотъ извольте посмотреть андереманиръ штукъ—другой видъ, Успенскій соборъ въ Москве стоить; своихъ нищихъ въ шею быотъ, ничего не даютъ» и т. д. Въ конце происходятъ показки ультра-скоромнаго пошиба, о томъ напримеръ, какъ «зять тещу завель въ осиновую рощу», и о томъ, какъ: «она ему твердила...» и т. д. которая для печати уже совсѣмъ непригодны»¹⁾:

Съ образомъ скомороха-потешника сближается типъ домашняго шута или дурака. Самымъ виднымъ, наиболее выдающимся предметомъ комнатной забавы, по замечанію г. Забелина, былъ дуракъ, шутъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, источникъ постояннаго спектакля, постоянной вседневной утехи для всехъ комнатныхъ дворцовыхъ людей. Обязанность дурака заключалась въ томъ, чтобы возбуждать веселость, смехъ. Достигалась эта цель то пошлыми, то остроумными словами и поступками, нередко впадавшими въ цинизмъ. Дуракъ, независимо отъ потешной роли своей, иной разъ становился суровымъ и неумолимымъ обличителемъ лжи, коварства, лицемерія и всякихъ пороковъ, нередко только такимъ путемъ доходившихъ до сведѣнія его господина. Достоверный известія объ историческихъ шутахъ русскихъ мы имеемъ, начиная съ XVI столетія. Известенъ шутъ Таврило въ 1537 г. Шутовъ и шутовство особенно любилъ царь Ioаннъ Грозный. Одинъ итальянецъ, бывшій въ Москве въ 1570 г., разсказываетъ между прочимъ: «царь въезжалъ при насъ въ Москву... Впереди ехали 300 стрельцовъ, за стрельцами шутъ его на быке, а другой въ золотой одежде, затемъ самъ государь». Царь Оедоръ Ioанновичъ также всегда забавлялся шутами и карликами мужескаго и женскаго пола, которые кувыркались передъ нимъ и пели

¹⁾ Ровинскій. Русс. пар. карт. V, 231—232, прим. 187.

песни. Даже Тушинскій царикъ им'ѣль при себе шута, Петра Киселева. Въ смутное время упоминается шутъ Иванъ Яковлевъ Осминка, который бывалъ у даря (Шуйскаго или Тушинскаго—неизвестно) всякой большой праздникъ. Молодаго царя Михаила Оедоровича въ первое время (1613 г.) потьшалъ дуракъ Мосяга или МосМ (Моисей), а въ хоромахъ у матери царя, великой царицы иноки Мароны Ивановны, въ Вознесенскомъ монастыре яшла дура Манка (Марья). Не буду останавливаться на дальнейшихъ именахъ известныхъ царскихъ шутовъ и дураковъ. Княжескій или царскій шутъ или дуракъ-забавникъ и насмешникъ нашель себе место и въ былинахъ: Добрынина мать спрашиваетъ своего сына, который въ кручине возвращается съ княжескаго пира:

«Идешь съ пиру—еамъ кручинишься?
Знать мѣсто было тамъ не но чину,
Чарой на пиру тебя пріобнеслій,
Аль дуракъ на пиру надсмеялся, де?»²⁾.

Въ другой былине король Пойтовскій на пиру обращается къ двумъ татарамъ, не принимающимъ участія въ общемъ веселье:

Не 4дите, не пьете, не кушаете:
•Ветва вамъ не по уму, питья не по разуму,
Аль дуракъ надъ вами насмеялся,
Пьяница васъ пріобзваль?»³⁾

Шуты держались и частными людьми. Описывая придворный бытъ императрицы Анны Ioannovны, въ царствованій которой, заметимъ кстати, уніженіе человеческаго достоинства въ лице шута достигало высшихъ пределовъ, Манштейнъ свидетельствуетъ, между прочимъ, что «по древнейшему въ Россій обычаю, каждый частный человеку получающЩ хорошия доходы, имеетъ при себе по крайней мере одного шута»⁴⁾. Остатокъ обычая держать

¹⁾ Забелинъ. Дои. бытъ russ., царицъ. 416 и сл.

²⁾ Кирьевский. Шсли. II, 26.

³⁾ Рыбниковъ. Песни. IV, 93.

⁴⁾ См. , Забелина. Дом. бытъ russ., царицъ. 419,—Во многихъ russкихъ домаахъ изстари, какъ и при царскомъ дворе, держались для забавы и карлы и кап» и.?.г «Н»ть ни одного знаменитаго господина, который-бы не держаль карлика иди карлицы

для пот^{*}хи шутовъ, по словамъ Прыжева, сохранился между прочимъ въ Московскихъ, городскихъ рядахъ, гд^{*} каждый рядъ имѣть собственная шута. Такъ л^{*тъ} 25 тому назадъ в. Н. принадлежала Ноисевой линій, въ нижнемъ игольномъ ряду былъ н^{*}кій И. С., въ серебряному-же И. Е. Къ нимъ должно отнести и здороваго мужика, пребывавшаго въ гостиномъ двор^{*}, гд^{*} онъ за дв^{*}копѣки лаяль собакою, кричалъ п^{*}тухомъ, блеяль, мычаль и пр. Этого мужика любители собачьяго лая приглашали на домъ, для увеселенія своихъ женъ и домочадцевъ. Ходилъ по рядамъ еще йдіотъ, крічавшій павлиномъ. «Идетъ этотъ йдіотъ, и кричать со вс^{*}хъ сторонъ: «прокричи павлинчикомъ! прокричи павлинчикомъ!» Онъкричить, и вс^{*} выходять изъ-за прилавковъ, и см^{*}ются, и см^{*}ются вс^{*} проходяціе. Получивъ несчастное подаяніе, йдіота идетъ дальше» ¹). Такого рода шуты или дураки соотв^{*}тствуютъ западнымъ народнымъ дуракамъ (*Yolksnarr*), какъ упомянутые выше царскіе шуты—западнымъ дуракамъ придворнымъ (*Hofnarr*). — Г. Ровинскій также зам^{*}аетъ, что въ Москвѣ шутовство было еще въ полномъ ходу до посл^{*}дняго времени, въ лиц^{*}смышенаго дурака Ивана Савельича, всенародно б^{*}гавшаго на гулянь^{*} въ Подновинскомъ, декольте, въ шитомъ красномъ мундир^{*}, въ женской юбк^{*} и въ женской шляпк^{*} задомъ на передъ, и н^{*} сколькихъ другихъ мен^{*}е изв^{*}стныхъ шутовъ. Иванъ Савельичъ былъ любимцемъ старухи К. П. Толстой и многихъ московскихъ барь и барынь 1820 — 40 годовъ; онъ занимался разноскою по домамъ чая, сахара, табаку и разныхъ мелочей и прода^{*}жею ихъ въ три-дорога; всякий покупаль у него охотно, за его прибаутки и присказки. «Сына», разсказываль онъ, «хот^{*}ль я пустить по своей дорог^{*}, выгодно право; да н^{*}тъ, глупъ оказался, въ гражданскую пустиль» ²).

для хо^{*}зяїки дома», писалъ въ начале прошедшаго столітія авторъ сочиненія *<Das veraenderte Russland>*. 1721. (I, 285). Вследствие того, на праздновавшейся въ 1710 г. свадьбе царскаго карлика [Екима Волкова] съ карлицей, оказалось возможнымъ собрать, въ качестве гостей, до 72 карлковъ. Обычай держать для забавы карликовъ и карлицъ сохранялся во многихъ русскихъ домахъ, длаго не особенно богатыхъ, до средины XIX столетія. Карды и карлицы, по словамъ г. Ровинскаго, ценились на равне съ самыми дорогими зверьми и собачками. (Русс. нар. карт. IV, 332; V, 274).

¹) Прыжевъ. Нищіе на святой Руса. 1862 г. Стр. 102—103.

²) Русс. нар. карт. У, 273—274.

Выше (стр. 94) приведено свидетельство Маскъвича о томъ, что въ Москве на вечеринкахъ забавляли присутствовавшихъ плясками и кривляньями шуты (блазни), невшіе при томъ по большей части весьма безстыдныя песни. Здесь образы шутовъ и скомороховъ сливаются. На лубочныхъ картинкахъ встречаемъ изображенія пировъ, где, кроме пирующихъ, представлены еще, то шутъ, то певѣдъ съ гитарой или безъ гитары, то балалаечникъ, т. е. представители разныхъ отраслей скоморошескаго искусства. На другихъ картинкахъ изображены: скоморохъ-волынщикъ въ шутовскомъ костюме съ бубенчиками, или: шутъ, играющій на волынке, въ шутовскомъ нарядѣ, т. е. такой же скоморохъ-волынщикъ, и т. п.').

Извѣстно въ народѣ выраженіе: шутъ гороховый. Не находится ли оно въ связи съ образомъ упомянутаго выше (стр. 95 и сл.) горохового медведя, какъ одной изъ фигуръ святочнаго маскарада, т. е. окутаннаго гороховой соломой скомороха? Въ последней день масляницы въ некоторыхъ местахъ Россій взять горохового шута или соломенное чучело, похожее на ясенщину съ распущенными волосами; это называются: провожать масляницу²). Облизжете здесь горохового шута съ соломеннымъ чучеломъ свидетельствуетъ въ пользу моего предположенія о связи его съ фигурой западно-славянскаго окутаннаго гороховой соломой ряженаго («горохового медведя»).—Другое выраженіе: шутъ полосатый очевидно вызвано полосатымъ костюмомъ шутовъ-потешниковъ. Подъ изображемъ на лубочной картинкѣ шута Гоноса, между прочимъ подписано: «вкавтанъ азъ облекся полосаты»³). Какъ скоморошество (глумотворство, смехотворство, переряжаніе) считалось деломъ «бесовскимъ», «сатанинскимъ», какъ ряженые скоморохи уподоблялись «бесамъ», какъ скоморохъ вообще считался исчадіемъ чорта (см. ниясе). Такъ и шутъ, въ качестве глумца, смехотворна, въ народныхъ поговоркахъ отождествляется съ чортомъ, напр. говорятъ: «шутъ

¹⁾ Ровинскій. Рсс. пар. карт. I, 312, 3 3

²⁾ Тамъ-же: V, 218.

³⁾ Тамъ-же: IV, 311.

(вместо: «чортъ») его побери», «ну его къ шуту» (=къ порту), «допился до шутиковъ» (= до чертиковъ)*). Повторяю, что образы русскихъ шутовъ и скомороховъ неоднократно не только сближаются, но и сливаются во едино.

Старинныя скоморошныя персоны, по зам*чанію г. Ровинскаго, дошли до насъ въ двухъ типахъ: мужикъ Ерема-пакольникъ, который на масляной выл*заетъ на балаганный балконъ, вреть всякую еремелицу впопадъ и не-впопадъ, но только всегда въ риemu, глотаетъ зажженную паклю, вытягиваетъ изъ горла безконечную ленту, и постоянно пререкается и дерется съ другимъ скоморошымъ ублюдкомъ—шутомъ, выпачканнымъ въ мук* и прозваннымъ Замазкой—это итальянскій Gian Farina, т. е. Иванъ-мука.

Во глав* шутовъ или дураковъ вполн* русскаго изобр*тенія стоять прославленные въ разныхъ пов*стяхъ, п*сняхъ, былинахъ, народныхъ картинкахъ, Оома и Ерема. Оба они братья, друзья-товарищи, неудачники во вс*хъ своихъ предпр1ят1яхъ. Дурацкая,шутовская природа обоихъ неразлучныхъ братьевъ обнаруживается, какъ во вн*шнемъ вид*, такъ и въ похожденіяхъ ихъ:

Ерема быль плешивъ, а 9ома шелудивъ,
Брюхаты, пузаты, бородаты,
Носы покляпы, умомъ оба р^вны...
Ерема кривъ, а 9ома съ бѣльмомъ...

Еремей щепливъ, а вома ломливъ;
На Еремей шляпа, а на 9ома колпакъ,
Ерема въ сапогахъ, а 9ома въ чеботахъ,
Ерема въ чужомъ, а 9ома не въ своемъ.

(Изъ повести о Ерем* и Оом* по рукоп. ХУIII в.)

Или:

Ерема съ 9омой были брательнички,
Сни ладно живали, хорошо хаживали;
Ерема-то въ рогожкъ, 9ома въ торжицъ;
У нихъ бороды какъ бороны, усы какъ кнуты.

(Изъ п*сни, записанной Костомаровымъ въ Саратовской губ.)

*') Шуты и скоморохи. «Историч. Вістн.і» 1888 г., т. XXXII, стр. 463. Въ этой же статье читатель найдетъ обильная сведѣшя о шутахъ занадно-европейскихъ.

Приведу некоторые отрывки изъ только что упомянутой забавной повести о названныхъ двухъ братьяхъ:

Выли себѣ да жили два человека
Торговые люди—Ерема да бома.
Славные люди! славно живутъ!
Сладко пытуть и •бдять, носять хорошо!
У Ереме клѣть, а у 9омы изба.

Похотълось двумъ братомъ—Еремѣ съ 9омою—
Сѣти посети, позавтракай;
Ерема сѣль на лавку, а 9ома въ скамью,
Ерема ва редьку, а вома за чеснокъ,
Ерема чеснокъ лупить, а вома толчѣть,
Толко сидѣть, ничего не ѣдять,
Коя бѣда ѣсть (коли нѣть ничего?)
Вставши они, другъ другу челомъ,
(Другъ другу чelомъ) а не вѣдаютъ о чемъ.

Собрались братья въ церковь, къ обедні:

Ерема крестится, а 9ома кланяется,
Ерема въ книгу глядить, а бома поклоны устанавляетъ.
Ерема не учить, а Оома не умѣеть.

Пришелъ къ нимъ лихой пономарь съ требовашемъ денегъ на молебнъ, но денегъ у нихъ не оказалось:

Осердился на нихъ лихой пономарь,
Ерему въ шею, а Оому въ толчки,
Ерема въ двери, а Оома въ окно,
Ерема ушель въ лѣсь, а 9ома—въ соснікъ;
Стали они другъ другу говорить:
«Кого мы боимся, да одно себѣ бѣжимъ?»

Поступаютъ братья къ хозяину, осердился хозяинъ на Ерему и на вому, повторяется такое же, какъ раньше, йзбіеніе обоихъ:

Ерему били, а 9омъ не спустили,
Ерема ушель въ березнякъ, а вома—въ дубнякъ.

Сговорились братья зайцевъ и лисицъ хватать:

Ерема 9омъ говорить:
«Брате 9оме, хватай, въ кошель сажай!»
— Коя бѣда хватать, коли нѣть ничего?»

Поел* разныхъ еще неудачныхъ нохожденій,

Ерема ейль въ лодку, а 9ома въ ботникъ,
Лодка утла, а ботникъ безо дна;
Ерема поплыль, а вома не остался;
Какъ будуть опи середи рйки,
Стрѣтился имъ на рѣкѣ шатунъ;
На Ерему навалился, а бому выпрокинулъ,
Ерема (въ) водї, а 9ома на дно;
Оба упрямы, со дна не бывали,

И тако двумъ братомъ конецъ! Еремай съ Эомою,
Обиймъ дуракамъ упрямымъ, смѣхъ и позоръ».

Печальный конецъ братьевъ-дураковъ въ подписи подъ соответствующей картинкой изложенъ такъ: «Ерема опрокинулся (въ) воду, вома на дно оба упрямы содна неидутъ (.) по ерем* блины по еоме пироги а начинку выклевали воробы». — Оба «дурака» им*ютъ характеръ скомороховъ: на народныхъ картинкахъ они являются въ вид* «Оомушки музыканта и Еремы поплюханта». «Оома музыку разумееть а ерема свистать щелкать пlesать хорошо умееть. Оома толко что іграеть: а ерема глазами мигаетъ і . . . віляеть», читаемъ въ подписи подъ изображениемъ обоихъ молодцовъ. По словамъ только что приведенной, въ выдержкахъ, пов*сти о братяхъ-дуракахъ,

У Ереме гусли, а у бомы домра,..
Ерема играеть, а 9ома напиваеть ').

Мы вид*ли выше, что образъ дурака или шута (народного или придворного) неоднократно сливаются на Руси съ образомъ скомороха; такъ точно получаются въ народномъ представлениі характеръ скомороховъ и дураки Ерема съ Оомой, сд*лавшися героями народныхъ пов*стей, п*-сень и картинокъ, игривые тексты которыхъ въ свою очередь исполнены юмора и изукрашены шутками и прибаутками, несомн*нно роднящимися съ ймпровизаціями, «глумами» и «кощунами» старинныхъ см*хотворцевъ и глумсловцевъ—скомороховъ.

<) Ровнинский. Русс. нар. карт. I, 426, 437; IV, 295 о сл.; Г, 271 в сл.

гг. Скоморохи и вожаки медвідей и другихъ ученыхъ зверей.-Плясуны на канатѣ.

Къ числу наиболее любимыхъ и распространенныхъ въ старину въ Россій забавъ принадлежала потеха медвежья. Медведей, которыми такъ изобиловали обширные леса, покрывавшіе русскую землю, изстари ловили и содержали для разныхъ потешныхъ целей: забавлялись медвежьей травлей (травили пойманныхъ медведей собаками¹), иногда ягѣ травили людей медведями²), медвежьимъ боемъ (спускались для борьбы медведи между собой, чаще же боролись съ медведемъ люди)³), наконецъ—медвежьей

¹) См. у Забелина. Дом. быть русс. царіцъ. 464.—0 медвежьихъ нотехахъ упоминается въ сказаші о Ільї Колоцкомъ (въ начале XV в.), который держаль множество псовыхъ п медведей и има «веселящія и утешащія» (Древ. летописецъ. 11.416, 417). Малютка Скуратовъ держаль медведей, которыхъ травиль для потехи. Травля на медведя продолжала существовать въ Москве почти до шестидесятыхъ годовъ нашего столетія, за Рогожской заставой; на эту медвежью травлю, по словамъ г. Ровинскаго, каждое воскресенье собиралось множество народа, посмотреть, какъ «коровьяго врага» собаки треплють. (Русс. нар. карт. IV, 290: V, 231).

²) Иоаннъ Грозный, по свидетельству Гвагяни, неоднократно травиль людей медведями, и въгневъ, и въ забаву: видя иногда изъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывавъ выпускать двухъ или трехъ медведей и громко смеялся бегству, воплю устрашеныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; изупеченныхъ царь на граждала даваль имъ по золотой денге п болѣе. Это бывало большою частью въ зимнее время, когда Иоаннъ изъ дворца своего видѣлъ людей, катающихся по льду реки и пруда. (Карамзинъ. Цисторія государства россійскаго. 1843 г. т. IX, стр. 97 и прим. 322.)—Кельхъ разсказываетъ о казни, совершенной Банномъ въ 1568 г. надъ заподозренными въ йзміне. Умерщвлены были не только виновные, но и ихъ семьи, даже ихъ скотъ, собаки и проч. животныя. Два брата, служившіе палачами, не могли убить найденаго ими въ колыбели прекраснаго младенца и принесли его царю. Иоаннъ взялъ его, ласкаль и целовалъ, а затемъ закололъ его ножемъ а выбросилъ изъ окна, па съеденіе медведямъ (Kelch. Lieflandische Historia. 1695. S. 281—282), которые, следовательно, помещались подъ царскими окнами.—Слуги подражали господину. Летописецъ разсказываетъ подъ 1572 годомъ: ва Софіекой стороне, въ земщине Суббота Осетерь (тотъ самый, который въ 1571 г. набиралъ по городамъ и селамъ для царской потехи медведей и скомороховъ) биль до крови дьяка Данила Бартенева и медведемъ его драль, и въ избе дьяка было съ медведемъ; подъячіе изъ избы сверху металися вонъ изъ оконъ; ва дьяке медведь платье изодраль, и въ одномъ кафтане понесли его на подворье (См. у Соловьевъ. Ист. Росс. VII, 172.)—У Романовскаго (около 1720 г.) были ученые медведи, которые, по знаку хозяина, бросались мять врагнавшаго хозяина гостя («Русская Старина» 1872 г. Т. IV, стр. 850).

³) Изъ временъ Иоанна Грознаго и ведора Иоанновча имеемъ следуююія йзвестія- Вайлій Усовъ тешиль государя, закололь передъ нимъ медведя; Мольянновъ государя тешиль, привель медведя съ хлебомъ да съ солью въ саадаке (т. е. вооруженного лукомъ и стрелами), и съ дикимъ медведемъ своего медведя спускалъ; тешился государь на царицыны именины медведями, волками и лисицами, и медведь Глазова (охотника) ободраль. (Соловьевъ. Ист. Росс. VII, 382.)—Въ XVII столетій, при царяхъ Михаиле Оедоровичъ и Алексее Михайловиче медвежья потеха этого рода была въ полнои ходу. Имеемъ целый радъ свидетельствъ о неустрешвыхъ бойцахъ съ медведями

комедіей. Медвежья комедія заключалась въ представлешахъ, дававшихся учеными медведями, а именно: въ пляске ихъ, въ нодражаній ими разнымъ дѣйствіямъ человека, въ йсполненій разныхъ гимнастическихъ упражненій и т. п. Все это составляло, по выраясенію г. Забелина, собравшаго обильный матеріаль по всѣмъ тремъ статьямъ названной потехи,—довольно разнообразный и очень занимателій спектакль для тогдашняго общества, вполне замѣнявшій ему наше театральное зрелище. Какъ всякая игра, такъ и медвежья комедія привлекла къ себе участіе скомороховъ, сопровождавшихъ медвежьи представлениія игою на музыкальныхъ инструментахъ. По свидетельству 2-ой Новгородской летописи, въ 1571 г. въ разныхъ городахъ и селахъ набирались для царской потехи медведи и скоморохи Олеарій упоминаетъ о волынщикахъ, игравшихъ подъ пляску медведей при дворе Иоанна Грознаго²). Кроме известій о медвежьихъ потехахъ царскихъ, имеемъ разныя сведенія о томъ, что подобный забавы распространены были и въ народе, какъ въ Россій, такъ и въ Литве. Вундереръ, описывая великое княжество Литовское въ 1590 г., говоритъ, что жители его въ особенности держать много медведей, которыхъ обучаютъ играмъ, борьбе, пляскамъ, верченію мельницъ, черпанію воды, ловленію рыбы, и прибавляетъ, что и въ Москве и въ Лифляндій есть медведи, которые, подобно матросамъ, лазять вверхъ и внизъ по мачтовымъ столбамъ³). Севастьянъ Клѣновичъ (ум. 1602 г.) въ своей Роксоланій упоминаетъ, между прочимъ, о русскихъ медведчикахъ XVI вѣка и искусстве обучаемыхъ ими медведей: по его словамъ, последніе умеютъ подъ сиплый звукъ дудки (*tibia*) ударять въ тактъ въ ладони, вста-

при чёмъ неоднократно упоминается о томъ, что того или другого бойца медведь <измѣль>, или на немъ «платье ободраль», тому или другому «изѣль руку», «изѣль голову» и х. и. Оружіемъ бойцовъ служили рогатины и вилы, которыя всаживались разсвирѣпшему, поднявшемуся на задняя лпини, медведю въ грудь. (См. у Забелина. Дом. быть russ, царцъ. 467 и сл.)

¹) См. выше стр. 5. Есть подобная же грамота царя Михаила вedorовича (1619 г.), посланная имъ на северь, въ медвежью страну, которой приказывалось собирать для царской псауни собакъ и медведей. (Забелинъ. Дом. быть russ, царцъ. 462—463.)

²) Подр. опис. иутеш. въ Москв. 79.

³) Wunderer. Neise iв Moskau 1590, въ Frankfurter Archiv fur altere deutsche Literatur und Geschichte. 1812. II, S. 199.

вать (на дыбы), но приказанию вожака, съ обращеннышъ къ небу лицомъ, подражать непристойнымъ пляскамъ народной толпы и т.п. Михалонъ Литвинъ говорить, что «крестьяне, оставивъ ноле, идутъ въ шинки и нирують тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медведей увеселять себя пляскою подъ волынку»¹). По свидетельству Ригельмана, Литвики медвѣдѣй ученыхъ по городамъ водятъ и на трубахъ, при этомъ играютъ²). О медведчикахъ и ихъ вожакахъ неоднократно говорится и въ разныхъ русскихъ памятникахъ, упоминаемыхъ ниже (стр. 122). Можетъ быть и Лука Колоцкій (см. выше стр. 118, пр. 1) «веселился и утешался» не только дикими, но и учеными медведями³). Подробное перечисленіе показываемыхъ учеными медведями потешнихъ действій находимъ въ следующемъ объявленій, напечатанномъ въ Петербургскихъ Ведомостяхъ 1 іюля 1771 г. №52: «Для ізвѣстія. Го- рода Курмыша Нижегородской губерній крестьяне при- вели въ здешній городъ двухъ болынихъ медведей, а особыло одного отменной величины, которыхъ они иску- ствомъ своимъ сделали столь ручными и послушными, что многія вещи, къ немалому удивленно смотрителей, по ихъ приказанию исполняютъ, а именно: 1) вставши на дыбы присутствующимъ въ землю кланяются, и до техъ поръ не встаютъ, пока имъ приказано не будетъ; 2) по- казываютъ, какъ хмель вьется; 3) на заднихъ ногахъ тан- цу готъ; 4) подражаютъ судьямъ, какъ они сидятъ за су- дейскимъ столомъ; 5) натягиваютъ и стреляютъ, употреб- ляя палку, будто бы изъ лука; 6) борются; 7) вставши на заднія ноги и воткнувши между оныхъ палку ездятъ

См. у Веселовскаго. Розыск, въ обл. русс. дух. стих. VII. и 186.

²) Членія въ Императ. обществе исторіи и древностей Росс., при Московск. уни- перепетъ. 1847 г. Апрель: Прібавленіе къ летописному повествованія о Малой Рос- сии. 1785—1786 г., стр. 87.

³) Любовь къ ученымъ медведимъ распространена была и позже въ высшихъ сферахъ С.-Петербургскій преосвященный бенедикт Яковлевскій (1745-1750) были страстный лю- битель медведей; келейники его Каринъ обучали молодыхъ медвѣдѣй ходить на зад- нихъ лапахъ и илясать, въ платье и безъ платья, и делать разныи фигуры. Импе- ратрица Елизавета, любившая держать въ передней молодыхъ «медведковъ», отсы- лала ихъ для обучения въ Александроневскую лавру, къ преосвященному. Каринъ за-нимавшая здесь ихъ обучениемъ, доставилъ, между прочимъ, въ 1754 г въ двоуповѣд- кабинета рапортъ, что изъ двухъ присланныхъ ему медвѣжатъ онъ одного обучилъ хо- дить на заднихъ лапахъ, и даже въ платье, «а другой медвѣденокъ къ науке непоя- тень и весьма сердитъ.. (Древняя и Новая Россія». 1876. № 12 стр 418-419)

такъ, какъ малые робята; 8) берутъ палку на плечо, и съ оною маршируютъ, подражая учащимся ружьемъ солдатамъ; 9) задними ногами перебрасываются черезъ цепь; 10) ходять какъ карлы и престарилыя, и какъ хромыя ногу таскаютъ; 11) какъ лежанка безъ рукъ и безъ ногъ лежить и одну голову показываете; 12) какъ сельскія дѣвки смотрятся въ зеркало и прикрываются отъ своихъ жениховъ; 13) какъ малыя робята горохъ крадутъ и ползаютъ, где сухо, на брюхе, а где мокро, на коленяхъ, выкравши-же валяются; 14) показываютъ какъ мать детей родныхъ холите, и какъ мачиха пасынковъ убираете; 15) какъ жена милова мужа приглубливаете; 16) порохъ изъ глазу вычищаются съ удивительною бережливостью; 17) съ неменьшею осторожностью и табакъ у хозяина изъ за губы вынимаютъ; 18) какъ теща зятя подчиваля, блины пекла и угоравши повалилась; 19) допускаютъ каждого на себя садиться и Ездить безъ малшаго сопротивленія; 20) кто похочеть, подаютъ тотчасъ лапу; 21) подаютъ шляпу хозяину, и барабанъ, когда козой играеть; 22) кто поднесетъ пиво или вино, съ учтивостью принимаютъ и выпивши посуду назадъ отдавая кланяются. Хозяинъ при каждомъ изъ вышеупомянутыхъ дѣствій сказываете замысловатыя смѣшныя приговорки, которыя тѣмъ йріятнее, чѣмъ больше сельской простоты въ себе заключаютъ. Не столько вещь сія была смотренія достойна, ежели-бъ сій дѣкіе и въ протчемъ необуздаемые звери были лишены техъ природныхъ своихъ орудій, коими они людямъ страхъ и вредъ наносять; напротивъ того не обрублены у нихъ лапы, таксѣ и зубы не выбиты, какъ то обыкновенно при таковыхъ случаяхъ бываетъ». (Следуете обозначеніе времени и места представленія и платы за места). Въ 21 пункте только что приведенного документа, находимъ связь съ известнымъ маскараднымъ сочеташемъ фигуры медведя и козы, на которое указано было мною выше (стр. 97); въ этомъ проявляется и воспоминаніе о связи медвежьей комедій съ игрою скомороховъ. Действительно, кроме вышеприведенныхъ свидетельствъ о набираній медведей и скомороховъ для царскаго двора, обь игре во-лынниковъ подъ пляски медведей, обь игре на трубахъ при

представленій ученыхъ медведей, древній обычай водить для потехи толпы ученыхъ медведей подтверждается еще следующими свидѣтельствами, сводящимися къ запрещению, пзложеиенному въ прав. 61-мъ Трулльскаго собора. Кормчая книга по списку 1282 г. осуждаете «влачащая медведи¹⁾). Домострой называетъ медведей въ числе бого-мерзкихъ дель, рядомъ съ песнями, плясаніемъ, гудешемъ и пр.²⁾. Стоглавъ порицааетъ «кормящихъ и хранящихъ медведи... на глумленіе³⁾). Митрополитъ Даншль ратуетъ противъ «водящихъ медведи»⁴⁾). Протопопъ Аввакумъ разсказываетъ о встреченыхъ имъ «плясовыхъ медведяхъ съ бубнами и домрами и харяхъ» (маскахъ⁵⁾); Олеарій упоминаетъ о комедіантахъ-кукольникахъ, сопровождающихъ воясаковъ медведей⁶⁾); въ царской грамоте 1648 г. порицаются те, кто «медведи водятъ»⁷⁾, а другая грамота царя Алексея Михайловича того-Нте года ополчается противъ игрецовъ бесовскихъ скомороховъ, ходящихъ «съ домрами и съ медведи»⁸⁾). Въ старинной рукописи 1656 г. говорится о веселыхъ гуляющихъ людяхъ и ихъ медведе⁹⁾). Авторъ описанія Московій (въ конце XVII в.) сравниваетъ смешныя, по его выраженію, пляски русскихъ съ пляскою ученыхъ русскихъ медведей и отдаетъ предпочтеніе последнимъ¹⁰⁾). Русскіе медведчики заходили уже въ XVI веке (если не раньше) на западъ: въ Германію, а можетъ быть и далее¹¹⁾.

«Приходъ воягака съ медведемъ—пишетъ г. Ровинскій—еще очень недавно составлялъ эпоху въ деревенской заглушной жизни: все бежало къ нему на встречу,—

¹⁾) Буслаевъ. Историческая христомат. 1861 г. Стр. 381

²⁾) Гл. 8, стр. 16.

³⁾) Гл. 93.

⁴⁾) Пам. стар. русск. лит. IV, 201.

⁵⁾) Тиховравовъ. Літ. русск. лит. и древ. I, 124.

⁶⁾) Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.

⁷⁾) Ивановъ. Овис. госуд. арх. 269 и сл.—Ср. акт. истор. (арх. комм.) IV № 35

⁸⁾) Сахаровъ. Сказ. русск. вар. II, гл. 99.

⁹⁾) См. ниже, гл. 3.

¹⁰⁾) Voyages hist. de l'Europe. VII, 35.

Д СР - Веселовскій. Розыск, въ обл. русск. дух. стих. VII. и. 184 и сл.: Аристо (Orl. tur. c. XI, st. 49) сравниваетъ горделивое презрініе Роланда къ обступившимъ его врагамъ, съ невозмутимостью медведя, водимаго русскими или литовскими поводырями, когда на него лашть собачелки.

и старый и малый... Представлениe производится обыкновенно на небольшой лужайк*; вожакъ—коренастый пошехонецъ; у него къ поясу привязанъ барабанъ; помощникъ—коза, мальчикъ л*тъ дёсяти-дв*надцати, и наконецъ главный актеръ — Ярославскій медв*дь Михайло Иванычъ, съ подпиленными зубами и кольцемъ, прод*тымъ сквозь ноздри; къ кольцу приделана ц*пь, за которую воясакъ и водить Михайлу Иваныча; если же Михайло Иванычъ очень «дурашливъ», то ему, для опаски, выкальваютъ и «гляд*лки».

— «Иутка, Мишенъка», начинаетъ вожакъ: «поклонись честнымъ господамъ, да покаяш-ка свою науку, чему въ школ* тебя пономарь училъ, какимъ разумомъ наградила И какъ красныя д*вицы, молодицы, б*лятся, румянятся, въ зеркальце смотрятся, прихарашиваются». — Миша садится на землю, третъ себ* одной лапой морду, а другой вертить передъ рымомъ кукишъ,—это значить девица въ зеркало смотрится.

—• «А какъ, Миша, малая д*ти лазять горохъ воровать». — Миша ползеть на брюх* въ сторону.

— «А какъ бабушка Еро*евна блины на масляной печь собралась, блиновъ не напекла, только со сл*пу руки сожгла, да отъ дровъ угор*ла. Ахъ блинцы, блины!» — Мишка лижетъ себ* лапу, мотаетъ головой, и охаетъ.

—• «А ну-ка, Михайло Иванычъ, представьте, какъ попъ Мартынъ къ заутрени не сп*ша идетъ, на костыль упирается, тихо впередъ подвигается; -и какъ попъ Мартынъ отъ заутрени домой гонить, что и попадья его не догонить. (Или же: «А какъ бабы на барскую работу не сп*ша бредутъ? — Мишенъка едва передвигаетъ лапу за лапой. «И какъ бабы съ барской работы домой б*гутъ?» — Мишенъка принимается шагать въ сторону.) «И какъ старый Терентьевичъ изъ избы въ с*ни пробирается, къ молодой снох* подбирается», — Михайло Иванычъ семенить и путается ногами. — «И какъ барыня съ бабъ въ корзинку тальки да яйца собираетъ, складываетъ, а баринъ все на д*вичною работу посматриваете, не чисто-де лень прядутъ, ухмыляется, знать до Паранькинова льна добирается». — Михайло Иванычъ ходите кругомъ вожака, и треплете его за гашникъ.

— «А ну-те, Мишенька, представьте, какъ толстая купчиха оть Николы на Пупышахъ, напившись, нажравшись, какъ налитой к...ъ сидпть, мало говорить; черезъ слово рыгнете, черезъ два»—Мишенька садится на землю и стонеть. (Записано на самомъ представлены, которое въ натур* бывало несравненно скромнее).»

«Зат'мъ — продолжаете г. Ровинскій—вожакъ пристраиваете барабань, а мальчикъ его устраиваете изъ себя козу, т. е. над*ваете на голову м*пгокъ, сквозь который, вверху, проткнута палка съ козлиной головой и ронжами. Къ голов* этой придаст*ланъ деревянный языкъ, оть хлопанья которого происходит страшный шумъ. Потомъ начинаете выбивать дробь (отсюда произошло и бранное название: «ахъ ты отставной козы барабанщикъ»), дергаете медв*дя за кольце, а коза выплясываете около Михайла Иваныча трепака, клюетъ его деревяннымъ языкомъ и дразните; Михайло Иванычъ б*сится, рычите, вытягивается во весь росте, и кружится на заднихъ лапахъ около вожака,— это значитъ: онъ танцуете Поел* такой неуклюжей пляски вожакъ даете ему въ руки шляпу и Михайло Иванычъ обходите съ нею честную публику, которая бросаете туда свои гроши и коп*йки. Кром* того и Миш* и воясаку подносится по рюмк* водки, до которой Миша большой охотникъ; если же хозяева тароватые, то къ представлению прибавляется еще д*йствіе: вожакъ ослабляете Мишину ц*пь, со словами: «а ну-ка, Миша, давай поборемся», схватываете его подъ силки, и происходите борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, такъ что вожаку иногда приходится и самому представлять, «какъ малая д*ти горохъ воруютъ»—и хорошо еще, если опь отд*лается при этомъ одними помятыми боками, безъ переломовъ».

Описанное представление обнаруживаетъ большое сходство репертуара медв*жьей комедіи XIX стол*тія съ репертуаромъ XVIII в*ка, въ подробности изложенному въ 22 нумерахъ вышеприведенного объявления изъ Петербургскихъ В*домостей 1771 года, въ свою очередь сходномъ съ репертуаромъ XVI (см. выше стр. 119—120), в*-роятно и еще бол*е раннихъ стол*тій. Г. Ровинскій продолжаете свой разсказъ:

«Клеплють еще на Михайлу Иваныча, будто онъ до бабъ охотникъ, и на этотъ предметъ даже скоромная картина сочинена; но бабы говорять, что это вздоръ положительно;—а вотъ какое повѣрье на самомъ дѣлѣ записано въ одномъ Румянцевскомъ сборнике!; 1754 г.: «тяжелыя де бабы, для приматы, даютъ изъ своихъ рукъ медведю хлѣбъ; если онъ при этомъ рыкнетъ — то рождается девочка, а если возьметъ молча — то будетъ мальчикъ».

Нельзя не заметить въ этомъ повѣрье связи съ приведенной выше (стр. 95—96) русской святочной піснѣ о «медвѣдѣ пыхтунѣ», предвѣщающемъ свадьбу, а равно и съ западно-славянской маскарадной святочной же фігурой «горохового медведя», обязательно пляшущаго со всішъ женщинами и девушками, способствуя тѣшѣ плодородію въ домѣ.

«Обыкновенно медвѣжья компания ходитъ только втрѣмъ», продолжаетъ г. Ровинскій: «вожакъ, медведь — Михайло Иванычъ и коза; но бываетъ, что, изъ финансовыхъ соображеній, два вожака соединяются вмѣстѣ: одинъ съ Михайломъ Иванычемъ, а другой съ Марьей Ивановной (медведицей), и берутъ съ собой только одну козу»¹).

Музыкальный элемента въ описанномъ представленій ограничивается звуками барабана, но въ старину, какъ видно изъ приведенныхъ раньше свидѣтельствъ, медведи исполняли свои пляски подъ звуки волынки или трубы; медведей сопровождали скоморохи съ домрами и дудами, или съ домрами и съ бубнами, также комедіанты кукольники, въ свою очередь сопровождавшіеся игроками на гусяхъ и гудкѣ. Словомъ въ старину, именно въ XVII вѣкѣ, медвѣжья комедія входила въ составъ скоморошескихъ по-тѣхъ. О такой бродячей ватаѣ скомороховъ съ двумя медведями говорить, безъ сомнѣнія, протопоинъ Аввакумъ, разсказывая про одно изъ своихъ злополучныхъ приключений: «Прійдоша въ село мое — пишетъ онъ — плясовые медведи съ бубнами и съ домрами, и я грішникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изло-

«) Русс. нар. карт. V. 227-230.

ыаль на пол* единъ у многихъ, медведей двухъ великихъ отняль—одного ушнбъ и паки ожилъ, а другаго отпустиль въ поле» *).

Ером* ученыхъ медведей, народные поташники выводили и другихъ ученыхъ зверей: представлениа эти благочестивыми людьми признавались столь ясне соблазнительными, греховными, какъ и прочія скоморошескія игры: «Иже медведи водяіція и ини животны игры на пакость слабымъ» читаемъ въ пандектахъ Никона Черногорца ²⁾. «Еормящеи и хранящей медведи, или иная некая животная на глумленіе и на прелыщеніе простейшихъ чловекъ», говорится въ Стоглавѣ ³⁾. «Тацемъ же запрещешемъ покорити подобаетъ и водящихъ медведи или иныя некія таковыя животныя на йграніе и вредъ простейшимъ» говорить митрополит Данійль⁴⁾. Въ вышеупомянутой грамоте царя Алексея Михайловича (1648 г.) по-рицаются те, кто «медведи водять и съ собаками пляшуть» и предписывается, чтобы «медведей (не водили) и съ сучками не плясали». Не заключаете ли ниже-следующая песня изъ Мензелинского уезда востномайнанія о потешнике-скоморохе, въ лице крысинаго господина, выходящаго на канате и обращающаюся къ толпе съ разными скоморошими шутками и прибаутками: у кабака, по словамъ песни, находится яма, покрытая соломой, въ яме завелись крысы и мыши, ймеюція своего господина—плясунна на канате; невольно задаемъ себе вопросъ, не были ли это ученыя крысы и мыши, которыхъ выводилъ и показывалъ скоморохъ—канатный плясунъ?

А крысиныи господинъ по канату выходиль,
По канату выходиль, съ стариками говориль:
Ахъ вы стари старики, міроіды мужики,
Юроды мужики, воры ябедники,

) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 124.—Къ числу уномнутыхъ здісь харь (— маска надеваемыхъ на голову, ср. выше стр. 85) принадлежала вероятно козлинная или козья голова, украшавшая спутника медвідей, козу.

²⁾ У Срезневскаго. Свід. и зам. LV, 267.

³⁾ Гл. 93.—Ср. Сходныя слова Кормчей по списку 1282 г.: «Влачаща медвідй или таковыя животы нїкаки на руганіс и въ родъ (=вредъ?) простейшими ГВт слаевъ. Истор. христ. 381).

⁴⁾ Паи. стар. русс. лит. IV, 201.

У васъ бороды сѣдые, глаза сѣрые, большіе,
Глаза сѣрые, большіе, брови черныя, густыя.
Вы не хлопайте глазами, не тряслите бородами...

Приведенная песня говорить о плясупѣ на канат!.. Танцованиѣ на канате также прииадлежитъ къ числу скоморошескихъ пот'хъ. Свід-Ьнія о канатныхъ пляунахъ русскихъ очень скудны, да ихъ вероятно въ старину и не было, пока не принесли съ собою въ Россію это искусство немцы въ XVII стол'тьш²). Известно, что въ 1629 г. явился къ царскому двору пот'шникъ н'Бмецъ, искусствникъ на все руки, подъ именемъ Ивана Семенова (вероятно перекрещенецъ). По обычному правилу Московскаго двора, требовать отъ каждого заизжаго искусствника немца, чтобы онъ выучилъ учениковъ своему художеству, и Иванъ Семеновъ обязанъ былъ обучать русскихъ людей: въ 1637 г. его пожаловалъ царь камкой и сукномъ «зато что онъ выучилъ по канату ходить и танцовывать и всякимъ пот'зхамъ, чemu онъ самъ умѣеть, бчелов'къ, да по барабанамъ выучилъ бить 24 человека». Кроме того онъ т'шиль государя и соколами и въ домашнихъ забавахъ возился съ государственными дураками и шутами³). «Крысиный господинъ» только что приведенной песни изъ Мензелинского уѣзда «по канату выходиль», т. е. былъ канатнымъ плясуномъ. Маскевичъ въ дневнике своемъ подъ 1611 г. сравниваетъ пляски русскихъ «блазней» намосковскихъ вечеринкахъ съ кривляніями канатныхъ фигляровъ (ср. выше стр. 94). Авторъ описанія Русскаго Государства въ половинѣ XVII в'ка (см. ниже гл. 5, г.) называетъ канатныхъ плясуновъ въ числе «дурныхъ словий людей».

¹) Пальчиковъ. Крест, пес. 106.

²) Въ Лифляндской хроникѣ Рюесова разсказывается, въ виде необыкновенной диковины, о появленіи въ Ревеле и другихъ Лифляндскихъ городахъ въ 1547 г. толпы итальянскихъ фигляровъ (Gockelers = Gaukler) — канатныхъ плясуновъ. Необыкновенное представление, дававшееся ими нанатянутомъ канате, на большой высотѣ, по словамъ автора, привлекло въ Ревеле всехъ жителей города, и смотреть на это зрелище, было очень страшно. (Chronica d. ProYintz Lyffland durch Balthasar Riisowen (1577), въ Script. reg. Livon. II, 38).

³) Забелинъ. Дом. быть русс, царицъ. 445 и сл.

Мы разсмотрѣли главігMшія изъ разнообразныхъ по-
т*шныхъ дMствій, входившихъ въ репертуаръ скомороше-
скихъ игръ и иозоровъ. Вс* поименованные виды скомо-
рошества, смотря по большей или меньшей разносторонно-
сти дарованія, могли въ большей или меньшей степени со-
средоточиваться и въ одномъ лиц*. И въ этомъ отноше-
ній В*роятно скоморохи сходствовали съ близко родствен-
ными имъ западно-европейскими жонглёрами, д*ятельность
которыхъ отличалась зам*чательною разносторонностью. По
словамъ одного провансальского памятника, ясонглёръ дол-
женъ ум*ть играть на разныхъ инструментахъ, верт*ть
на двухъ ножахъ мячи, перебрасывая ихъ съ одного острія
на другое; показывать маріонеткій, прыгать черезъ четыре
кольца; завести себ* рыжую приставную бороду и соотв*т-
ствуюї костюмъ, чтобы рядиться и пугать дураковъ; при-
учить собаку стоять на заднихъ лапкахъ; знать искусство
вожака обезьянъ; возбуждать см*хъ зрителей пот*шнымъ
изображеніемъ челов*ческихъ слабостей; б*гать и скакать
наверевк*, протянутой отъ одной башни къ другой и т. п.¹).
Разум*ется, соединеніе въ одномъ лиц* вс*хъ перечислен-
ныхъ искусствъ было р*дкостью. Изъ старинныхъ сочиненій
видно, что толпы ясонглёровъ разд*ляли между со-
бою трудъ: одинъ игралъ на одномъ инструмент*, другой
на другомъ, третій на третьемъ, одинъ говорилъ, другой
и*ль. Изгнанные Филиппомъ Августомъ изъ Франції жонг-
лёры, вскор* за т*мъ возвратились и въ 1331 г. образо-
вали общество менетріё (*menetriers*) съ королемъ во гла-
в*. Общество это д*лилось на четыре категоріи: къ пер-
вой принадлежали сочинители романовъ, сказокъ (*fabliau*),
н*сень и пр., ко второй—декламаторы сочиненій труве-
ровъ, къ третьей—музыканты-игрецы и п*вцы. и нако-
нецъ къ четвертой, наибол*е многочисленной,—фокусники,
фигляры, воягаки ученыхъ зв*рей²). Мы можемъ со-
ставить себ* довольно ясное понятіе о среднев*ковыхъ за-
падныхъ иот*шникахъ последней категоріи по современ-
нымъ намъ клоунамъ, паясамъ-гимнастамъ, преемникамъ
ジョンглёръ, нын* нріотившимся въ циркахъ, гд* они, од*-

¹) Веселовскій. Розыск, въ обл. russ. дух. стих. VII. л 156—157

²) Fétis. Histoire generale de la rausique. V, p. 22, 23—24.

тые въ шутовскіе костюмы, съ лицами, чудовищно раскрашенными или покрытыми личинами, нродК;шаютъ передъ публикой разнообразный репертуаръ свой, соединяя, подобно веселымъ своимъ праотцамъ, виртуозную ловкость въ разныхъ отрасляхъ своей деятельности съ площадными шутками и выходками, расчитанными на усиѣхъ среди народной толпы.—Уступая вероятно въ ловкости и виртуозности западно-европейскимъ собратьямъ своимъ, жонглёрамъ, русскіе скоморохи несомненно превосходили ихъ въ грубости и цинизме своихъ игръ и представлений. Расхаживая по деревнямъ, селамъ и городамъ многочисленными толпами (получавшими иногда, какъ будетъ указано ниже [стр. 142], характеръ вражескихъ нашествій), появляясь передъ народомъ «со всякими играми» (ср. свидетельство Нестора о трубахъ, скоморохахъ, гусяхъ и русаліяхъ, о сходищахъ «на плясанье и на вся бесовская игрища» [стр. 79], слова народной песни: «скоморохи воиль идутъ—всяки игры несутъ» [стр. 69]. уномынанія въ разныхъ поучешяхъ грамотахъ о пляскахъ, песняхъ и всякихъ бёсовскихъ играхъ скомороховъ и т. п.), скоморохи, разумеется, распределяли соответствующей трудъ между различными членами своихъ ватагъ; это, конечно, доляшо было вести, какъ и у западныхъ жонглёровъ, къ известной специализациі труда, не исключавшей, однако, возможности соединенія и въ одномъ лице, въ одномъ члене ватаги, разныхъ отраслей скоморошеской мудрости.

дд. Скоморохи—кудесники, знахари.

Понятіе о скоморохахъ, искусствникахъ на все руки, представителяхъ бесовскихъ потехъ, сатанинскихъ игръ, играющихъ на бесовскихъ музыкальныхъ орудіяхъ,—о скоморохахъ—слугахъ йлійскладій дьявола, обреченныхъ въ будущей жизни на вечный плачъ и вечные страданія въ аду (см. ниже гл. 5, в.)—сближается съ понятаемъ о бесовской же силе колдовства, чарованія, знахарства. Святочные ряженіе, стоящіе въ ближайшей связи со скоморошествомъ, называются въ Новгородской губерній не только окрутника-

ми, но и кудесниками, а въ Кирилловскомъ уезде—кудесами. На церковно-славянскомъ языке коудесь, коудесьникъ значить п[^]из.чаровникъ, волхвъ; древнерусское кудъ — *incantatio* (очарование, волшество), *diabolus*; русское окуда. окудникъ (Рязанскойгуб.)=колдунъ, волхвъ, проказникъ; кудесить=колдовать, ворожить; кудесы—чары¹). Сбліженіе скомороха - гусельника и -ибѣца съ волхвомъ. кудесникомъ или знахаремъ могло произойти въ народномъ представлениі подъ вліяніемъ востномайнанія о древнѣй связи понятій о поэзії, знаній, колдовстве: Боянъ-гусельникъ называется въ Словѣ о полку Игоревѣ* вѣщимъ, т. е. вѣдуномъ, знающимъ, мудрымъ, знахаремъ, чародіемъ²). Въ связи съ такимъ представлениемъ о гуслярахъ, у поляковъ *guśla* значить колдовство и скоморошество, *guślarstwo* = колдовство и фиглярство, *guślisz* = колдовать и фиглярить (скоморошничать). Вѣдунъ, знахарь, чародей, владея мудростью, знаніемъ, чарами, по народному представлению, властенъ и изгонять, т. е. излечивать недуги, уговаривать болезни. Взглядъ народа на скомороховъ, какъ на волшебниковъ или знахарей, отражается въ некоторыхъ пересказахъ былины о Госте Терентьевѣ. Герой былины обращается къ встретившимся ему «веселымъ молодцамъ» (скоморохамъ) за помощью противъ женина тяжкаго недуга, т. е. какъ къ знахарямъ:

У меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она съ вечера трудна, больна,
Съ полуночи недулсна вся,—
Расходился недугъ въ голова,
Разыгрался ут'инъ въ хребт'ѣ,
Пустился недугъ къ сердцу...
А кто бы-де недугамъ пособиль,
Кто недуги бы прочь отгониль,
Отъ моей молодой жены
Отъ Авдотьи Ивановны,
Тому дамъ денегъ сто рублей
Безъ единяя денежки.

¹) Весоловскій. Розыск, въ обл. russ. дух. стих. VII. п. 208.

²) Ср. Буслаевъ. Русская поэзия XI и начала ХII вѣка, въ Лт russ. лит.,
древ. Тихонравова. I, 2C.

«Веселые» берутся вылечить Авдотью, и Терентьище дает имъ сто рублей*). Въ другомъ пересказе той же былины Терентьище прямо приветствует скомороховъ, какъ ухаживателей, уговаривателей недуговъ, знатоковъ скорбямъ, т. е. болезнямъ, словомъ, какъ знахарей:

Вы много по земль ходокй,
Вы много всіимъ скорбямъ знатоки,
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете²⁾.

Съ другой стороны естественно отождествленіе слугъ дьявола, каковыми являлись скоморохи (см. ниже), съ волхвами, чародеями, ведунами. Въ одномъ рукописномъ сборнике скоморохи и свирельники именуются волхвами бесовыми, слугами антихристовыми³⁾.

Чудодейственная сила, которую народное представление приписывало скоморохамъ, обнаруживается и въ неприменномъ, постоянномъ участій ихъ въ старину въ свадебныхъ торжествахъ. Выше (стр. 19) указано было на то, что у Велоруссовъ игрецъ-дударь заменяете у невесты-сироты родителей, словомъ является какъ бы ея покровителемъ, охранителемъ. Онъ отпускаете сироту-невесту въ спальню съ молодымъ мужемъ, при чемъ между молодой и дударемъ происходит следуюцій разговоръ:

НЕВ'БСТА.

Дударенку, господаренку,
Да ужу жъ мене заручали.

ДУДАРЬ.

Ня бой ся, нябога (=бѣдная),
Ня будзидьничога!
Я за тобою,
Дуль! дуль! зъ дудою.

Игра скомороха «съ села до села», во время свадебнаго поезда, обезпечиваетъ постоянное веселье, т. е. ра-

) И. Данилов*. Древ. росс. стих. 11.

²⁾ Кіріевскій. Песни. УП, 49.

³⁾ Аеавасьевъ. Поэт, возр. I, 344—345.

дость, счастье нев^{*}сты (ср. выше стр. 19). Въ чешской п^{*}сн^{*} девушка молить Бога, чтобы «дударь» взялъ ее къ себ^{*} въ услуженіе и «задудаль ей» вероятно свадебное благословеніе, или по крайней м^{*}р^{*} наиграль бы ей счастье:

Kdyby ště to Pan Buli dal, Aby si tpe dudak wzal! Dudy bych mu nosila, Chleba bych mu prosila; Kdyby ště Pan Buh dal, Aby mne ge'n zadudal ').	Кабы даль мні Господь Богъ, Чтобы взята меня дударь! Иосижа бы ему дуду, Просила бы ему хлѣба; Кабы даль мні Господь Богъ, Чтобы онъ мнъ задудаль!
---	---

Дударь, т. е. йграюцій на дуд^{*} скоморохъ, является въ данныхъ случаяхъ въроли чаюдея, кудесника, волхва. Въ Мозырскомъ у^{*}зд^{*} Минской губ., составляющемъ часть западно-русскаго Полесья, гд^{*} еще сохраняются въ народ^{*} многія древнія вірованія или суев^{*}рія, въ другихъ м^{*}стахъ уже исчезнувшія, крепко в^{*}рятъ еще, между прочимъ, въ Знахарей-вовкалакъ: «вовкалака» значить оборотень—т. е. челов^{*}къ, превращенный въ волка насильно или по своему желанію, самъ собою. Знахари-вовкалаки, какъ и вообще знахари, по народному в^{*}рованію, находятся въ связи съ нечистымъ духомъ, которому продаютъ свою душу и за то и получаютъ власть превращать людей въ волковъ и опять возвращать ихъ въ человеческое состояніе; знахари-вовкалаки—люди не простые, но какъ будто составляютъ касту высшихъ существъ. Въ составъ этой касты входятъ: мельники, пастухи и дудари, т. е. играюнцы на дуд^{*}, также п^{*}сельники, сказочники²). Прибавлю еще, что, какъ упомянуто было уже выше (стр. 52), бахарь, ближайшій преемникъ скомороховъ, уБ^{*}лоруссовъ значить не только баятель, балагуръ, шутъ, но и в^{*}дунъ.

¹) Си. у Беляева. О скоморохахъ. 74—75.

²) Шпилевскій. Мозырщина, въ Архиве истории и практич. сведеній щихся Ю Россіи, изд. Калачевынъ. 1859. III, стр. 'i, 5.

Р ' л а в а т р е т ь / i ,

Скоморохи—люди прохожіе, голыши, пьяницы,—
Скоморохт. побФждаеть жида - философа — Скоморохи — проказники, воры, грабители. (Волочебники. Еолядовщики.)

Указанная разносторонность деятельности скомороховъ понятна, если принять въ соображение, что они, какъ люди прохожіе, бродячіе, снискивая себѣ пропитаніе своимъ искусствомъ!, должны были всякими способами подлаживаться подъ вкусы поддерявшавшей своими подаяніямъ существованіе ихъ, награждавшай ихъ толпы, которую они и потешали музыкой, пляскою, песнями, шутками и прибаутками, маскарадами, фарсами, кукольными комедіямъ, всякаго рода фиглярствомъ и, наконецъ, показываніемъ учныхъ зверей. Выше приведены слова былины, въ которыхъ Добрыня, одетый скоморохомъ, приветствується Владыміромъ княземъ, какъ «детина нріезжая, скоморошная, гусельная». Въ другомъ пересказе Владыміръ спрашиваетъ Добрыню• скомороха:

«Ай же ты, молодецъ, съ какой земли, съ какой орды?» ').

Въ былине о Госте Терентьище герою ея попадается на встречу за городомъ толпа очевидно бродячихъ скомороховъ:

«А и бродишь по чисту ПОЛЮ,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».

') Гильфердингъ. Онеж. был. 136.

Такими словами прив^{*}тствуютъ Терентьища встретившіе его въ иол^{*} скоморохи. Онъ лее самъ обращается къ нимъ, какъ къ бродячимъ, прохоя!имъ людямъ, со словами:

Вы много по землї ходоки ¹⁾.

• Въ плясовой п^{*}си^{*} р^{*}чь идетъ о двухъ проходящихъ по лужечку, какъ бы странствующихъ «веселыхъ молодцахъ»: они ср^{*}зываютъ съ ракиты по пруточку и д^{*}-лаютъ себ^{*} по гудочку ²⁾. Въ упомянутой выше (стр. 3) п^{*}си^{*} «о Веселыхъ», они изображаются бездомными, расхаживающими по улицамъ со своими инструментами и разеуждающими о томъ, гд^{*} бы имъ найдти ночлегъ:

Веселые по улицамъ похаживаютъ
Гудки и волыпки понашаиваютъ,
Промежду собой веселы разговариваютъ:
«А гдѣ же веселымъ будеть спать ночевать?»

Выше (стр. 32—33) указано было мною на то, что скоморохи, въ качествѣ^{*} прог^{*}жихъ издалека людей, въ п'оняхъ своихъ описывали не только заморскія страны, но рассказывали и о собственныхъ своихъ разъ^{*}здахъ и похождешахъ, чтб также намекаетъ на кочевую, скитальческую ихъ жизнь. Въ упомянутой выше (стр. 75) плясовой белорусской п^{*}си^{*} дударь восхваляетъ свою сломанную дуду, которая веселила его на чужой сторон^{*}, т. е. опять во время его скитанія по чужбин^{*}. Позднѣмшія свидѣтельства упоминаютъ о скоморохахъ, какъ «прохожихъ», «гуляющихъ» людяхъ, скитающихся бол^{*}е или мен^{*}е многочисленными толпами, п^{*}шкомъ или на возахъ, по дорогамъ и деревнямъ. Въ приговорной грамотѣ монастырского собора Троицкой лавры (1555 г.) запрещается пускать въ волость «прохожихъ скомороховъ» ³⁾). Ср. ниже свидетельство Стоглава о толпахъ скомороховъ въ 60 до 100 челов^{*}къ, расхаживавшихъ «по дальнимъ странамъ» по деревнямъ

¹⁾ Киріекскій. Пісні. VII, 49. Ср. выше стр. 131.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. russ. нар. I, ш, 87. — Ср. Б4ляевъ. О скоморохахъ 73

Ср. выше стр. 72.

³⁾ Акт. (арх. эксп.) I, Л5 244.

и наносившихъ болыпіе убытки ихъ жителямъ. По словамъ старинной рукописи 164 г. (=1656 г.) «съ веселыхъ гуляющихъ людей (сл4дуется поименование ихъ) с осми челов^къ взято головщины (пошлины съ головы) пять алтынъ две денги, да полозоваго (т. е. пошлины съ возвозъ) взято два алтына, да съ медведя ихъ взято четыре алтына»¹), т. е. брались поборы со скомороховъ, какъ съ прохожихъ людей.

Олеарій упоминаетъ о русскихъ странствующихъ комедіантахъ, исиолнявшихъ непристойныя пляски, т. е. о странствующихъ скоморохахъ-плясунахъ; онъ леє говорить и о странствующихъ русскихъ игрецахъ (Bierfidler)². Накартинкѣ, иллюстрирующей эти слова нѣмецкаго оригинала, изобразкены два музыканта: гудочникъ и гусельникъ, играюще на своихъ инструментахъ. Русская пословица такъ охарактеризовала бездомнаго скомороха: «Скоморохъ хоть голось на дудке и настроить, а яітья своего не установить»³).

Соответственно скитальческому образу жизни скомороховъ, и все имущество ихъ обыкновенно состояло лишь изъ носимыхъ ими при себе музикальныхъ орудій и другихъ атрибутовъ, необходимыхъ для даваемыхъ ими представлений. Мы видели выше (стр. 7), что у гусельника Садка «имущества не было»:

Одни были гусли яровчаты.

Русская поговорка: «радъ скомрахъ о своихъ домрахъ», можетъ быть, выражаетъ ту же мысль, что домры—единственное имущество скомороха. Подтверждешемъ тому моясеть служить песня, сохранившаяся въ Орловской губерній, где скоморохъ хвалится своимъ имешемъ—скрипкой и гудкомъ:

Сватался за Катиньку изъ деревни скоморохъ,
Сказываль онъ Катинькъ про ймінне про свое:
«Есть у меня, Катинька, и скрипка и гудокъ»⁴)

¹ О Нав. Ими. Арх. Общ. VI, 67—68.

²) Подроб. опис. путеш. въ Московію. 178.

³) См. у Беляева. О скоморохахъ. 87.

⁴) Тамъ же: 88.

По словамъ другой ы-Бсни,

Сватался на Дунюшкъ веселый скоморохъ,
Сказывалъ житья-бытья: свирѣль да гудокъ ¹).

«Гудки да рожекъ—все наше богатство»: такъ охарактеризовали свой бытъ сами скоморохи ²).

Кочевая, бродяжническая яшнь, непрерывное глумо-творство, нграніе, пѣніе и плясаніе на пирахъ и праздникахъ естественно вели къ разгулу и пьянству, о которомъ упоминаютъ современный свидетельства: «сзывающе нікы скаредныя пьяница» (т. е. скомороховъ), писаль митрополита Кирилль (XIII в., ср. выше стр. 80). Въ слове о вере христіанской и жидовской главную роль играетъ «скоморохъ піянйца голышъ кабацкій» ³). Выше (стр. 82) приведено было сетованіе царя Алексея Михайловича на умноженіе въ народе пьянства, рядомъ съ которымъ упоминается и «скоморошество». Газумеется, отъ народа не отставали и скоморохи, которые не только бывали угожаемы слушателями и зрителями, но, но свидетельству Стоглава, даже насильно ели и нили въ деревняхъ (см. ниже стр. 142). Вино умножало веселье удалыхъ скомороховъ. На свадьбе Добрыниной жены и Алеши Поповича

Нацяли гудосьниковъ удабривать,
И виномъ то ихъ стали напаивать ⁴).

Добрыня, въ роли скомороха, на томъ же свадебномъ пиру обращается къ новобрачной Настасье Микуличнѣ со словами:

«Поднеси-тко саоморошинъ чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра:
Еще повеселив стану играть въ гусли звончатые» ⁵).

Въ другомъ пересказе той же былины князь угожасть

¹) Якушкинъ. Нар. русс. пѣс. 19.

²) Бедяевъ. О скоморохахъ, 87.

³) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 73.

⁴) Кирѣевскій. Пѣсни. II, 13.

⁵) Рыбниковъ!-. Песни. II, 19.

Добрыню-скомороха за его «игру великую», обращаясь къ нему со словами:

'Безъ мірушкій пей зелено вино' ¹⁾.

Позванный на пиръ Садке играетъ «въ гуселки яров-чаты»:

Какъ тутъ стали Садке попаивать,
Стали Садку поднашивать ²⁾).

Царь морской, распотѣзшанный игрой на гусляхъ Садка, угощаетъ его «питьями разными».

Напивался Садко питьями разными
И развалился Садко, и пьянъ онъ сталъ ³⁾.

Въ былине о смерти Михаила Скопина, въ заключи-тельной припевкѣ, упоминается о «веселыхъ молодцахъ», величающихъ на пиру ласковаго хозяина,

Изпиваючи медъ, зелено вино ⁴⁾.

Въ народной толпе скоморохи несомненно напивались дѣ-пьяна, заслуживъ приведенный выше эпитетъ «скаред-ный пьяница». Любовь къ вину скоморохи разделяли съ русскимъ народомъ, исконная страсть котораго къ пьянству въ теченій многихъ вековъ служила предметомъ тщетныхъ порийцаній и запреіценій со стороны духовныхъ и светскихъ властей иувековечена въ многочисленныхъ описанияхъ ино-zemцевъ, которые съ удивлешемъ и недоумешемъ взирали на срамныя, безобразный сцены, разыгравшіяся у дверей русскаго, печальной славы, питейнаго дома⁵⁾). По на-родному представлению, веселье, а вместе съ нимъ и весе-лая игра и пляска тесно связываются съ питьемъ вина: это доказывается съ одной стороны темъ, что на народ-номъ языке быть «на-веселе» значить быть до некото-рой степени пьянымъ (ср. также выраженіе былины: «все на пиру пьяны веселы»), съ другой, между прочимъ, сле-

¹⁾ Рыбниковъ. Пісні. II, 30.

²⁾ Танѣ-же: I, 371.

³⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. ствх. 237.

⁴⁾ Ср. выше стр. 44.

⁵⁾ Ср. Олеарій. Подр. овие. вutoш. въ Москов. 179 и сл.

дующими словами бурлацкой писни, гд* сопоставляются и связываются понятія о пляске, царевомъ кабак*, зеленомъ вин*, гудочномъ дворе и т. п.:

Меня матушка пляеамши родила,
Меня крестили во царевомъ кабакъ,
А купали во зеленымъ вині.
Отецъ крестный цѣловальникъ молодой,
А мать крестна винокурова жена,
А батюшка съ гудочнаго двора ').

Им'я задачей увеселять и развлекать толпу, доставлять ей пріятную утеху, бродячие глумцы и смехотворцы, пгрецы и плясуны прежде всего доляши были обладать веселымъ нравомъ: отсюда наиболе употребительный эпитетъ ихъ—«веселые люди», «веселые ребята», «веселые молодцы»; но въ то же время самое ремесло ихъ развивало въ нихъ ловкость, находчивость, догадливость, хитрость. удальство, доходившее до нахальства. Въ слове о христіанской и яшдовской вере, существующем!, въ редакціяхъ ХУІІ и XVIII вековъ, изображается победа неученаго, но сметливаго, догадливаго, находчиваго скомороха надъ жидовскимъ философомъ. Некій христіанскій князь спорильтъ съ жидовскими вельможами о томъ, чья вера лучше. Порешили избрать каждой стороне по философу, которымъ и предоставить споръ. Жиды нашли себе философа, а христіанскій князь искалъ, но не нашелъ. Является къ нему скоморохъ съ предложеніемъ, вступить въ преніе съ жидовскими философами. «І снідоша на срокъ и помышляше велможи жидовския, что христіянскій князь послаль скомороха въ философово место, и жидовския велможи послали философа отъ себя, іменемъ Таракса жидовина, мяса мудра и горазда къ книгамъ і велеречива. И паки ставъ татарской (должно читать: Таракса) жидовина единъ перстъ уставя скомороху ²⁾ і помысливъ скоморохъ: томихощешь глас выколоти, и скоморохъ ему два

¹⁾ Балакиревъ. Сбор. russ. нар. піс. № 13.

²⁾ Въ болісѣ пространной редакції XVIII віка скрытый смыслъ этого жеста і ковъ: жидовскій философъ «помысли: Богъ единъ сотвори человека единаго Адама».

перста устави: азъ тебі два глаза выколю¹). И снидошася оба вместо иудари скоморох(а) христианска жидовинъ поуху и рече ему: Послушай, христианский философъ: въ вірй вашей во святомъ евангелі пишеть: аще хто тя уда-рить по ланите и ты и ему обрати и другую. Рече ему скоморохъ: Послушай, философъ жидовской: въ томъ яге во святом евангелии пишеть: Како вам человіцы творять... (въ другомъ списка прибавлено: «и вы имъ такожде тво-рите») і удари скоморох яшдовина по уху и рече жидовин скомороху: Отгадай ты философе, загадку: курица ли от яйца ілі яйцо от курицы. И скоморох, снявъ з жидовина шапку і ударив яшдовина въ плещъ, и рече: Отгадай ты философе жидовской: отчево трЗзъскъ трещит оть шгѣшъ ли или от руки или рука от плеши? И рече жидовинъ: Оста-вимъ то все; сочтемъ въ году въ коей віре празников больше, та и лучше візра. И рече скоморохъ: Добро рекль еси, яшдовине философе; напередъ въ моей вѣре счасти празниковъ въ году, а дай мнъ у тебя изъ бороды по во-лосу рват і класти перед собою и перед тобою; ино тебе внят-но будетъ, а мні; паметно: сколко въ году праздниковъ и сколко котораго дни святых, и яз столко вырву у тебя волосов. А ты, жидовин, станешь щитать въ своей віре жидовской, сколко праздниковъ въ году, и ты у меня по волосу рви изъ бороды, да клади перед собою і передо мною. И рече жидовинъ: Добро рекль еси, философе: буди тако, і твори, ясеж хощеши. Рече скоморохъ жидовину: Послушай, философъ жидовской: въ нашей християнской віре начало въ году празников въ году рождество Гос-пода нашего Іисуса Христа, иясе вы, жидове, роспяше его на крестъ зависти ради і въ трети день воскресе. А у жи-довина волос із бороды выдрали і положили предо всбки.. А на завтре у нас рожество христове праздникъ соборъ пресвятыя Богородицы. Да волоз же у жидовина вырвалъ. А на трети день святаго первомученика Стефана архиди-кона. Да волосъ яге у него вырвали. А на четверты день празникъ у насъ святыхъ мученик двЗз тмы. І поймав яшдовина за бороду обеими руками, выдралъ у него мало

¹) Таракса же поняль отвѣтъ скомороха такъ: «той же сотвори и Еву», «и мыс-ляша Таракса, яво зъдо иренудръ скоморохъ отвѣтъ творить».

— Н О —

не всю бороду. А на пятой день празникъ у нас 14,000 юзбіенныхъ младенецъ. И выдраль уже и остаток бороды; яшдовин же, не сгряя стояти, і побежа посрамленъ от скомороха і вси жидове разбегошася. Князь лее христианскій радъ велми і даде даръ скомороху і вн*кое м*сто властелина скомороха постави его, вместо воеводы; область велику дасть ему».—Повесть эта въ главныхъ чертахъ известна и въ западной литератур*, какъ заимствованная изъ Византій, откуда взята очевидно и русская ея редакция: тамъ неучъ поб*ждаетъ жидовского философа. Замечательно, что въ русской редакції въ качествѣ смысленаго, находчиваго неуча является скоморохъ. Прибавлю, что веселая, разудалая природа скомороха («веселаго молодца») рельефно охарактеризована въ заключительныхъ строкахъ разсказа (но редакції XVIII в*ка): «вопіяху вс* (яшды)... глаголюще: «како скоморохъ—не книжникъ, но піянйца и голышъ кабацкій, вс*хъ княшиковъ и ученихъ посрамиль, но и вс*мъ в*чный полоясиль позоръ?» Скоморохъ я*е нача плясати и играть и яйдовскую в*ру ругати...» *).

Ремесло скомороховъ способствовало развитію въ нихъ не только ловкости, находчивости, догадливости, хитрости, но вм*ст* съ т*мъ и алчности къ нажив*. Не упуская удобнаго случая, они, подъ прикрытиемъ своего искусства, творили д*ла и прод*лки, проказы и преступленія. неоднократно вызывавшія протести и порицанія, запрещенія играть скоморохамъ, пресл*дованія ихъ и строгія наказанія. Въ только что упомянутомъ «слов* о в*р* пристанской и ясидовской» (по рукописи XVIII в.) скомороху влагается въ уста сл*дующая характеристика его д*ятельности, направленной къ пзвлеченню себ* магеріальныхъ выгодъ: «христіанъ обманывать надо ум*ючи,— говорить скоморохъ — здобливаю обманить, а середняго возвеселить, а скупаго добра и податливо учинить. А не учась и у христіанъ ничего не добыть, и головы своей не прокормить».

⁴⁾ Тихонравовъ. 14т. русс. шт. и древ. I, 70 в сл., 76 и сл.

Когда Терентьище, въ простотѣ души, разсказываетъ встретившимся ему скоморохамъ о недуг!¹; своей жены (притворившейся больною),

Веселые молодцы догадались,
Другъ на друга оглянулися,
А сами усміхнулся...

Или:

И тутъ скоморохи
Оглянутся — улыбнутся,
Отвернутся—разсміхнутся...

Вслѣдъ за т'ишъ, посадивъ Терентьища въ мѣпюкъ, они ириносятъ его ко мнимо-больной ясен!¹; по просьб!¹; которой играютъ «во гусельцы» и поютъ пізсенъку. Изъ словъ этой пісні спрятанный въ мішкі;, обманутый мужъ убеждается въ сущности женина недуга, который, почуявъ опасность, по словамъ былины,

Въ окошко скочилъ,
Чуть головы не сломилъ.

Тогда мусъ, по совету скомороховъ, начинаетъ «лепить» свою молодую жену «дубиной ременчатой», а скоморохи иолучаютъ отъ него, кром!¹; условленныхъ за изл!¹—ченіе недуга, ста рублей, еще «другое сто рублевъ» ¹).

Скоморохи бывали и «злы-догадливы». Пристроившись ночевать къ старой баб!¹, которая хвалилась т!мъ, что у ней въ подполье «четыреста рублевъ въ кубышечкі лежать», «веселые ребята» начинаютъ показывать свое искусство:

Ай одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать,
А третій веселой будто слать захотѣль,
Онъ и ручку протянулъ
И кубышечку стянулъ.

Потомъ они собираются подъ ракитовъ кустъ, делить добычу, и даютъ себѣ зарокъ, когда баба опять накопить денегъ, снова ее обобрать ²).

¹) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 11 и сл.—Киріевскій. Писни. VII, 50.
²) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I, ш, 221.

Въ XTI стольтій встречаются уясе ц*лыя ватаги скомороховъ оть 60 до 100 челов*къ, посыщеннія которыхъ почти получаютъ характеръ нашествія враговъ. Столгавъ упоминаетъ о такихъ толпахъ скомороховъ: «Да по дальнімъ странамъ ходять скомрахи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста че-ЛОВІКЪ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно (=насильно) ядять и шютъ и съ клетей яитвоты грабятъ, а по догоамъ разбивають»⁸). Въ виду этого, соборомъ было постановлено: «чтобы впредь такое насилиство и безчиніе не было». Но и раньше того, начиная съ конца XV века, стали неоднократно появляться уставныя, жалованніи и другія грамоты, коими въ той или другой местности скоморохамъ запрещалось играть, и яштелямъ давалось право безнаказанно выгонять скомороховъ, въ случаѣ если-бы они не желали слушать и видеть ихъ игры и глумы: «а скоморохомъ у нихъ (крестьянъ бобровыхъ деревень) ловчей и его тіунъ по деревнямъ сильно игра-ти не ослобождается: кто ихъ пустить на дворъ добро-вольно, и они тутъ играютъ; а учнутъ у нихъ скоморохи по деревнямъ играть сильно, и они ихъ изъ волости вы-шлютъ вонъ безпенно (=безнаказанно)», читаемъ въ одной изъ уставныхъ грамотъ (1509 г.). Такое-же запре-щеніе скоморохамъ играть и разрешеніе яштелямъ высы-лать изъ селеній начинающихъ играть насильно, встре-чаемъ въ грамотахъ 1470, 1506, 1522, 1536, 1544, 1548, 1554, 1555 годовъ ').

Невольно делаемъ сближеніе между ватагами скомороховъ, появлявшимися въ праздники, и толпами колядов-щиковъ и волочебниковъ (т. е. волочащихся, бродячихъ людей), ныне еще ходящими въ известные праздники (на рождественскихъ святкахъ, на маслянице, на пасхѣ) оть дома къ дому съ песнями, въ которыхъ воспеваются со-ответствующій праздникъ и славятъ и величаютъ хозяевъ соответствующаго дома, испрашивая себѣ за то подачекъ. Толпы волочебниковъ, сохранившія следы какой-то внут-ренней организації, ближе, чемъ мене сплоченные и орга-низованные партій колядовщиковъ, сходствуютъ съ вата-

⁸) Акты (арх. эксп.). I, № 86, 144, 171, 181, 201, 217, 240, 244. Ср.

гами скомороховъ. Въ толпе волочебниковъ есть почикальникъ или начиальникъ=зап'вало, ипбвцы: помагальники, иодголосики или подхапиички, есть музыка: музычица или скрипка; все это действующая лица, несомненно существовавшая и въ скоморошескихъ ватагахъ. Тутъ-же, въ среде волочебниковъ есть и м'ъхиоша или маханоясичъ, съ огромнымъ м'ышкомъ, куда складываются получаемыя ими подачки. МФхонова также встречался и въ скоморошескихъ ватагахъ. Въ песне о госте Терентьище, сей последній прячется въ мешокъ и несется за плечами, т. е. на спине однимъ изъ скомороховъ—мехоношю. Встречается между волочебниками еще освистый, по объяснешю проф. Безсонова, подсвистывающей, острякъ, шутникъ, другими словами «глумецъ» или «глумтоворецъ», представитель одной изъ главнейшихъ отраслей скоморошества. Волочебники, делающе свой обходъ на святой неделе, сближаются со сходными съ ними святочными (и масляничными) холядовщиками, — въ одной песне своей волочебники сами называютъ себя гостями колядовщиками:

«Подари гооцей колядовщицковъ» *).

Въ Малорусской святочной игре «Козу» ведеть «Михоноша»-колядовщикъ²⁾). Бродяжничество, шатаніе, волоченіе волочебниковъ, напоминающее бродячихъ скомороховъ, отлично изображено въ начальныхъ стихахъ следующей волочебной песни:

Ишли-бряли волочебники,
Во цынай ночи, да по грязной грязи,
Волочилися, да й обмочилися,
Паталися и боуталися,
Къ богатому дому пыталися³⁾.

Другая волочебная песня начинается такъ:

Изъ-подъ лісу-лісу темнаго
Шла тучка Волочебная:

<) Безсоновъ. Белорусс. ігбс. I. 20—21. — Шейнъ. Белорусс. вар. чъс. 75
105.

) Труды эта.-ст. эксп. (юго-зап. отд.), III. 265.

) Шейнъ. В4лорусс. нар. птс. 82.

А не туча то шла—Волочобнички,
Волочобнички, бълы моловцы...
Шли яны дорогою,
Дорогою широкою,
Широкою торненькою,
Траукою—мурайкой зелененькою... ¹⁾).

И колядовщики поютъ себ^:

Ходятъ ребята коледовщики,
Ищутъ ребята Государева двора... ²⁾

Какъ скоморохи, по выраженню Стоглава, ели и пили
у крестьянъ насильно и «грабили яшвоты», такъ и ко-
лядовщики и волочебники до сихъ поръ еще просьбы свои
о подачахъ нередко сопровождают угрозами, которые
въ старину, быть можетъ, и приводились въ исполненіе;
напр, въ колядкахъ:

Малорусе.—Боже, дай вечиръ добрый,
А намъ дайте пиригъ добрый,
А якъ не даете,
То возьму кобылу за чуприну
Поведу въ кабакъ,
Да пропью за пятакъ ³⁾).

Великорусе.—Пышка лепешка
Въ печи сидела,
На насъ глядѣла,
Въ ротъ вахотила.
Дайте намъ кишку въ локоть,
Чтобы семерымъ не слопать,
Дайте намъ ломоть пирога
Во вей коровы рога...
Не дадите лепешки,
Закидаемъ вѣ% окошки,
Не дадите пирога,
Закидаемъ ворота*).

¹⁾ Безсоновъ. Білорус. ulic. I, 3.

Опisanівгорода Котельнича, въ этнография, сборн. Имп. Русс. Геогр. Общ V, 74

) Терещонко. Быть русс. нар. VII, 76.

⁴⁾ Шейнъ. Русс. нар. пѣс. I, 369.

— Подавай пирога!
Коль не дашь пирога,
Разломаемъ ворота,
Двери окна разобьешь ^{1).}.

— Кто не дастъ пирога,
Разобьемъ ворота,
Кто не даетъ кишки,
Разобьемъ горшки ^{2).}.

Въ волочебныхъ нѣсняхъ:

Смоленск губ.: Кто не дастъ конца пирога,
Мы корову за рога,
Христосъ воскресъ Сына Божья! ^{3).}
Кто не дастъ пару яицъ,
Мы прогонимъ ве&хъ овецъ,
Кто не дастъ солонины кусокъ,
Мы свинью завалимъ ^{4).}

Повторяю, что въ такихъ пѣсняхъ, быть можетъ, отражается воспоминаніе о насильственной ^{*д*} и насильственномъ пѣтій скомороховъ въ деревняхъ. быть можетъ и о «пограбленій животовъ» у крестьянъ. Гдѣ можно было, скоморохи «стягивали» то, что плохо лежало, какъ напр. вышеупомянутую бабью кубышку съ деньгами, употребляя то хитрость, то насилие. О хитрыхъ продѣлкахъ и проказахъ скомороховъ до сихъ поръ еще сохраняются въ народѣ преданія. Отъ многихъ староящихъ и теперь еще, по словамъ Беляева, можно слышать рассказы о томъ, какъ скоморохи, подходя къ селу, разделялись на партій,

¹⁾ Сногиревъ. Русс, прост, празди. II, 106. — Ср. также зложеланіе, въ видѣ угрозы высказываемое въ олѣдующихъ словахъ колядки:
Тетушка, тетушка,
Подай наиѣ козурку (=глеченіе),
А не дашь козурки,
На новый годъ осиновый тебе гробъ.

(Владимирскія Губернскія Ведомости. 1860 г. № 27Л
²⁾ Опис. гор. Котельнича, въ этнogr. сборн. V, 79 — 80.
³⁾ Принбѣ послѣ каждого двустишья.
⁴⁾ Римскій-Корсаковъ. Сбор. russ. нар. пес. II, Л5 47.

изъ которыхъ одна направлялась въ село воровать, а другая П'ышемъ и прибаутками занимала жителей, часто рассказывая имъ про то самое, что дѣлалось у нихъ въ домажь. Въ Московской губерній, Можайскаго уезда, есть деревня Ликова. Тамъ до ныне хранится разсказъ о томъ, какъ ватага бродячихъ воровъ-музыкантовъ однажды расположилась близь деревни и потешала ящелей слѣдующей песней:

Ай, матушка Ликова,
Пришѣй къ шубѣ рукава.

Воротившись домой съ этого спектакля, крестьяне не нашли большей части своихъ овецъ (ср. выраженіе Стоглава о скоморохахъ: «съ клетей ясивоты гра-батья»¹).

Въ югозападной части Томской губ. народные музыканты, йграюїціе для плясокъ, по временамъ подиѣваютъ подъ музыку отрывки разныхъ песень, между прочимъ и нijжеследуюїцій (записанный въ Семипалатинске) экспромта, по разсказамъ местныхъ жителей, слоявшійся при такихъ обстоятельствахъ: въ одной деревне была вечерка; шли воры крестьяне, одинъ изъ нихъ—музыкантъ; музыканта вошелъ въ избу и предложилъ поиграть для компаний, а его товарищи остались на дворе и стали шарить по амбарамъ, нашли много добра, но во что поло-яшть—не знаютъ, а на дворе сушились бабы рубахи, вотъ музыканту и пришла мысль заменить мешки рубахами, онъ и пропелъ свое предложеніе громко, чтобы услы-шили на дворе:

Ужъ вы глупы крестьяне,
Неразумны мужики,

¹) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 83—84. Прим. З.-И современный намъ западно-русскій дударь, по словамъ г. Шпидевскаго, «рыская по всему краю, много слышит, многое и самъ предумаетъ; умѣть ловко рассказывать о видѣнномъ, подчасъ на-дуетъ кого удачною плутнёю, особенно когда публика его бываетъ подхмѣлена» (Мозыршина, въ арх. истор. и практич. свѣд. III, стр. 5).

Еще бабья-то рубаха
Не тотъ-же ли м&шокъ?
Рукава-то завяжи,
Да что хошь положи ¹⁾).

Эта п*сня и связанное съ нею преданіе напоминаютъ только что упомянутое преданіе деревни Ликова, а такясе Пісню о скоморошьей воровской проділк* съ бабьей кубышкой.

Воровство скомороховъ доходило до грабительства. На это указываютъ заключительные стихи приведенной раньше (стр. 3, 134, 141) п*сни «о Веселыхъ», обокравшихъ бабу, у которой они пріотйлись для ночлега:

Ты живи баба подол'я,
Ты копи денегъ поболь,
Н мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдемъ,
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмемъ;
А тебя дома не найдемъ,
И дворъ сожжемъ ²⁾).

Слова эти близко роднятся съ заключительными-же стихами разбойничьей п*сни «Ахъ усынъки усы, удалые молодцы»: поел* того какъ разбойники ограбили богатаго мужика въ его дому, они обращаются къ нему съ такой же ироніей, какъ выше воры-скоморохи къ обокраенной ими старух*:

Вотъ спасибо ті мужикъ,
Вотъ спасибо господипъ,
Поживи мужикъ по-доли,
Покопи денегъ по-бол4,
Мы назадъ пойдемъ,
Мы опять яйдемъ ³⁾).

<) Этиогр. Сбор. VI, 61.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 221.
Пальчвковъ. Крест, піс. № 43,—Ср. К. Даннлонъ. Древ. росс. стих. 2SW.
10"

Въ Стоглав*, какъ мы вид*ли, прямо говорится, что ватаги скомороховъ «по дорогамъ (людей) разбивають», т. е. грабятъ^г).

^г) Беляевъ обратилъ вниманіе на следующую песню изъ сборника Сахарова, въ которой онъ узнаетъ рассказъ о грабительства скомороховъ. Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ изъ этой пѣсни:

Ахъ Сузdalцы, Володимерцы,
Ни скакать, ии плясать съ колокольчиками,
Съ колокольчиками, съ болобольчиками.
Ахъ станемъ говорить выговаривати,
Черно на бело выворачивати.
Какъ у Карпова двора,
Да окатана гора;
Какъ не Карпъ ее каталь
И не Карпова жена,
Укаталв бояре семи городовъ,

(можеть быть, по мнію Беляева, это скоморохи, въ ватага которыхъ были члены разныхъ волостей)

Поставили избушку семи локотковъ,

(быть можетъ, это кибитка или шалашъ, поставленные ворами-скоморохами у двора Карпа, чтобы выманить изъ дома хозяйку)

А одна-то доска поперещилася,
Поперещилася, потрескалася;
Я ударю во косокъ
Промежду пяти достокъ,
Какъ понесся голосокъ
Изъ избушки во лѣсокъ,
Какъ отдался голосокъ
Въ самый тотъ же во часокъ,
Что Ульяна отъ побою переставиляся.

(Песни русс. вар. IV, 103.)

При соображеніи съ другими свидѣтельствами о разбойническихъ ватагахъ скомороховъ и ихъ поступкахъ, замѣчаетъ Беляевъ, намъ слышатся въ этой пѣснѣ сигначи и переклички скомороховъ, разделившихся на три партіи, изъ которыхъ одна подшаетъ въ лесу, другая—обманываетъ и убиваетъ хозяйку, а третья—на коне деревни поетъ, пляшетъ и въ намеренно запутанной пѣснѣ разсказываетъ крестьянамъ/ чтб делается у нихъ во дворахъ. (0 скоморохахъ. 83—85.)

^ л а в а ч е т в е р т а я .

Скоморохи о с 4 длы е.

Кромі проходящихъ, про'бзжихъ скомороховъ. издавна бывали и оседлые, успевавшіе пристраиваться къ кня-
яїскому или царскому двору, или къ домамъ богатыхъ и знатныхъ бояръ, или просто проживавшее въ томъ или другомъ містѣ (деревне, слободе, городе), прокармливаясь тамъ помощью своего ремесла. По словамъ былинъ, на пирахъ у князя Владїмїра присутствуют толпами игроки, скоморохи (ср. выше стр. 8—9), очевидно принадлежаще къ придворному штату. Въ былине о Ставре, выдающая себя за посла, Ставрова жена опрашиваете князя:

Нѣть-ли у тебя загуеельщиковъ,
Поиграть во гусельшки яровчата?
Какъ повынускали они загуеельщиковъ,
Всѣ играютъ, и т. д. ').

Загусельщики, следовательно, оказываются на готове, какъ только въ нихъ встречается надобность. Впрочемъ, въ другомъ пересказѣ Владїміръ посылаете

Искать таковыхъ людей всякихъ рукъ,
И собрали веселыхъ молодцовъ на княжескій дворъ²).

Изъ этого можно лишь заключить, что зазывали ко двору и постороннихъ, иештатныхъ «веселыхъ молодцовъ».

¹⁾ Рыбниковъ. Msni. II, 110.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 773, 855.
К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.

Когда приводятъ изъ заточенія и заставляютъ играть самого Ставра, то мнимый посолъ обращается къ Владыміру:

Не надо мнъ твои дани, выходы,
Только пожалуй веселымъ молодцомъ
Ставромъ бояриномъ Годновичемъ ¹).

Следовательно, «веселый молодецъ» является здѣсь какъ принадлежность княжескаго двора, которою князь и ясалуетъ неузнаннаго гостя.

Въ былине о Чуриле Пленковиче, сей последній назначается придворнымъ постельникомъ: онъ стелетъ постель велиокняжеской чете и по долясности, по обязанности слуягбы. сидя у изголовья, нотешаетъ князя и княгиню игрой на гусляхъ, т. е. въ качестве постельника, онъ делается и штатнымъ придворнымъ гусыникомъ ²).

Выше (стр. 9 и сл., 13) указано было на то, что Святополкъ любилъ пировать при звуке гуслей, что при дворе Святослава Ярославовича на пирахъ «по обычаю» играли на гусляхъ и на другихъ инструментахъ, что князь Всеволодъ Мстиславовичъ Новгородскій любилъ играть и утешаться. Разумеется, для этой цели должны были состоять на княжеской слуябѣ постоянные штатные «игрецы», «гудцы» или скоморохи, изображение которыхъ мы узнаемъ на древней фрескѣ Кіевскаго Софійскаго собора. Существованіе штата постоянныхъ, следовательно более или менѣе оседлыхъ, гудцевъ - скомороховъ не исключало, конечно, возможности появленія при велиокняжескомъ дворе и пріезжихъ скомороховъ: въ качестве такового, приходить на пиръ накрученный скоморохомъ Добрыня, приветствуемый Владыміромъ, какъ «детина пріезжая, скоморошная, гусельная» и приводящей въ восторгъ прочихъ вероятно постоянныхъ, штатныхъ игроковъ - скомороховъ Владымировыхъ,—Въ Ипатьевской летописи подъ 1241 г. говорится о «словутномъ», т. е. славномъ, певце Митусе, не восхотевшемъ изъ гордости служить князю

¹) Тамъ-же: 91.

²) См. выше стр. 66.

Данійлу'). Изъ этого опять заключавмъ, что бывали у князей на слуягбѣ певцы и гудцы (музыканты).

Ссылаясь на сказанное мною выше (стр. 50) объ отсутствій письменныхъ йзвѣстій о музыкальныхъ увеселеніяхъ русскихъ князей съ XIII (или даже съ XI) до конца XVI века, напомню, что въ 1490 г. быль выписанъ ко двору царя IoannnIII органный игрецъ, по имени Иванъ Спаситель, капланъ белыхъ чернеццовъ Августинова ордена, открывшій собою рядъ иноземныхъ потѣшниковъ царскихъ. При Ioannn'ѣ Грозномъ russkie скоморохи, представители веселой игры, играли при царскомъ дворѣ еще видную роль: съ ними царь самъ пѣлъ на своихъ пирахъ разгульныя песни и плясалъ въ «машкарахъ»; ихъ плясками, несомненно связанными съ игрой, царь забавлялъ нѣмецкихъ гостей, присутствуя на свадьбе Magnusa Голштинского съ княжной Marie; ихъ игра на волынке (вероятно и на другихъ инструментахъ) сопровождала медвежью комедію, которою забавлялся царь. Тешили, кроме того, царя, навевая на него сонъ своими рассказами, старцы-бахари, въ лице которыхъ, равно какъ и въ лице позднейшихъ домрачеевъ и гусельниковъ, мы узнаемъ преемниковъ древнихъ скомороховъ-сказителей, т. е. певцовъ старины. Бахарей мы встречаемъ, после Ioanna Грозного, у царя Василія Шуйского; бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ — при дворе царя Михаила ведоровича. Въ теченій XVI столетія все более и более стали цениться въ Москве иноземные мастера всякаго рода ремесль и художествъ; между прочимъ, привозились изъ за-границы къ царскому двору органы и клавикорды съ соответствующими игрецами; позже, въ начале XVII века, появляются въ царской пощной палате еще цимбальники и скрипачи, russkie по происходженію, но, разумеется, научившиеся своему искусству у иноземныхъ мастеровъ. Все вышепоименованные дворцовые музыкальные искусствники, къ которымъ присоединяется еще толпа дворцовыхъ трубниковъ, сурначеевъ и накрачеевъ (подробнее я буду говорить о нихъ въ другомъ месте), представляютъ уже нечто въ роде штата оседлыхъ потешниковъ. Иноземный элементъ въ

) Поли. собр. russ. лѣт. II, 180.

этихъ потъхахъ очевидно получалъ преобладаніе, утвердившись окончательно при царе Алексее Михайлович*, который съ самаго начала своего царствованія строго преследовав русское скоморошество, зам*ниль на своей свадьбе нрежнія обычныя музыкальный потехи (трубную игру, игру домрачевъ, гусельниковъ) п*ніемъ духовныхъ песенъ, но въ посЦдствій широко раскрыль двери своего дворца и*мецкимъ и составленнымъ по иноземнымъ образцамъ русскимъ комедіямъ съ музыкою, зам*нивъ преяснія потехи новымъ родомъ,—потехой музыкально-драматической.

Не только при царскомъ двор*, но и въ домахъ знатныхъ и богатыхъ особъ нер*дко держались иотЗшики: скоморохи, бахари, гусельники, трубники и другіе музыканты, которые, сл*довательно, вели яшзнь ос*длую. Сохранилось йзвѣстіе о кр*постномъ трубник* князя Ивана Юрьевича Патрик*ева (изъ временъ царствованія Иоанна III¹). «Деряіай соп*льника... чтить темнаго б*са» говорить авторъ слова о русаліяхъ³), следовательно были въ старину частныя лица, державшія у себя музыкантовъ. В*роятно такими же домашними музыкантами были трубачи и барабанщики, музыка которыхъ, по словамъ былины, грем*ла на пиру у Никиты Романовича (ср. выше стр. 16).

Сохранилось йзв*стіе и о скоморохахъ, принадлежаіавшіхъ частнымъ лицамъ. Такъ въ 1633 г. подали царю челобитную, по поводу совершенного надъ ними насилия, со стороны приказнаго Крюкова и его людей, скоморохи князя Ивана Ивановича Шуйскаго и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго³). Скоморохи яie вероятно не многимъ отличались отъ техъ «блазней», которые, по словамъ Маскевича (1611 г.), тешили Мос'ковскихъ бояръ на ихъ вечеринкахъ русскими плясками и кривляніями и безстыдными песнями (см. выше стр. 94) и вероятно принадлежали къ штату боярскихъ дворень. Таковы же были конечно и те «веселые» ко-

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россій. V, 197.

³⁾ Пам. стар. russ. лат. I, 207.

³⁾ Си. у Аоанасьева. Поэт, воззр. I, 340—347.

торыхъ, какъ было упомянуто выше (стр. 5), держалъ при себѣ безпрестанно, для потехи, князь Шейдяковъ (въ первой половине XVII века). Олеарій упоминаетъ о позитиве (органе) и всякаго рода другихъ музыкальныхъ инструментахъ, которые имель у себя другъ немцевъ, великой бояринъ Никита (Ивановичъ Романовъ). Само собой разумеется, что при названныхъ инструментахъ бояринъ дерягалъ и игравшихъ на нихъ музыкантовъ. При комедийныхъ по'гъяхъ даря Алексея Михайловича (въ 1674 г.), по свидѣтельству ДворцовыХъ Разрядовъ, «на арганахъ играли немцы да люди дворовые боярина Артемона Сергеевича Матвеева», который въ 1673 г. :авель даже театральное училище, подготавлившее актеровъ и музыкантовъ русского пройсхожденія. «Того-ягѣ года, въ томъ-же селе Преображенскомъ—читаемъ далее тамъ-же—была у великаго государя потеха на заговеньи; и тешили его, великаго государя, немцы да люди боярина Артемона Сергеевича Матвеева на арганахъ и на фюляхъ и на страментахъ и танцовали и всякими потехами разными» ¹⁾). Въ повести о прекрасномъ Девгеній (но рукописи XVII века) читаемъ: «Девгеній... нача веселитися во всю нощь и повелеша людямъ своимъ въ тимпаны и въ набаты бити. и въ сурны играть сійречь трубить и въ гусли играть» ²⁾). У Девгенія были, следовательно, свои домашніе, т. е. оседлые музыканты, игравши на разныхъ, въ томъ числе и на скоморошескихъ инструментахъ (сурнахъ, трубахъ, гусяляхъ). Мы видимъ, что во всехъ иоименованныхъ случаяхъ прежнія скоморошескія потехи оказываются более или мене вытесненными иными, на западно-европейскій ладъ устроиваемыми потехами: при царскомъ дворе разыгрываются комедій съ музыкой и пешемъ, на царскихъ и частныхъ пирахъ и празднествахъ гремить преимущественно трубная музыка, оставляя не много места домашнимъ домрачамъ и гусельникамъ, блшкайшимъ преемникамъ древнихъ певцовъ-гусельниковъ. Впрочемъ, бахари, сказители или баятели басень, т. е. сказокъ и былинъ,—также близкайшіе

¹⁾ III, 1131, 1132.

²⁾ Паи. стар. русс. лит. II, 387.

преемники древнихъ певцовъ старины — гусельниковъ, продолжали еще долго, даже до начала XIX века, составлять необходимую принадлежность многихъ частныхъ домовъ. Скоморохи же, удерживаясь еще, какъ было замечено выше, даже въ первой половине ХII века въ домаѣ иФкоторыхъ бояръ (напр. у князей И. И. Шуйскаго, Д. М. Поягарскаго, А. Шейдякова), продолжаются на улицахъ и площадяхъ, преимущественно въ виде бродячихъ ватагъ, потешать толпу народную.

Независимо отъ упомянутыхъ осѣдлыхъ скомороховъ и иныхъ музыкальныхъ потешниковъ, состоявшихъ при царскомъ дворе и при домаѣ частныхъ лицъ, встречаемъ йзвістія и о скоморохахъ вольныхъ, свободныхъ отъ службы, такъ сказать свободно практиковавшихъ, ймівшихъ оседлость въ городахъ и селаѣ и отсюда ходившихъ на свой промыселъ. Такъ напр. Садко-гусельникъ, пока еще не сделался богатымъ купцомъ, ходившій играть по пирамъ, въ былине называется Новгородскимъ, т. е. ягителемъ г. Новгорода:

«Ай же ты Садко Новгородскій!»

такъ приветствуетъ его, играющаго на гусяхъ на берегу Ильменя озера, царь морской; далее читаемъ въ той же былине:

Приходиль Садко въ свой во Новгородъ! ')

О томъ, что скоморохи жили и въ деревняхъ, заключаемъ изъ словъ приговорной памяти монастырского собора Троицкой лавры (1555 г.), запрещавшей подъ угрозою пени держать въ волости скомороховъ: «не велели есмя имъ въ волости дерясати скомороховъ ни волхвей... и учнутъ держати, у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ,... и на томъ сотскому и его сотне взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ». Здесь лее прибавлено: «а прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать»²); следовательно прямо делается разлічіе между оседлыми

¹) Рыбниковъ. літо.пи. I, 371.

²) Акты (арх. эксп.). I, К 244.

и прохожими скоморохами. Въ народной п*сн* упоминается о скоморох*, живущемъ въ деревн*:

Сватался за Катеньку изъ деревни скоморохъ ').

Изътакихъ-то ос*длыхъ, городскихъ и сельскихъ, скомороховъ набирались вероятно, при цар* Иоанн* Грозномъ, поташники для царскаго двора: выше (стр. 5) приведено было свидѣтельство 2-ой Новгородской летописи подъ 1571г., о томъ, что «въ Новгород^, и по вс*мъ городамъ и но волостемъ на государя брали веселыхъ людей».

Все это показываетъ, что въ старину, кром* скомороховъ прохожихъ, странствующихъ, во многихъ м*стахъ жили и скоморохи оседлые. Можетъ бытъгеографической названіяпустошь «Скоморохово» въНовоторяцскомъ*зд*, починка «Скомороховъ» въ Бежецкой пятин*²), части города: «Скоморошья мовница» въ Устюг*³) и т. п. произошли всл*дствіе жительства въ нихъ, въ давнейшнія времена, ос*длыхъ скомороховъ.

¹⁾ Беляевъ. О скоморохахъ, 88.

²⁾ См. Акты (арх. 8ксп.): Указатель.

³⁾ Карамзинъ. Пет. гос. Росс. VI, пр. 629 (Дополнительная выписка изъ летописей, подъ 1490 годомъ).

Л ' л а в а п я т а р . .

Награждепіе схоэюроховъ и презрініе къ шшъ,
какъ къ слугамъ антихристовымъ.

а. Щедрыя награды.—Плата гудочная (мзда).

Мы ВИДЕЛИ выше, что скоморохи, начиная съ певца-гусельника, развлекавшаго своимъ искусствомъ, своей «киграй», участниковъ нировъ и свадебныхъ празднествъ. и кончая веселыми разудальными музыкантами-плясунами, глумотворцами, потешавшими народную толпу своими песнями, играми и представлениямъ,—издревле были душою всякихъ увеселеній, центромъ всякихъ торжественныхъ соборищъ. Скоморохъ былъ въ старину единственнымъ представителемъ музыкального, музыкально-эпического и музыкально-сценического искусства, проявлявшагося, разумеется, по большей части лишь въ самой простой, группой, но соответствовавшей современному вкусу народа форме. Народъ, начиная съ князя иди царя и кончая разгульною чернью, любилъ своихъ веселыхъ потешниковъ, щедро награждая ихъ за доставляемую ими утеху.

Добрый, одетый скоморохомъ, за игру свою удостаивается почести сидеть рядомъ съ княземъ Владиміромъ на «золотомъ стуле» и вместе съ княземъ «хлеба кушати и лебедей рушати» (см. выше стр. 64—65), онъ награждается виномъ и казной безъ меры и безъ расчета: «Айжеты, мала скоморошина», восклицаетъ князь,

За твою игру великую,
За утѣхи твои за нѣжныя,

Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разсчету получай золоту казну

Въ другомъ пересказ!, Владыміръ обращается къ Добрынѣ съ следующею рѣчью:

Ахъ скора мала смѣла скоморошина!
А чѣмъ намъ тебя буде жаловать
А за эту игру за умильнхю?
Города ль тебѣ набѣ съ пригородами,
Али села да тп набѣ со приселками,
Аль много набѣ безсчтной золотой казны?

Утѣшанный «нужной игрой» Садка-гусельника, царь морской •

Говориль таковы слова:
Ай же ты Садко Новгородскій!
Нѣ знаю чимъ буде тебя жаловать...
Аль безсчтной золотой казной? ²⁾)

Упоминается въ былинахъ и о платі гудочнай.
Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, послідній надѣваетъ платье не скоморошеское, а «калисънне» (т. е. наряжается каликой). Онъ приходитъ «на свадьбу Олешину» и застаетъ тамъ толпу гудочниковъ:

Вси гудки играютъ, и вси увеселяютъ.
Нацяли гудосъниковъ удобривать,
Ж виномъ то ихъ стали попаивать;
А не даютъ калики цары зелена вина,
Да и платы гудосънны не даютъ,
А за то ему не даютъ,
Што не играль въ свой гудокъ.
И говориль калика перехожіе (т. е. Добрыня):
«Прикажи-тко, Олеша, во вси гудки молцети,
А я надѣну въ свой гудокъ играть,
Штобы не лишили миня платы-то гудосънны,
Да л царой велена вина не обнесли» ^{3).}

¹⁾ Рыбниковъ. Піснв. II, 31.

²⁾ Тамъ же: I, 371.

=) Киріїевскій. Пісніш. II, 13.

Изъ этого отрывка видно, что «удабриваніе» гудочниковъ заключалось въподаяній имъ гудочной платы, къ чemu присоединялось еще угоіcenіе виномъ; платятъ же и подносять вино лишь тѣмъ изъ гудочниковъ, которые играютъ въ гудокъ, не играющихъ же обходятъ и платой и чарой зелена вина.

Въ слові о руоалшхъ разсказывается, какъ богатый награждаетъ сопельника «сребреницею», какъ богатые и убогіе «подаютъ сребро и медъ» б'ясамъ, исполняющімъ роль скомороховъ, за ихъ «їгранія». Тамъ же по-рицается «держацій сопельника» т. е. нанимающей его, платяцій ему деньги, или содеряцій его на свой счетъ¹⁾. «Друзін ясе и мзды игрецемъ даютъ» читаемъ въ «слове о томъ, како пьвroe погані веровали въ идолы», приписываемомъ Іоанну Златоусту (по рукоп. Новгор. Софійского собора, XIV в.)²⁾, а въ Требник*, въ чин* йспов'данія мірянь, кагоційся произносить: «согр*шихъ въ сладость слушая гуденія гуслей и арганъ и трубъ и всякаго скоморошества, бісовскаго неистовства и за то имъ мъзу давахъ»³⁾. Выше (стр. 77) приведено свидетельство Даніла фонъ Бухау о пляскахъ московскихъ гистрюонъ-скомороховъ, выгоды ради. Олеарій говориль о скоморохахъ-кукольникахъ, дававшихъ въ его время представленія за деньги простонародной молодежи и д*тямъ⁴⁾. Наука скомороха, по выраясенію «слова о вере христіанской и жидовской» (по рукоп. XVIII в.): «скоморошить и у христіанъ деньги выманивать»⁵⁾. Упомянутые выше (стр. 154) скоморохи князей И. И. Шуйскаго и Д. М. Пожарскаго ходили «для своего промыслишка» т. е. играть за плату, за вознагражденіе. Белорусская песня указываетъ на подачки, которыми пользуется скоморохъ,—что даютъ, то онъ и беретъ:

А скоморохова горькая доля,
Што даюць тольки, бередь и тое⁶⁾.

¹⁾ Нам. стар. russ. лит. I. 207, 208.

²⁾ Тихоиравовъ. Літ. russ. лвт. и древ. IV. га, 111.

³⁾ См. у Веселовскаго. Розыск, въ обл. russ. дух. стих. VII II 196—197

⁴⁾ Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.

⁵⁾ Тихоиравовъ. Літ. russ. лит. и древ. I, 74.

⁶⁾ Носовичъ. Слов, белорусе, наріч. Сл.: «скомороховъ

Сравнимъ выше (стр. 67) малорусскую песню, въ которой девушка нанимаетъ за копу дударя, чтобы онъ игралъ ей на дуде.—Какъ вознаграждались прѣзжіе, прохожіе, бродячіе скоморохи, такъ, разумеется, оплачивалось и искусство скомороховъ и нот'шниковъ осѣдлыхъ, принадлежавшихъ къ штату царскаго двора, а равно и дворни богатыхъ частныхъ лицъ. Такъ напр. сохранились сведенія о неоднократныхъ выдачахъ денежныхъ наградъ, или кусковъ матеріи на платья, придворнымъ баҳарямъ и домрачеймъ, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ ХVІІ столітія ').

б. Скоморошество во служеній дьявола.

Рядомъ съ любовью къ искусству скомороховъ, дупъ всякаго веселья и утехи, народъ (въ особенности более просвещенная его часть, воспитанная на духовной литературѣ) къ личности самихъ пот'шниковъ изстари питалъ презрініе. Не мало способствовало тому нередко предосудительное поведение самихъ скомороховъ, но главною причиной этого презрінія и известной брезгливости къ скоморохамъ и ихъ атрибутамъ служилъ воспринятый отъ Византійской церкви и воспитывавшийся духовенствомъ въ народе взглядъ на греховность скоморошьяго промысла, на бісовскій характеръ творимыхъ ими игръ, глумовъ, «позоровъ», на музыку вообще и даясе на музыкальныя орудія,— какъ на изобретете дьявола или дьявольскую лесть, на игреца или поташника,— какъ на слугу сатаны, слугу антихристова, исчадіе дьяволово. Нѣть возможности перечислить все порицательные отзывы о скоморошескихъ играхъ, глумахъ и представленияхъ, щедрою рукою расточавшихся духовными и светскими авторами, которые, въ заботе о нравственномъ усовершенствованій народа, поучали его, наставляя на путь истинный. Не только исполненіе музыки, игръ, глумовъ, но и слушаніе и ліцезр'їніе ихъ постоянно называются въ числе мытарствъ, тяжкихъ пре-

') Забелинъ. Дои. бытъ русс. придѣлъ. Д39--Ш.

гр'щеній, угодныхъ дьяволу, уготовающихъ путь въ адъ кромешный. Приведу по нескольку примѣровъ отзывовъ о каждой изъ разсмотренныхъ выше отраслей деятельности скомороховъ разныхъ авторовъ прошедшихъ стол*тій.

аа. Игра и музыкальные инструменты.

Несторъ (подъ 1067 г.) называетъ «дьявольскими лестьми» трубы, скомороховъ, гусли и русальи (подъ 1074 г.) описываетъ видініе Йсаакія, которому являются бесы съ музыкальными орудіями (сопелями, бубнами, гусями и играютъ на нихъ); у Кирилла Туровскаго встречаемъ выраженіе «сопели сотонійскія». Христолюбецъ называетъ гуденье въ числе бесовскихъ игръ; йграніе, плясаніе и гуденіе оскверняетъ чувства, по словамъ посланія митрополита русскаго Іоанна-«смеха бегай лихаго, скомороха... и гудця и свирця не уведи у домъ свой глумя ради, поганьско бо то і есть а не крестыанско; да любай та глумленъя поганъ і есть... дьяволи бо то суть», поучаетъ Черноризецъ Григорій (по списку XIII в.); «а гудуїцій не акы ли и ненріязній древу пакость творять», говорить въ поученій своемъ Евсевій (XIII в.)²); «сопели, гусли... собираютъ около себѣ стоудные бесы, держай же сопельника, въ сласть любуй гусли... читть темнаго беса» говорится въ слове о русаліяхъ; «не люби игры дане обрящешися тамо съ бесовскими слугами», говорить митрополитъ Данійль въ своемъ поученії³); отъ трапезы, за которой происходит гуденіе, нлясаніе и игры, ангелы Болии отыдутъ, а дьяволы предстанутъ, по словамъ Домостроя; противъ «скомороховъ съ домрами и съ гуслами и съ волынками и со всякими бесовскими играми» ополчается грамота царя Алексея Михайловича (1648 г.), называющая дом-

¹) Свидетельства, выписываемые здісь безъ точнаго обозначенія источниковъ уже приведены мною, съ указашемъ последнихъ, выше, въ разныхъ мѣстахъ

²) Срезневскій. Свід. и заміт. VH. 56: XLI, 34.

³) Паи. стар. русс. лит. IV, 203.

ры, сурны, гудки, гусли «бесовскими гудебными со- судами»; «а буде... учнутъ... скомрахи въ гусли и въ домры и въ сурны и волынки и во всякія бесовскія игры играть» читаемъ въ памяти митрополита Ростовскаго Ионы (1657 г.)¹); статья упомянутаго выше (стр. 131) рукописнаго сборника, какъ мы видели, называетъ скомороховъ и свирельниковъ волхвами бесовыми, слугами антихристовыми. «Умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви—читаемъ въ старинной рукописи—и собравъ беси—преобрази въ человека, и идяше въ сбore велице упестрене въ градъ и вси біяху въ бубны, друзій въ козици и въ свирели... Мнози лее оставилши церковь и на позоры бесомъ течаху»²). Преподобному веодосію Печерскому слышался, по словамъ его житія, «гласъ вопля великаго въ пещере отъ множества бесовъ», «аки не- кшмъ... въ тимпаны бщимъ, и инымъ въ сопели играющимъ и тако всемъ кличущимъ»³). Въ обоихъ последнихъ случаяхъ йграніе прямо приписывается бесамъ. Въ названномъ выше (стр. 17) требнике встречаются следующе вопросы священника на исповеди: «слушалъеси скомороховъ или гусельниковъ, или нель еси песни бесовскія или слушаль еси иныхъ поющіхъ?» доказывающее греховность поименованныхъ потехъ. Мы видели выше (стр. 158), что, по словамъ поученій, далее мзда, даваемая игрецамъ, считается жертвой дьяволу, следовательно тяжкимъ грехомъ: «за кую вину—вокликаеть авторъ слова о русаліяхъ—даєши сребро свое дьяволу въ жертву, велику пагубъ души своей творя, а дьяволу же радость»⁴).

Взглядъ на бесовскій характеръ музыки отразился и въ народной литературе. Въ былине о Садке, когда подъ звуки гуслей этого игреца расплясалось и разскакалось все подводное царство, расходилось бурное море, топило корабли безъ счету,—герою былины является старикъ «седа-

<) Акты (арх. эвен.). IV, № 98.

¹⁾ У Аеанасьева. Повт. возр. I, 332. — Ср. выше (стр. 90) объясненіе происхождения «Русалії, въ врологі XV столітів.

³⁾ Печер. Патер. 51.

⁴⁾ Пан. етап. русс. лит. I, 208.

тый» или «Никола Можайскій», или «старчще», и обращается къ нему съ такими словами:

сПолно теб' играть во гуселки яровчаты,
Полну губить людей безповинныхъ.
Отъ твоихъ отъ игоръ отъ бйсовскійхъ,
И отъ тыхъ отъ плясокъ нечестивыхъ,
Окіанъ сине море всколебалося» ').

Ограничусь приведенными примерами.

66- Пляски и пѣсни.

Несторъ, описывая нравы Радомичей, Вятичей и Севера, выражается такъ: «схожахуся на игрища, наплясанье и на вся б*совская игрища»; въ (Іофійской первой летописи читаемъ въ соотв*тствующемъ м*ст*): «схожахуся на игрища и на вся б*совская плясанія» ²⁾; въ від*ній Йсаакія б*сы прельщаютъ преподобнаго къ пляск* звуками музыкальныхъ орудій; въ былин* о Садк* вызванный игрою его пляски морского царя и его свиты называются б*совскими, нечестивыми; Христолюбецъ называетъ въ числ* б*совскихъ игръ не только гудете (см. выше стр. 160), но и плясаніе и п*сни мірскія (по другой редакції—п*сни б*совскія) ³⁾; точно такъ, по словамъ посланія митрополита Іоанна, оскверняеть чувства, кром* йгранія и гуденія, также нлясаніе; со-пели, гусли, п'єсни ненріязньский, нлясанья, плесканья (=рукоплесканія) собираютъ около себѣ студные б*сы», читаемъ въ слов* о русаліяхъ, тамъ яіе говорится о б*сахъ и ляшущихъ и скачущихъ, прельщающихъ и побуждающихъ къ тому же народъ, и дал*е: «велика бо радость совершается дьяволу плясанья и плесканья съ свир*лми» ⁴⁾; Памфиль ратуетъ противъ «неподоб-

¹⁾ Рыбниковъ. Пісвій. I, 369.

²⁾ Поли. Собр. Русс. Лет. I, 6; V, 85.

³⁾ Тионравовъ. Лѣтоп. русс. лит. и древ. IV. ш, 92.

⁴⁾ Нам. стар. русс. лит. I, 207, 208.

ныхъ игръ сотонинскихъ, плясанія и плесканія», противъ «всескверненыхъ песень», поющихся въ Ивановскую ночь; въ «повести о девицахъ смоленскихъ, како игры творили» (по списку XVII в.) говорится о бйсовскомъ сборищ¹⁾, неліпомъ и скверномъ на кануне Иванова Сдня, «эти окоянныя бесомъ научены были» ¹⁾; въ «соборномъ приговоре (1551 г.)» предписывается священникамъ, чтобы они удалялись отъ «хулныхъ потехъ», имеющихъ место тамъ, где находятся «гусли и прегудницы» ²⁾, и очевидно обозначающихъ пляски и песни; «всякое ск³⁾едіе творять и всякія бесовскія дела: блудъ, нечестоту, скворнословіе, срамословіе, песни бесовскія, плясаніе, скаканіе, гуденіе, трубы, бубны, сопели», читаемъ въ Домострое ³⁾; въ Стоглаве, въ памяти митрополита Іоны, въ указе патріарха Іоакима (1684 г.) и въ другихъ памятникахъ порицаются «бесовскія песни», «сатанинскія песни», въ грамоте царя Алексея Михайловича (1648 г.) «богомерзкія и скверныя песни»; «скоморохи и плясцы... ихъ же отрекоша святій апостоли», читаемъ въ поученій митрополита Данійла, повторяющаго далее слова св. Ефрема: «егда яге діаволь позоветь гусльми и плясци и песньми непріязненными. тогда мнози собираются на то» ⁴⁾. Въ одной повести XVI века разсказывается о бесе, явившемся старцу въ виде отрока въ скоморошеской одежде и начавшемъ плясать передъ старикомъ ⁵⁾. Въ стихе о страшномъ суде встречаемъ такое обращеніе къгрешникамъ: «вы въ гусли свирели играли, скакали, плясали—все ради дьявола» ⁶⁾. Еще въ 1684 г. патріархъ Іоакимъ, порицая святочныя увеселенія народа, восклицалъ: «плясаніе творять на разженіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грехопаденій» ⁷⁾.

Особенно преследуются некоторыми поучительными словами пляска ягенщины: «о злое проклятое плясаніе,

¹⁾ См. у Буслаева. Йсторические очерки русской народной словесности. 1861. II. Стр. 14—15.

²⁾ Акты (арх. эксп.). I, № 232.

³⁾ Гл. 8, стр. 16. ,

⁴⁾ Нам. стар. русс. лит. IV, 201, 203.

⁵⁾ Тамъ же: I, 202.

⁶⁾ См. у Аeanасьева. Поэт. возр. I, 348.

⁷⁾ Ср. выше стр. 87.

говорить одинъ проповідникъ, о лукавыя жены многовер-
тимое плясаніе! иляшуще бо жена—любод*йница дья-
воля, супруга ада, нев*ста сатанина». Даже смотреть
на пляски—гр*хъ; «не зрите плясанія и иныя б*сов-
скихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, дане пре-
льщени будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ б*сов-
скихъ, таковыя суть нарекутся сатанины любовницы». Въ
другомъ памятник* (рукоп. XVII в.) читаемъ: «многовер-
тимое плясаніе (женское) отлучаетъ человека отъ Бога
и во дно адово влечеть» ¹⁾. Въ повести о танцующей
д*виц* (XVII в.) рассказывается, какъ «д*вка н*кая»,
пребывавшая во дни святые «во играхъ, въ веселій, въ
танц*хъ», похищена была во сн* «отъ б*совъ» ²⁾.

вв. Переряжанія.

Несторъ къ дьяволъскимъ лестямъ причисляетъ и
русалія, въ которыхъ мы узнаемъ скоморошескія игры,
связанныя съ переряжаніемъ (ср. выше стр. 89 и сл.);
русаліямъ, по словамъ пролога XV в*ка, называются
игры, изобретенный б*сами въ образ* челов*ческомъ, изъ
которыхъ одни играютъ на музыкальныхъ инструментахъ,
а другіе над*ваютъ на лица скураты (маски); въ Сто-
глав* подъ «скаредными образованіями» ³⁾ в*роятно
должно понимать личины; святочная кобылка име-
нуется въ царской грамот* 1648 г. б*совскою; свя-
точная Нте игры наряженыхъ должно понимать не-
однократно подъ общими выраженіями: «б*совское д*й-
ство», «б*совская игралища и позорища» «со-
тонійскія игры», встречающимися въ разныхъ ста-
ринныхъ памятникахъ; «б*совское и кумирское ли-
чатъ, косматые и иными б*совскими ухищреными со-
д*янными образы над*вающе» говорить патріархъ Іоакімъ

¹⁾ См. у Аваиасьева. Поэт, воззр. I, 345.

³⁾ Гл. 92.

о святочныхъ ряженыхъ, прибавляя, что они «басовская игралища и позорища сод*ваютъ». Наконецъ, распространенное между набожными людьми понятіе, что надавать «харю» грешно и что единственное средство очиститься отъ грѣха—окунуться въ крещенскую прорубь поел* водосвятія,—понятіе это исходить изъ одного источника съ разъясненіемъ Нантского собора, по которому маски суть личины демоновъ ').

гг. Глумы, медвѣжья кокедія и проч.

Скоморохи—игрецы, глумцы и смехотворцы—неоднократно называются кощунниками, безчинниками, сквернословцами; представления ихъ, пронсходившія на торжищахъ, на распутіяхъ, на улицахъ и поляхъ, а равно и въ домахъ, называются позорами «отъ б*са замышленного дѣла» (Несторъ), «чудесами басовскими» (Христолюбецъ), «сатанинскими играми», «кощунами» (Ioасафъ) и т. п. Такія же выраженія относятся и до представленій медвѣжихъ поводчиковъ, и прочихъ иотѣпинъхъ представленій скоморошескихъ, дававшихся, по выражению духовныхъ писателей, «напакость слабымъ», «на вредъ простмшимъ».

') См. у Снегирева. Русс, прост, праздн. II, 33, 37. Я упоминаль уже выше (стр. 105) о томъ, что, подобно ряженнымъ, и такъ называемые халдеи должны были омываться крещенской водой: «Сказанные халдеи—нишеть Олеарий—во все времена ихъ потѣбъ въ біганья но городу, считаются какъ бы язычниками и нечистыми, такъ что если они умрутъ въ это время, то ихъ првнеляютъ къ осужденнымъ на вѣчное мученіе. Поэтому въ день Богоявленія (крѣщеніе), какъ вообще въ великий священный день, надъ ними совершается снова крѣщеніе, чтобы омыть ихъ отъ такой безбожной нечистоты и сдѣлать ихъ снова причастными церкви христіанской. Послѣ этого нового крѣщенія они опять делаются такъ же чисты и святы, какъ въ другіе. Иной такой молодецъ могъ поэтому креститься разъ 10, и даже болѣе». (Подр. опис. путеш. въ Москов. 315),

в. Скоморохи и ихъ слушатели на томъ свѣтѣ.

Соответственно всему вышеизложенному, участъ скомороховъ въ будущей жизни представлялась въ самыхъ безотрадныхъ краскахъ: «плясцы и свирелницы и гусленици и смычницы и смехотворны и глумословцы отъидутъ въ плачъ неутешный никогда ясе», говорить мнихъ Палладій въ слове о второмъ пришествій: въ изображеніяхъ страшнаго суда, по русскимъ подлинникамъ, плясуны являются повешенными за пупъ, а въ духовныхъ стихахъ плясуны и волынщики являются осужденными на повѣшеніе надъ каменными плитами и на гвоздѣ железнѣ, или «изыдуть—по словамъ стиха—смехотворны и глумословцы въ вечный плачъ» «И скоморохи и ихъ дело плясаніе и сопели, песни бѣсовскія всегда любя... вси вкупе будутъ во аде а зде проклятии читаемъ въ Домострое²); въ стихе о грешной душе говорится о разныхъ ея проступкахъ, между прочимъ и обѣ участій ея въ игрицахъ, за что она осуждается на вечныя муки:

По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всяkie игры много плясывала,
Самого сатану воснотьшинала...
Провалилася душа въ преисподній адъ,
Въкъ мучиться душі и не отмучиться³).

«Не люби игръ, да не обрящешся тамо съ бесовскими слугами — воскликаетъ митрополитъ Даншль— блюдися убо, и егда зде насеши терніе смехомъ и глумленіемъ, а тамо жнеши слезы и рыданіе»⁴), Столгавъ, порицая «всякое йграніе», прибавляетъ: «рече бо Господь: горе вамъ смеющимся ныне, яко возвыдаете и восплачуете»⁵). На старинной лубочной картинке изображается йстязаніе въ аду грешника, съ следующею под-

¹) Веселовскій. Розыск, въ обл. russ. дух. стих. VII

²) Гл. 26, стр. 73.

³) Твхорравовъ. Літ. russ. лит. в дрэв. I, 156.

⁴) Пан. стар. russ. лvt. IY, 203.

⁵) Гл. 92.

писыю, объясняющею содержаніе картины: «И рече сатана: любиль еси въ міре различный потехи, игры; приведите я;е ему трубачей. Беси же начата ему во уши трубить въ трубы огненныя; тогда изъ ушей, изъ очей, изъ ноздрей пройде сквозь пламень огненный...»¹). На другой народной картинкѣ изобраꙑена нагая женщина на драконѣ; въ объяснительномъ текстѣ* выписана исповедь этой «девицы» отцу ея духовному: «азъ есмь проклятая дщерь твоя духовная, видиши ли оче,... стрелы въ ушахъ за слушаніе песней б*совскихъ»²). Въ упомянутой выше (стр. 163) «пов*сти о девицахъ Смоленскихъ како игры творили», разсказывается, что Господь прислалъ къ нимъ св. Георгія, для увеіцеванія, «чтобы оне перестали отъ такого беснова'нья (игръ своихъ въ Иванонскую ночь); но оне нелепо ему возбраняли съ великимъ срамомъ. Тогда онъ проклялъ ихъ, и все оне тотчасъ же окаменели и доныне на поле томъ видимы, стоять, какъ люди: въ поученіе намъ грешнымъ, чтобы такъ не творили, да не будемъ съ дьяволомъ осуждены въ муку вечную»³)-

г. Презрите къ скоморохамъ.

При такихъ обстоятельствахъ естественно сложились народныя поговорки о скоморохахъ и ихъ ремесле, въ роде следующихъ: «Богъ даль попа, а чортъ—скомороха», «песня и пляска отъ сатаны», «скоморошья потеха—сatanе въ утеху», «ни Богу свеча, ни чорту дуда»—и т. п. Въ связи съ такимъ взглядомъ, даже атрибуты скомороховъ, т. е. музикальный орудія и «маски», служили посрамленiemъ для держащихъ ихъ.

Разгневанный на архіеніскопа новгородского Пимена

¹) Аeanасьевъ. Поэт, возр. 1,348.

²) Ровнисвій. Русс, граверы и ихъ произв. 139.

³) Буслаевъ. Ист. оч. russ. нар. слов. II, 14—15.

(въ 1570 г.), царь Иоаннъ Грозный, между прочимъ, подвергнуль его следующему поруганію: его посадили на белую кобылу, въ худой одежде, съ волынкою и бубномъ въ рукахъ, какъ шута и скомороха, и возили изъ улицы въ улицу. По словамъ Олеарія, царь Иоаннъ грозиль архіепископу, что определить его въ Москве «въ разрядъ волынщиковъ», чтобы онъ игралъ подъ пляски медведя. Ему связали ноги подъ брюхомъ лошади, на шею повесили лиру, цитру (гусли?) и волынку и въ такомъ виде заставили ездить по Новгороду, приказывая ему играть на волынке, хотя онъ и не умелъ этого²⁾). Нечто сходное повторилось въ Москве 36 летъ спустя. По убієнійлже-Дімітря (въ 1606 г.), обнаженный трупъ его чернь потащила кругомъ дворца на площадь; здесь положили его на столъ, а одинъ изъ бояръ бросиль ему на животъ маску, на грудь—волынку, а въ ротъ сунулъ дудку и притомъ сказалъ: «долго мы тешили тебя, ... теперь самъ нась позабавъ»³⁾). Я упоминаль уже о томъ негодованій, съ которымъ князь Репнинъ отвергъ предложеніе Иоанна Грознаго, надеть на лицо свое машкару: «онъ же отверже ю—пишеть князь Курбскій—и потопталъ и рече: не буди ми се безуміє и безчніє сотворити, въ советническомъ чину сущу мужу»⁴⁾). Презреніе Иоанна Грознаго къ скоморохамъ и близко родственнымъ имъ шутамъ, которыми онъ тѣмъ не мене любилъ окружать себя, видно изъ следующаго рассказа: однажды, недовольный какою-то шуткою одного изъ нихъ (князя Осипа Гвоздева), царь сперва вылиль на него мису горячихъ щей, а потомъ ударилъ его ножемъ: «исцели слугу моего доброго», обратился онъ вследъ за тѣмъ къ доктору Арнольфу, но тотъ могъ лишь удостоверить смерть Гвоздева. Царь махнулъ рукой, назваль мертваго шута псомъ и продолжалъ веселиться⁵⁾). Маскевичъ въ своихъ запискахъ (подъ 1611 г.) свидетельствуєте, что русскіе бояре надъ западными танцами смеются, «считая неприличнымъ плясать честному человеку... Честный че-

¹⁾) Карайзивъ. Ист. гос. росс. IX, 89.

²⁾) Подр. оїВС. цутеш. въ Москов. 79.

³⁾) Сказ. соврем. о Дмитр. Самозв. I, 79; III, 159- IV, 175

⁴⁾) Сказавія. 81.

⁵⁾) Карамзівъ. Ист. гос. росс. IX, 97.

лов^{*}къ—говорять они—долженъ сидеть на своемъ м^{*}ст^{*} и только забавляться кривляніямъ шута, а не самъ быть шутомъ для забавы другого,—это не годится»¹⁾. «Они (русскіе бояре) не любятъ пляски (т. е. не любятъ сами плясать) и думаютъ, что она унизительна для ихъ важности», пишетъ англичанинъ Коллинсъ, бывшій врачъ царя Алексея Михайловича²⁾). И такъ, занятіе скоморошествомъ, т. е. игрою на музыкальныхъ инструментахъ, п^{*}ніемъ, пляской, глумотворствомъ и см^{*}хотворствомъ, признавалось ремесломъ безчестнымъ, унизительнымъ.

Въ описаній Русскаго Государства въ половинѣ XVII вѣка (Юрія Крыжаница) встрѣчаемъ перечисленіе «дурныхъ сословій людей»; тутъ, между прочимъ, поименовываются музыкальные и другіе искусствники, представители разныхъ отраслей скоморошества: «игроки, борцы, фокусники, канатные плясуны, бандуристы, и всѣ музыканты, незнагоціе музыки военной и художественной³⁾). Скоморохи, въ особенности въ XVII столѣтій, отлучались отъ церкви, подвергались проклятию; отъ нихъ, какъ и отъ волхвовъ, чародѣевъ и т. п. людей, вмѣстѣ со скоморохами проклинявшимся и отлучавшимся отъ церкви, запрещалось даже принимать дары въ церковь: въ одномъ изъ поученій священнослужителямъ, изъ временъ царя Іоанна III, находимъ наставленіе: «приноси не приноси на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ еретиковъ, развратниковъ, воровъ... волхвовъ... «игрецовъ» и т. д.⁴⁾; «скоморохи и ихъ дѣло... будутъ... проклятии», по словамъ Домостроя⁵⁾; «да будетъ отлученъ обавникъ, чародѣй, скоморохъ, узольникъ» говорится въ посланій неизвестнаго епископа. Въ статьѣ одного рукописнаго сборника налагается проклятие на гусли, домры, сопѣли, бубны⁶⁾ скомороховъ и свирѣльниковъ: «сій вси волсви плотяные бѣсовъ и слуги антихристовы,

¹⁾ Сказ. совр. о Дмитр. Самозв. V, 41—42.

²⁾ Чтенія въ Имя общ. ист. и древ. росс. при Моск. Унів. 1846. III. Нынѣшнее состоішie Россія. Гл. 6).

³⁾ «Русская Бесѣда» 1859 г. Првл. въ № 4.

⁴⁾ См. у Соловьева. Истор. Росс. V, 245.

⁵⁾ См. выше, сгр. 166.

и сіе творяще да будуть проклята»¹⁾). Въ памяти митрополита Іоны запрещаются скоморошескія игры, и въ заключеніе говорится, что если игры эти еще будуть продолжаться и люди будут принимать къ себѣ въ дома поименованныхъ потѣшниковъ, то «тѣмъ людемъ и скомрахомъ и медвѣжымъ поводчикамъ быть отъ него святителя въ великомъ смѣреніи и наказайій безъ пощады и во отлученій отъ церкви»²⁾). Во всѣхъ этихъ отногающихся русскіе игрецы и смехотворцы испытывали сходную, но все-таки далеко не столь горькую участъ, какъ современные имъ западные собратья ихъ по ремеслу, шпильманы и жонглѣры, еще более униженные, поруганные и опозоренные отвергавшимъ ихъ обществомъ³⁾)

место скомороховъ на княжескихъ пирахъ, по словамъ былинъ, было также не особенно почетное: обыкновенно они помещаются «на печке, на запечке». Добрыня, нарученный скоморохомъ, здоровается съ княземъ Влади- міромъ и спрашиваетъ его:

«Скажи, где есть наше мѣсто скоморошское?»
Съ сердцемъ говорить Владіміръ столично-кіевскій:
Что ваше мѣсто скоморошское
На той печкѣ на муравленой,

¹⁾ См. у Аванасьева. Поэт. возр. I, 344-345.

²⁾ Акты (арх. эксп.). IV, № 98.

³⁾ Въ Византій мімъ и мима, потѣшникъ и потѣшница, ожівившіе народный игрища, представители народного веселы, по словамъ проф. Бесселовского, и противополагались: первый, какъ изычникъ—полноправнымъ гражданамъ!, вторая, какъ непременно блудница,—свободной женщине: «они лишены были права наследства, права быть свидѣтелями на суде; скиникамъ не было выхода изъ ихъ звания, приходилось умирать въ немъ, церковь неохотно пріюбіцала ихъ къ своимъ таинствамъ, отказывала въ предсмертномъ напутствій, светская власть призывала ихъ къ участію въ обрядѣ казни, со целью усилить ея позоръ элементомъ площаднаго глузденія... Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ міре, церковь явилась открытымъ! врагомъ шпильмана, званіе которого причислялось къ крайне греховнымъ. Она громила его своею проповѣдью, постановленіемъ соборовъ, не допускала до прічастій и лишь въ исключительныхъ случаяхъ дозволяла ему пріюбіцться христовыхъ тайнъ, подъ уговоремъ! не заниматься своими ремесломъ за две недели до прічастія и столько же спустя. Определенія светскаго закона не отставали отъ церкви: сакоиское зерцало признаетъ шпильмановъ безправными, лишаетъ ихъ права наследства. Швабскій кодексъ въ случаѣ оскорбліенія вѣмъ-нибудь шпильмана, предоставляетъ! последнему, въ удовлетворено свое—ударить тень обидчика. Право города Гайлбурга еще сильнее поглумилось надъ обиженный шпильманомъ: кто ударить его, не платить за то никакой цени на суде ни обиженному, которому можетъ дать еще три удара сверхъ прежнихъ!, и т. п. Грозыкъ въ обл

На муравленой печки на запечки.
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На туу па печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки волоченыя,
Учель по струночкамъ похаживать,
Учель онъ голосомъ поваживать ').

Въ другомъ пересказѣ Владіміръ уже безъ сердца ука-
зываєтъ то-же место Добрыні-скомороху. Говорить Добрыня

«Солнышко, князь столично-кіевскій!
«Нѣтъ ли мѣстечка немножечка
«Малой скомороншнї,
«Поигратъ въ гуселышки яровчаты».
Говорить какъ солнышко князь столично-кіевскій:
Ай же ты малый скоморошина!
Всѣ мѣстечки позасяжены:
Есть на печкѣ муравленой
Мѣстечка немножечко.
Тутъ то Добрыня на ножку легохъ-то быль,
Подскочилъ онъ на печку муравлену ').

Въ третьемъ пересказѣ Владіміръ предлагаете Добры-
не-скомороху три мѣстечка: одно противъ стола, другое
противъ себѧ (князя), а третье—«на печке на земляныя».
Добрыня яге, очевидно избравъ обычное «место скомо-
рошское», «скочилъ на печку на земляную ').

У простыхъ людей скоморохи принимались съ боль-
шимъ почетомъ. Терентьева жена обращается къ зазван-
нымъ ею «веселымъ молодцамъ» съ приглашениемъ сесть
на лавочки:

Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы ').

Народъ обращается съ ними запанибрата: «веселые»,
по словамъ песни, отыскивая себе ночлегъ, заходятъ къ

') Рыбниковъ. Пѣсн. I, 136.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 44—45.

') Рыбниковъ. Пѣсн. II, 30—31.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 1029:
— Только мѣстечка да на печи печв,
— На нечи печи, да на нечномъ стодѣ.

*) Рыбниковъ. Пѣсн. I, 144.

К. Даниловъ. Древ. росс. ствх. 13.

старой баб!; одинъ играетъ, другой пляшетъ, а третій, по видимому, безцеремонно располагается будто бы спать ').

Впрочемъ, презрительное отношеніе народа къ отвергнутымъ обществомъ пот'ышкамъ-скоморохамъ, кроме приведенныхъ выше (стр. 167) нелестныхъ для нихъ народныхъ поговорокъ, выражается, напр. и въ народной картинкѣ⁴(изъ первой половины XVШв.), изображающей по'ездъ «Масляницы»: маслянице на картинке предшествуютъ четыре музыканта (скомороха), йграюціе на гудке, дудке, волынке и чекане. Первые два идутъ пешкомъ, а последние изображены верхомъ на свиньяхъ; подъ картинкой подписаны слова: «переднею (=масляницею) скачут на свиньяхъ верхами сразными музыки и гудками »²). Всадникъ на свинье во всякомъ случаѣ представляетъ фигуру, способную вызывать лишь презрительный смехъ окружающей толпы. Въ XVI столетій скоморохи, какъ мы видели выше (стр. 142), ходятъ большими толпами, часто насильно играютъ въ деревняхъ и насильно едятъ и пьютъ, и даяіе обворовываютъ и грабятъ жителей. Противъ такихъ нахальныхъ нашествій народъ, именно въ XVI столетій, ограждался многочисленными грамотами, запрещавшими скоморохамъ совершаѣть насильственный посещенія. Впрочемъ, въ качествѣ людей, занимавшихся «безчестнымъ» ремесломъ, инадѣ скоморохами иногда производились насилия со стороны людей «честныхъ», злоупотреблявшихъ нерасположеніемъ къ скоморохамъ властей, а следовательно и невозможностью находить имъ себѣ защиту. Такъ въ 1633 г. били государю челомъ скоморохи князя И. И. Шуйского (Павлушка Зарубинъ, да Вортышка Михайловъ, да Конашка Дементьевъ) и князя Д. М. Шарского(бедька Степановъ, сынъ Чечотка) на приказнаго села Дунилова, Ондрея Крюкова, да на его людей, въ томъ что, когда чelобитчики пришли въ Дунилово «для своего промыслишку и съ ходьбы къ нему, Ондрею явились», то Ондрей ихъ, «сиротъ, зазвалъ къ себѣ на дворъ и, зазвавъ, заперъ въ баню и, заперши, выму-

¹⁾ См. выше стр. 141.

²⁾ Ровицкій. Русс. нар. парт. I, 301.

чиль у нихъ, сиротъ, у Павлушки 7 рублевъ, у ведъки 25рублевъ, да Артюшкиныхъ денегъ 5 рублевъ...»¹. Подобные случаи «вымучиванія» у презрѣнныхъ скомороховъ собранныхъ ими денегъ «честными», т. е. не занимавшимися скоморошескимъ промысломъ, людьми — вероятно повторялись неоднократно, тѣмъ болѣе, что даясѧ оффіціальными грамотами въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрешалось, а иногда и приказывалось, не только выгонять непрошенныхъ гостей-скомороховъ, но даясѧ бить и грабить ихъ; такъ напр. приговорною памятю монастырского собора Троицкой лавры (1555 г.) предписывалось «скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонь»²).

¹) См. у Аваиасьева. Поэт, воззр. I, 346—347.

²) Акты (арх. эвсп.). I, № 244.

Конецъ скоморохамъ.

Мы рассмотрели разностороннюю деятельность скомороховъ. «Великая игра», заключавшаяся въ сопровождаемомъ звуками гуслей, пѣти песень, «про старыя времена и про нынешнія», про далекія страны, про подвиги прославленныхъ князей и витязей, — песень содержанія серьезнаго, сказочнаго, иногда и шуточнаго,— «великая игра», главнейшимъ представителемъ которой былъ древній «гораздый гудецъ» Киевскій, веіцій песнотворецъ Боянъ, прославлявшій дбята князей и героевъ, процвѣтала въ рукахъ какъ профессиональныхъ гусельниковъ-скомороховъ, такъ и игроковъ • друянниковъ, при княжескихъ дворахъ. Преемниками этихъ древнихъ певцевъ-гусляровъ, историческія сведенія о которыхъ после XI века почти вовсе умолкаютъ—йсключеніе составляете лишь летописное йзвестіе о «словутномъ» певцемитусе (ХІІІ в.) выявляются въ XVI и XVII векахъ царскіе бахари, домрачи и гусельники, которые для развлеченія царя, царицы и ихъ приближенныхъ сказываютъ сказки (сказки-былины?), поютъ песни и играютъ на домрахъ и гусляхъ, т. е. исполняютъ то-же, что и древніе гусляры - скоморохи, «иже басни бауть и въ гусли гудутъ», по выражение Кирилла Туровскаго (XIII в.). Песни «умильные», соответствующая Добрынину пенію «по уныльному, по умильному», въ позднейшихъ былинахъ получають название песенъ царскихъ, какъ и чудесныя, пленительныя песни райской птички именуются «царскими» (см. стр. 53—54). Въ теченій XVI и въ особенности XVII века все более и более обнаруживается, какъ уясе замечено

было мною раньше, иноземное вліяніе на характеръ и составъ царскихъ музыкальныхъ пот*хъ. Появляются при царскомъ двор* органы, клавикорды, скрипки, цимбалы, заводятся хоры трубной музыки; наконецъ, - при Алекс** Михайлович* открываются театральный представенія съ оркестровой музыкой. Придворные бахари, домрачей и гуслевники исчезаютъ и только уже позже, въ XVIII стол*тій, какъ бы въ зам*нъ ихъ, появляются иногда при русскомъ двор* малорусскіе бандуристы, восп*ваюціе уже поздн*шія события изъ йсторії казачества, т. е. уже изъ временъ христіанскіхъ. Древнее-же искусство п*нія или сказанія старины, центромъ которой продолжаетъ преимущественно служить окруженный богатырями «князь Владміръ стольно-кіевскій», не исчезло: на далекихъ, глухихъ с*верныхъ окраинахъ земли русской до сихъ поръ звучить эта н*сня, конечно видоизм*ненная подъ вліяниемъ иныхъ временъ и обстоятельству но несомн*нно близко роднящаяся съ древнимъ п*сон*ніемъ гусляровъскому ороховъ; расп*ваютъ, «сказываютъ» ее, но уже безъ сопровожденія гуслей, старики п*вцы или «сказители» былинъ, изъ усть которыхъ удалось записать ихъ, спасти отъ совершенного забвенія, ув*ков*чить, н*которымъ любителямъ и почитателямъ русской старины *). Значительная доля такихъ п*сень дошла до нась и въ сборник* «Древнія русскія стихотворенія К. Данилова», открытомъ въ вид* рукописи въ средин* прошедшаго стол*тія.

Впрочемъ, не при однихъ княжескихъ и царскихъ дворахъ звучала въ старину эта «великая игра», но и въ сред* частныхъ, преимущественно знатныхъ, богатыхъ лицъ. Мы вид*ли выше, что богатый гость Соловей Будміровичъ самъ играетъ, окруженный своею дружиною (гостями-корабельщиками и ц*ловальниками); другой богатый гость, Садко, также играетъ среди своей дружины, своихъ «наемыхъ людей» («ц*ловальниковъ и прикащиковыхъ»): когда выпадаетъ ему злополучный жребій, то онъ,

) Си. неоднократно цитированные мною выше сборники былинъ Кириевскаго, Рыбникова) Гильфердинга.

— 176 —

прежде гъмъ броситься въ море, обращается къ «своимъ братцамъ», къ «дружинъ хороброй»:

Подайте гуселки яровчаты
Поиграть-то мнъ въ остатнее...

На пиру, за «великимъ столомъ» у князя Михаила Васильевича Скопина поется слава хозяину пира, а саму былину о подвигахъ и смерти Скопина поютъ «веселые молодцы», соединяющее свое повествование со славлешемъ того «боярина великаго», того «хозяина ласковаго», у которого, «сидючи въ бесѣдѣ смиренныя», они «испиваютъ медъ, зелено вино». Ладожскіе музыканты (скоморохи), которыхъ слышалъ Олеарій, нѣй о великомъ царѣ Михашгѣ бедоровичѣ за столомъ приезжихъ пословъ. Я упоминаль выше о томъ, что, какъ у царей Иоанна Грознаго, Василія Шуйскаго, Михаила Оеодоровича, были свои сказочники-бахари, преемники древнихъ сказителей старины—скомороховъ, такъ держали бахарей изажиточные частные люди, даже еще въ началѣ!; нынѣ столітія; разумеется, бахари-холопы эти представляли собою измельченный типъ прежняго сказителя-гусляра,—дѣло ихъ было: то развлекать, то усыплять своего господина и въ послѣднемъ случай сходствовало, сближалось съ холопскою-же обязанностью чесать господскія пятки на сонъ грядуїй, практиковавшееся во времена крѣпостного права. Какъ при царѣ Михашгѣ ведоровичѣ состояли иѣвцы и игрецы: домрачей и гусельники, при Алексѣѣ Михайловичѣ[^] исчезнувшіе, а въ послѣдствій замѣнившіеся малорусскими бандуристами, такъ и въ богатыхъ частныхъ домаахъ, именно въ теченій XVII столітія встречаются гусельники (вспомнимъ «новость о прекрасномъ Девгеній», «притчу о старомъ мужі; и молодой дѣвицѣ») и позясе, въ XVIII вѣкѣ, — бандуристы. Какъ при царскомъ дворѣ, начиная съ конца XV и въ теченій XVI XVII и слѣдующихъ столітій, состояли игроки на разныхъ иноземныхъ инструментахъ (органахъ, клавикордахъ, скрипкахъ, цимбалахъ) и, начиная съ XVII вѣка, цѣльные хоры музыкантовъ: трубниковъ, сурначеевъ, накрачеевъ и т. п., такъ и въ частныхъ домаахъ, именно въ XVII вѣкѣ заводились подобныя-же потѣхи: вспомнимъ музыку и му-

зыкантовъ боярина Никиты Ивановича Романова, друга немцевъ, устроивавшаго свои музыкальный потехи на нѣмецкій ладъ; всномнимъ дворовыхъ людей боярина Артемона Сергеевича Матвеева, участвовавшихъ, вместе съ призжими немцами, въ первыхъ придворныхъ театральныхъ представленіяхъ при Алексѣ Михайловичѣ*, вспомнимъ игру трубниковъ, сурначеевъ, набатчиковъ и пр., игравшихъ на пирахъ въ повести о прекрасномъ Девгений, въ притчѣ* о старомъ муже и молодой девице, въ былинѣ «Никите Романовичу дано село Преображенское». Съ конца XVII столетія постепенно заводятся разными знатными людьми свои музыканты и оркестры, существовавшіе при дворахъ иекоторыхъ вельможъ даже до середины нашего века.

Все только что перечисленныя музыкальныя потехи едавали въ состояній были - бы вызывать серьезные протесты со стороны не только светскихъ, но и духовныхъ властей, кроме разве порицанія со стороны последнихъ, основанного на воспринятомъ духовенствомъ изъ Византій убежденій въ греховности занятія музыкой вообще. Действительно, изъ приведенныхъ выше свидетельствъ мы видимъ, что преп. беодосій лишь съ некоторымъ намекомъ укоризны отнесся къ играмъ и песнямъ, происходившимъ при дворе князя Святослава: «Такъ-ли будетъ на томъ свете?» Вотъ все, что проговорилъ беодосій, заставшій эти игры въ полномъ ихъ разгаре. Далее мы встретили рядъ предпісаній лицамъ духовнаго званія, удаляться отъ трапезъ, где бывають гуденіе или «йграніе» на инструментахъ. Но действительно заслуживало порицанія и запреіценія йграніе, сопровождавшее попойки и оргій, въ особенности раздававшееся въ праздничные дни на улицахъ и площадяхъ, или въкорчмахъ, среди народной толпы; здесь оно въ большинстве случаевъ вызывало и «проклятое», «многовертиное нлясаніе», которое, не удерживаясь въ границахъ благопристойности и прилічія, нередко переходило въ цшческія, соблазнительныя телодвіженія; йграніе вызывало здесь и песни плясовыя и разгульныя, легко переходившія въ «сквернословіе» или «срамословіе». Все это опять связывалось съ переряживашемъ, глумлешемъ, «позорами», также обыкновенно далеко нересту-

павшими границы пристойности, связывалось съ разгуломъ толпы, пьянствомъ и безчitemъ, нарушавшими правильное теченіе жизни, оскорблявшими нравственное чувство. Въ упомянутомъ выше (стр. 92) слов* «о корчмахъ и о пьянств*» изображается йграніе, п*ніе и скаканіе кощунниковъ-скомороховъ передъ собравшимися «къ пйтю пьянственному» мужчинами и женщинами: «сія-же зряще жены — продолжаетъ авторъ слова — и уже с*дять отъ піанства аки обуморены. Кр*пость бо трезвеная изсяче и будетъ ей жел*ніе катанискому йгранію. Мужу-же ея такоже ослаб*вшу и бываетъ с*мо и овамо очима согляданіе и помизаніе. И кійждо мужъ чужей ясен* пйтіе даетъ съ лобзаніемъ и ту будетъ и рукамъ пріятіе и зложайнымъ речемъ спл*теніе и связь діавола...». Вотъ такого-то рода нграніе, п*ніе, плясаніе и глумленіе, возбуягдавшія и разжигавшія пьяное веселье толпы или вообще пирующихъ, издавна стали вызывать справедливыя порицанія со стороны принадлеясавшихъ преимущественно къ духовному чину писателей, вид*вшихъ въ этихъ д*йствіяхъ остатки «поганства», т. е. язычества, источникъ безнравственности, причину духовнаго паденія и гибели народа, служеніе дьяволу, дьявольскія лести, называвшихъ ихъ б*совскими, катанискими, богомерзскими играми и п*снями, б*совскими кощунами и т. п. Т*мъ не мен*е, однако, порицанія духовенства въ теченій многихъ в*ковъ оставались гласомъ воціоцаго въ пустын*: и народъ и вельможи любили своихъ пот*шниковъ-скомороховъ и продолжали забавляться и ут*шаться ихъ играми. Порицанія духовныхъ лицъ не находили себ* серьезной поддержки со стороны св*тскихъ властей до т*хъ поръ, пока представители этихъ б*совскихъ кощуновъ, глумовъ, и игръ—скоморохи—не стали наносить уже существенного, материальнаго ущерба жителямъ страны, пока они не стали соединяться ватагами и не только соблазнять и прельщать толпу своей разгульной игрой, своими нер*дко безчинными, не-пристойными «позорами», гдумами, п*снями и плясками, но даже насильно вторгаться во дворы и дома жителей деревень, сель и городовъ, насильно же пить и *сть у дихъ, воровать и грабить. Таковыми рисуетъ ватаги скомороховъ Стоглавъ, таковыми были он* в*роятно уже и

въ ХТ р/furf;, такъ какъ съ этого столітія світскія власти начинають ставить преграды ихъ алчности и нахальству, сперва ограждая особыми грамотами, въ видѣ чрезвычайной привилегій или льготы, тѣ или другія селенія, ту или другую волость, отъ насильственнаго нашествія скомороховъ, а затѣмъ постепенно принимая уже болѣе широкія мѣры противъ скоморошества вообще. Но и эти грамоты и указы въ общемъ ймѣлъ мало успеха и широко распространившагося зла не искореняли. Только со временемъ царя Михаила Эеодоровича власти начинаютъ действовать противъ скомороховъ съ большею энергию. Со вступлениемъ-же на царскій престоль Алексея Михайловича, который, подъ нанливомъ благочестія, съ омерзеніемъ относился ко всякаго рода отечественному скоморошеству, даже на собственной своей свадьбе отмѣнилъ трубную музыку, замѣстивъ ее нѣніемъ духовныхъ стиховъ,—который, удаливъ отъ своего двора баҳарей, домрачеевъ и гусельниковъ, на мѣсто ихъ иоселилъ во дворцѣ такъ называемыхъ «верховыхъ нищихъ» занимавшихъ его пішемъ духовныхъ стиховъ,—со вступлениемъ Алексея Михайловича на царскій престоль началось усиленное преслѣдованіе и коренное йстребленіе скомороховъ и ихъ игръ, подкрепляемое строгими наказаніями послушниковъ царскаго слова.

Прослѣдимъ главнѣшія изъ вышеупомянутыхъ запретительныхъ грамотъ и постановленій въ хронологическомъ ихъ порядкѣ. Въ 1470 г. выдана жалованная грамота о томъ, чтобы въ И nobожскихъ селахъ Троицко - Сергиева монастыря княжескіе Ездоки не ставились,, «также и скоморохи у нихъ въ тѣхъ селахъ не играли». Въ уставной грамотѣ 1506 г. читаемъ: «а скоморохомъ у нихъ (Артемоновскаго стана крестьянъ) въ волости играть (волостель?) не освобождается». Въ другой уставной грамотѣ отъ 1509 г. предоставляется ловчemu и его туну не допускать въ Бобровыхъ деревняхъ насильственной игры скомороховъ безнаказанно выгонять ихъ:«кто ихъ(скомороховъ) пустить на дворъ добровольно, и они тутъ играютъ; а учнутъ у нихъ скоморохи но деревнямъ играть сильно,

и они ихъ изъ волости вышлють вонъ безненно». Жалованная грамота великаго князя Василія Ioannovича 1522 г. освобождает монастырскія села и деревни въ Углицкомъ у*зд* отъ пошлины и отъ игры скомороховъ: «скоморохомъ (въ т*хъ деревняхъ) не играть; а учнутъ у нихъ... скоморохи играть, и язъ т*хъ вел*ль имати и давати на поруки, и ставити передъ собою, Великимъ Княземъ». Въ уставной Онежской грамотѣ 1536 г. читаемъ: «а скоморохомъ у нихъ въ волости сильно не играть; а кто у нихъ учнетъ въ волости играть сильно, а старосты и волостные люди вышлють ихъ изъ волости вонъ, а пени имъ въ томъ н*тъ». Въ уставныхъ и жалованныхъ грамотахъ 1544 г. (Звенигородского у*зда, дворцового Андреевскаго села крестьянамъ), 1548г. (Троицкому Сергиеву монастырю), 1554 г. (дворцовыхъ Aoанасьевскаго и Васильевскаго села крестьянамъ) повторяются такія - лее прыйллегій, ограждавшія даннія селенія отъ насильственной игры скомороховъ. Наконецъ, въ приговорной грамотѣ монастырскаго собора Троицкой Лавры 1555 г. (см. выше стр. 154) уже подъ угрозою пени запрещалось дерлсать въ волости скомороховъ, а равно предписывалось и «прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать»¹). Повторяю, что во вс*хъ данныхъ случаяхъ лишь отд*льныя местности ограждались отъ непрошеннаго пос*щешя и игры, словомъ, отъ нашествія ватагъ скомороховъ. Въ постановленіяхъ Стоглаваго собора находимъ уже бол*е обіція запрещешя, отчасти направленныя противъ оскорбительного для религіознаго чувства вторженія скоморошескихъ игръ въ религіозныя д*йствія, отчасти—противъ гуденія, йгранія, глумленія ит. п. вообще: такъ Стоглавомъ предписывалось священникамъ, уб*ждать духовныхъ д*тей своихъ, чтобы они отстраняли скомороховъ отъ свадебныхъ по*здовъ. гд* скоморохи шли рядомъ со священникомъ; также отъ вторженія б*совскихъ игръ скоморошескихъ въ обрядъ поминовенія усопшихъ. Вотъ эти ностановленія Стоглава: «Къ в*нчанію ко святымъ церквамъ скоморохомъ и глумцомъ предъ свадбого не ходити и о томъ священникамъ такимъ запрещати съ великимъ запрещешемъ, чтобы

¹) Акты (арх. эксп.). I, 86, 144, 150, 171, 181, 201, 217, 240. 244

такое безчиние никогда не именовалося¹). «Скоморохомъ и гудцомъ и всякимъ глумцомъ запрещали (бы пасомые) и возбраняли, чтобы въ те времена коли родителей поминаютъ православныхъ хрестьянъ не смущали и не прельщали тізмъ басовскими своим играми.»²) Въ другомъ месте Стоглава читаемъ: «праздность бо и пьянство и йграніе всему злу начало есть и погубленіе веліе; сего ради отрицаютъ вся божественная писанія и священныя правила всякое йграніе... и гусли и смыки и сопели и всякое гуденіе и глумленіе и позорище и плясаніе»³). «Бога ради, Государь, вели ихъ (скомороховъ) извести, кое бы (= чтобы) ихъ не было въ твоемъ царстве, и тебе, Государю, въ великое спасете, аще бессовская игра ихъ не будетъ», писалъ Иоанну Грозному митрополитъ Ласафъ⁴). Но царь самъ пиль и плясалъ въ машкарахъ со скоморохами, самъ посыпалъ по городамъ и селамъ набирать медведей и скомороховъ для своей потехіи, самъ, въ утеху немецкимъ гостямъ, устраиваль безстыдныя скоморошы пляски, а потому и постановленія стоглаваго собора противъ скомороховъ оставались столь-же безуспешными, какъ и прежнія порицанія скоморошескихъ игръ, которыми продолясали тешиться народъ на улицахъ и площадяхъ, а знатные люди—въ своихъ домахъ и дворахъ.

Въ царствованіе Михаила бедоровича начинается уже более серьезное преследованіе безчинныхъ игрищъ, заключавшихся въ скоморошескихъ играхъ и позорахъ, медвежьей комедій, кулачныхъ бояхъ, разгуле и пьянстве. Въ 8-ой дополнительной статье къ судебніку (1626 г.) чи-

¹) Гл. 41, вопр. 16.

²) Гл. 41, вопр. 23. — Ср. тамъ-же: вопр. 24, запреіеніе, чтобы въ навечерія Рождества Христова и Крошениі Христова, т. е. въ сияткахъ, когда происходили позорища скоморошескія, неряжіванія и прочія вечерпія и почныя увеселія, также и «о Ивановъ дні», мужи, жены и діти «кнанощное плеіцеваніе и на безчинный говоръ и на бісовскія пісні и на плясаніе и на скаканіе и на многая богомерзовая діла не сходилися и таковыхъ бы древнихъ бісованії еллинскихъ не творили и въ конецъ престали».

³) Гл. 92.—Слѣдуетъ заметить, что въ данномъ случаѣ имеются въ виду всякія игры народныя, въ Ивановскую ночь, на рождественсквхъ сияткахъ, въ Петровское заговеніе,—игры, различныя по своему характеру, такъ какъ онъ болѣе или менѣо собразовались съ характеромъ народнествъ, въ старину отиравдавшихся, отчасти и нынѣ отиравляемыхъ народомъ, согласно древнимъ, еще не умершимъ въ вѣмъ языческвмъ преданіямъ. Праздники эти и связанные съ ними народные обряды разматриваются мною во 2-мъ выпускѣ сочиненія «Вож. древ. Славянъ».

<) Стоглавъ. Гл. 100.

таемъ: «Государь Царь и Великій Князь Михайло ведоровичъ всеа Русій указаль: послать бирича кликатъ въ Кита* и въ Б*ломъ Каменномъ город*, по торгомъ, и по большимъ улицамъ и по крестцомъ, и по переулкомъ и по малымъ торжкамъ, не по одинъ день, чтобъ впередъ за Старое Ваганково, никакие люди не сходились на безл*пицу николи; а будетъ учнуть ослушаться и учнуть на безл*пицу ходить, и Государь указаль т*хъ людей имать и за ослупіанье бить кнутомъ ио торгомъ. И на Новую Четверть о томъ память послана, чтобъ на безл*пицу, за Ваганково, съ кабацкимъ питьемъ не въ*зягали» *). Въ чёмъ именно заключалась эта столь строго наказуемая «безл*пица», ясно не видно, нов*роятно подразум*вались зд*сь народныя игрища, воодушевляемый упоминаемымъ данною статью «кабацкимъ питьемъ». Подтверя;деніемъ такому толкованіго въ настоящемъ случа* слова «безл*пица» можетъ служить другая, аналогичная дополнительная къ судебнику статья (32-ая) отъ 1640 г.: «Государь Царь и Великій Князь Михайло бедоровпч' всеа Русій указаль: которые всякие люди учнуть биться кулачки въ Кита*, и въ В*ломъ Каменномъ город*, и въ Земляномъ город*, и т*хъ людей имать и приводить въ Земской Приказъ, и чинить наказаніе» ²). Зд*сь «безл*пица» и кулачный бой пресл*довались и запрещались царскимъ указомъ улсе подъ страхомъ строгаго наказанія. Слідунпція слова патріарха Филарета какъ бы иллюстрируютъ только что упомянутую «безл*пицу»: ратуя противъ святочныхъ переряживаній и игрищъ, патріархъ въ 1628 г. указалъ «кликатъ биричю по рядомъ, и по улицамъ и по слободамъ и въ сотняхъ, чтобы съ «кабылками» не ходили и на игрища бѣ мірскіе люди не сходились, т*мъ бы смуты православнымъ крестьяномъ не было и коледу бы и овсения и плуги не кликали» (т. е. не п*ли бы святочныхъ колядокъ и авсеневыхъ п*сень)³). Въ тоясе приблизительно время, ополчается противъ «сотонинскихъ игръ», плясокъ ирукоплесканій преемникъ патріархъ Тоасафъ. Въ памя-

¹) Акты истор. (арж. комм.1 Ш, № 92, VIII, стр. 95.

²) Тамъ же: XXXII, стр. 108.

³) Тамъ же: x, стр. 90.

ти, писанной по его указу въ 1636 г., патріархъ сйтуетъ на то, что «вместо радости духовной, воздѣланіе творять радости басовской и воспріймш непріязнственные праздники, еже суть угодное дьяволу творяще и ходяще по воли сердецъ своихъ, ходяще по улицамъ въ народіз безчинствующе; пьянствующе, наругающеся праздникомъ святыиъ Вожшмъ, вместо духовнаго торягества и веселія воспріймш игры и кощуны б15совскія, повеліваюіце медв^дчикомъ искоморохомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сотонійскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурны рев'ти, и руками плескати и плясати и иная неподобная дѣти». Далізе патріархъ приказываетъ грамоту эту (въ которой предписывается также хранить благочайніе въ церковной службѣ) «почасту» читать старостамъ поповскимъ и попамъ и наказывать имъ накрепко, чтобы они «приходящихъ ко святымъ Божшмъ церквамъ православныхъ хритаиъ учили страху Божію и всякому благочайнію (т. е., мяегду ирочимъ, и воздержанію отъ вышеноименованныхъ игръ и безчинія), неоплошно, съ великимъ утвержденіемъ» '). Патріархъ не ограничивался, однако, письменными указами, но прямо велѣлъ уничтожать попадавшія на улицахъ музыкальные инструменты, а потомъ и вообще всему народу запретилъ даже держать музыкальный орудія на дому и какія, вопреки запрещение, гдѣ либо оказывались, приказывалъ отбирать и жечь. Объ этомъ свидѣтельствуете Олеарій: «Такъ какъ стали злоупотреблять музыкой—пишете онъ—расп'вава подъ музыку въ кабакахъ, корчмахъ и везді на улицахъ срамныя пѣсни, то нынішній патріархъ, два года тому назадъ, сперва строго воспретилъ существование такихъ кабачкихъ музыкантовъ, и инструменты ихъ, какіе попадутся на улицахъ, приказывалъ тутъ же разбивать и уничтожать, а потомъ и вообще запретилъ Русскимъ всякаго рода инструментальную музыку, приказавъ въ домахъ вездѣ отобрать музыкальные инструменты, которые и вывезены были, по такому приказанию, на пяти возахъ за Москву рфесу, и тамъ сожжены. Впрочемъ—прибавляете Олеарій—Е№м-

) Акты (арх. экой,), Ш, Л» 264.

цамъ дозволяется употреблять музыку въ ихъ домахъ, равно какъ и другу Н*мцевъ, великому боярину Никит*, которому патріархъ многаго приказывать не осмеливается, и который им*еть у себя позитивъ (Positiv) и всякаго рода другіе музыкальные инструменты¹). Въ наказ* (I) монастырскимъ прикащикамъ (XVII в.) предписывалось, подъ угрозою пени, запрещать крестьянамъ играть на музыкальныхъ инструментахъ и держать у себя таковые; прикащики доляши были наблюдать, «чтобы они крестьяне... б*-совскіе игры, въ сон*ли и въ гусли и въ гудки и въ домры и во всякіе игры не играли, и въ дом*хъ у себя не держали... а кто забывъ страхъ Божій и смертный часъ,... учнуть... играть всякими игры и у себя держать,... править пени по пяти рублевъ на челов*ка»²).

Наконецъ, искрення и глубокая ненависть къ скоморошеству благочестиваго царя Алекс*я Михайловича нанесла сословию скомороховъ смертельный ударъ. Вскор* по вступлениі своеемъ на престолъ, царь сталъ заботиться о поднятій нравственности своихъ подданныхъ, приб*гая для этого, еще въ большей степени, ч*мъ это им*ло м*сто при Михаил* ведорович*. къ крутымъ, насильственнымъ м*рамъ: строго приказывалось народу нос*щать церковь, гов*ть,—списки людей негов*шихъ приказывалось присыпать въ монастырскій приказъ, и попадавшимъ въ эти списки грозила опала безъ всякой пощады; предписывалось въ воскресенье и въ Господскіе праздники не работать, въ Филипповъ посты поститься и въ церковь ходить каждый день³) и т. п.; въ въ тоже время, подъ угрозою строгаго-же наказанія, запрещались всякія суев*рныя д*йствія: волхвованіе, чарод*янія, гаданія, а такіе всякія игры, музыка, п*сни, пляски, переряшваніе, позоры и связанное съ народными игрищами пьянство. Все это изложено въ царской грамот*

¹) Подр. опис. путей., въ Москв. 344. Предшественник! Иоасифа, патшархъ Фидареть по свидетельству Олеарш же, запретилъ и ношение на лицахъ упомянутыхъ выше (стр. 105), до некоторой степени сближающихся со скоморохами «халдеевъ» • «Такъ какъ эти забавники пишетъ Олеарш-иричиняли уже черезъ чуръ большівъ неу*вол, став, и даже вредъ, своими потехами крестьянамъ, вообще простомъ, народу а и озременнымъ женщинамъ и такъ какъ отъ потентате огня ихъ была та^е не малая опасность, то бывшій патрархъ окончательно запретилъ эту глупую игру и бWe по городу въ шутовскомъ нарядѣ». (Тамъ же: 315.)

²) Акты юридические изд. археографическою комиссию. 1838 г М ЗЧА

³) Соловьевъ. Истор. Росс. XШ. 153.

отъ 1648 года. Привожу последовательно главнѣй выдержки изъ этого весьма любопытнаго документа, отрывками которого я уже раньше пользовался въ соответствующихъ мѣстахъ настоящей статьи. Данная грамота рисуетъ намъ картину современныхъ Алексею Михайловичу народныхъ увеселеній и игрищъ, главными действующими лицами которыхъ являются скоморохи: « Ведомо намъ учинилось—възщалъ царь въ своей грамотѣ—что въ Бѣлгородѣ и иныхъ городахъ и въ уѣздахъ мѣрскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ, и дѣти въ воскресные и въ Господскіе дни и великихъ Святыхъ, во время святаго ігішія къ церквамъ Божімъ не ходять, и умножилось въ людѣхъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное басовское дѣлство, глумнініе и скоморошество со всякими басовскими играми. И отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъ крестьянѣхъ учинилось многое неистовство: и многіе люди, забывъ Бога и православную крестьянскую вѣру, тѣмъ прелесникомъ скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелеще сходятся по вечеромъ и во всеночныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ, и богохульскихъ и скверныхъ пісней, и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужесково и женесково полу и до сущихъ младенцевъ... (даліе слѣдуетъ порицаніе кулачныхъ боевъ, качанія на качеляхъ, неречисленіе разныхъ чародѣствъ и волхвованій), и медведи водять и съ собаками пляшутъ, зернью, и карты, и шахмоты, и лодыгами играютъ, и безчинное скаканіе и плесаніе, и ноютъ бісовскія пісні... (слѣдуетъ порицаніе обычая скакать на доскахъ на Святой недѣлѣ, а затѣмъ говорится о святочныхъ увеселеніяхъ:) сходятся мужесково и женесково полу многіе люди въ басовское сонмище, по дьяволской прелести, многое басовское дѣлство играютъ во всякой бісовскія игры— а въ навечери Рождества Христова и Васильева дни, и Богоявленія Господня клички бѣсовскіе кличутъ— Коледу. Таусенъ и Плугу (ср. выше стр. 182 указъ патріарха Филарета)... и сказки сказываютъ небыльные, и разнозловіе съ смѣхомъ и кощунашемъ, и души свои губятъ такими помроченными и беззаконными делами, и накладываютъ на себя личины и платы скоморошское, и межъ себя наряда басовскую кобылку водять

(ср. выше указъ патріарха Филарета): и въ такихъ по-
зорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ... (Да-
лее царь переходитъ къ участію скомороховъ въ свадьбахъ:) Да въ городскихъ же и въ уйздныхъ люд-Ьхъ у многихъ
бываготъ на свадьбахъ всяkie безчинники и скверно-
словцы и скоморохи со всякими бесовскими игры; и
уклоняются православные крестьяне къ бесовскимъ пре-
лестемъ и ко пьянству, и отцовъ духовныхъ... наказанія
не слушагать». По йзложениі всбхъ этихъ безчинствъ и
беззаконныхъ д^лъ, грамота предисыпаетъ, приказать лю-
дямъ, чтобы они отъ пьянства уклонились, «скомороховъ
зъ м(д)омрами и съ гусли и съ волынками и со
всякими игры... въ домъ къ себе не призывали,... и
медведей (не водили) и съ сучками не плясали, и ни-
какихъ бесовскихъ дивъ не творили,... богомерзкихъ и
скверныхъ песней (на свадьбахъ и по ночамъ на ули-
цахъ и поляхъ) не пели, и сами не плясали и въ ла-
доши не били, и всякихъ бесовскихъ игръ не слу-
шали, и кулашныхъ боевъ мягъ себя не делали, и на
качелехъ ни на какихъ не качались,... и личинъ на себя
никакихъ не накладывали, и кобылокъ бесовскихъ (не
наряжали), и на свадбахъ безчинства и сквернословія не
делали. А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и
гусли, и хари, и всякіе гудебные бесовскіе сосуды,
и тыбъ те бесовскіе велель вынимать и, изломавъ те
бесовскіе игры, велель ясечь. А которые люди отъ того
ото всего богомерзкаго дела не отстанутъ, и учнутъ впредь
такова богомерзкаго дела держатся, и по нашему указу
темъ людемъ велено делать наказанье: где такое безчин-
ніе объявится, или кто на кого такое безчиніе скажутъ,
и выбъ техъ велели бить батоги; а которые люди отъ
такова безчинія не отстанутъ, а вымутъ такіе богомерз-
кіе игры въ другіе, и выбъ техъ ослушниковъ велели бить
батоги; а которые люди отъ того не отстанутъ, а объ-
явятся въ такой вине въ третіе и въ четвертье, и техъ,
по нашему указу, велено ссылать въ украиные города
за опалу. Одноличноѣ есть нашу грамоту всякихъ чи-
новъ людемъ велели прочесть по многіе дни, чтобы о
богомерзкихъ и о чародейныхъ играхъ всякихъ чиновъ лю-
демъ городскимъ и уезднымъ были ведомы, и съ сей на-

шай грамоты списки слово въ слово разослали въ станы и въ волости, и велели тѣ списки ио торшкомъ прочитать многижды, чтобъ сей пашъ крепкой заказъ въдомъ быль вс!;мъ людемъ»¹). Такимъ почти дословнымъ спискомъ съ этой грамоты представляется известная память Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского прикащику Арбатской слободы²).

Въ другой царской грамотѣ, Шуйскому воеводѣ Змѣеву, отъ того-же года, повторяется сходное-же порицаніе святочныхъ игрищъ, несоблюденіе народомъ праздничныхъ дней, брань, пьянство, а даліе опять упоминается о скомороахъ—дупгѣ всякихъ народныхъ увеселеній: «въ воскресные-ясь дни и въ господскіе праздники и богородичные, и въ среду и въ пятки, и посты игрецы бѣсовскіе—скоморохи съ домрами, и съ дудами, и съ медведи ходять». Указъ этотъ, запрещающей вей перечисленныя въ немъ безчинныя дѣйствія, «веліно въ тѣхъ городѣхъ по улицамъ и по торжкамъ и по крестцамъ, и по переулкамъ, прокликати бирючемъ по многіе дни», чтобы «всякихъ чиновъ люди» нышь и впередъ поименованныхъ «неистовствъ» не творили. Это-же будетъ услышаться, «и тѣмъ людямъ за такія суротивныя христианскому закону за неистовства, быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказанье»³). Несколько лѣтъ спустя (въ 1657 г.), ростовскій митрополитъ Иона счель нужнымъ особою «памятю» предписать, «чтобъ отнюдь скомороховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ не было, и въ гусли-бѣ и въ домры и въ сурны И ВЪ ВСЛЫНКИ И ВО ВСЯКІЯ бѣзовскія игры не играли, и песней сатанинскихъ не пѣли и мірскійхъ, людей не соблазняли: а буде.... поводчики съ медведи учнуть ходити и скомрахи въ гусли и въ домры И ВЪ сурны И ВЪ ВОЛЫНКИ И ВО ВСЯКІЯ бѣзовскія игры играть, и сатанинскія пісні пѣть, и мірскійхъ людей соблажнять, или мірскіе люди тѣхъ скомороховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ съ медвѣдьми въ домы своя пускати, а ему, великому святителю про то відомо учинится, и

¹) Ивановъ. Опис. госуд. арх. стар. дѣль. 296 в сл.

²) Акты истор. (арх. комм.) IV, Л» 35.

») Сахаровъ. Сказ. russ. пар. Прилож. къ народи, дневнику.

тѣмъ людемъ и скомрахомъ и медгѣкимъ поводчпкамъ быть отъ него святителя въ великому смиреній и наказаній безъ пощады и во отлученіп оть церкви»

И такъ грамоты и указы XVII века, запреіцавшіе поименованные выше «безчинства» и «неистовства», по царскому повелію энергически распространялись и неоднократно прочитывались передъ народомъ въ городахъ и селяхъ; заключавшіяся въ нихъ запреіценія подкреплялись угрозами строгихъ наказаній, которыя и приводились въ исполненіе надъ послушниками. «Наказаніе безъ пощады», «великая опала и ясстокое наказаніе», «битье кнутомъ» и «битье батогами», а главное—ненависть самого юного царя Алексея Михайловича къ скоморохамъ, конечно небезызвѣстная властямъ и руководившая дѣствіями последнихъ, все это не могло не оказать сильнаго вліявія на участъ преследуемыхъ царскими указами, преимущественно бродячихъ скомороховъ, главныхъ зачинщиковъ «безчинствъ и неистовствъ».

Около средты X VII ель ка прохоже¹, бродячи ватагами (въ качестве особаго, резко отличающагося отъ прочихъ, презираемаго всеми сословія) «веселые молодцы» постепенно сходять со сцены, а оседлые болт или мешье перерождаются въ музыкантовъ и сценическихъ деятелей на нѣтишій западно-европейской ладъ.

Скоморохъ съ этого времени становится отясившею свой векъ, историческою личностью, хотя все отрасли его поштной деятельности продолжаютъ и ныне ясить и практиковаться въ народѣ:

скоморохъ-пѣвецъ,

древнейшій представитель народной поти (домрачей, гусельникъ), певецъ миоическихъ, богатырскихъ и историческихъ песенъ, уступаетъ место представителямъ зарождающагося съ конца XVI века русского литературной стиха; но живая память о иемъ и по ныне сохра-

¹) Акты (арх. эксп.). IV, № 98.

йается въ народ*, на севере—въ лице сказителя былинъ, а на юге—въ образе певца кобзаря или бандуриста;

скоморохъ-гудецъ

(гусельникъ, домрачай, волынщикъ, сурначай), *прокъ для плясокъ*, превратился въ музыканта-инструменталиста (оркестроваго или солиста), меняющаго гусли или домры на инструменты современаго западно-европейскаго оркестра; въ народе же преемниками его являются остановившіеся приблизительно на прежней элементарной степени развитія, бродячіе или оседлые народные музыканты, частью профессиональные, частью непрофессиональные, изъ среды местнаго населенія: дудари, гудочники, ныне уже почти окончательно вытесненные скрипачами, балалаечниками, лирниками, игроками на гармоникахъ («итальянкахъ») и др. Я уже заметиль раньше (стр. 19), что у Белоруссовъ простонародный скрипачъ до сихъ поръ имѣется «скомороха»;

скоморохъ-плясунъ

превратился въ балетнаго танцора, оставивъ въ свою очередь несомненные следы своего искусства въ народныхъ разгульныхъ, разудалыхъ пляскахъ;

скоморохъ-глумословецъ и смѣхотворецъ,

исполнитель «позоровъ», превратился въ театральнаго актера; но воспоминаніе о первобытномъ виде скоморошескихъ глумовъ и позоровъ уцелело до сихъ поръ въ форме святочныхъ потехъ и шутокъ, творимыхъ ряженными «окрутниками», а равно и въ форме потешныхъ сценъ и фарсовъ, шутокъ и прибаутокъ, импровизуемыхъ и разыгрываемыхъ балаганными лицедеями и потешниками изъ народа, въ форме кукольной комедій, рапака, медвежьей комѣдій и т. п., въ которыхъ бьеть ключемъ народный юморъ, не стесняющійся при этомъ и въ употребленій крепкихъ словецъ,—представленій, едва-ли во многомъ отличающихся отъсоответствующихъ «позоровъ» старинныхъ скомороховъ, за исключешемъ разве недопускае-

маго нын'Ь въ прежней безпредельной мере цинизма и беспы детва.

Вспомнимъ, что, начиная съ конца ХУ и въ теченій XVI и XVII вековъ, при царскомъ дворѣ народные по ташники: бахари, домрачей, гусельники постепенно вытесняются игроками на органахъ, скрипкахъ, цимбалахъ и прочихъ прибывающихъ изъ Западной Европы инструментахъ, а равно и трубными хорами (въ XVII віж''); вспомнимъ, что у московскихъ вельможъ еще въ первой половине XVII столітія мы встречаемъ дворовыхъ шутовъ-скомороховъ или «веселыхъ» игрецовъ, пивцовъ, плясуновъ, а во второй половине того же века, подъ влияшемъ проникающихъ въ это время въ Россію все более и более многочисленныхъ иноземныхъ музыкальныхъ по т^шниковъ. и даже иноземныхъ музыкально-театральныхъ представлений, эти дворовые «веселые» заменяются дворовыми же людьми—актерами, танцовщиками и оркестровыми (на современный западно-европейскій ладъ) музыкантами, сначала подвизающимися на музыкальномъ и музыкально-театральномъ поприщѣ; вместе съ приездами немецкими артистами и, разумеется, подчиняющимися вліянію посл'ѣднихъ, но съ течениемъ времени постепенно приобретающими некоторую самостоятельность, въ качестве представителей зарождающегося русского сценическаго и музыкального искусства.

Какъ-бы ни было грубо и элементарно искусство скомороховъ, но не должно упускать изъ виду, что оно представляло единственную, соответствовавшую вкусамъ народа, въ теченій многихъ вековъ, форму развлечения и утехи, заменявшую ему вполне новейшую литературу, новейшія сценическія зрелища. Скоморохи, какъ показано выше, были древнейшими въ Россії представителями народнаго эпоса, народной сцены; они же, вместе съ темъ, были и единственными представителями светской музыки въ Россіи, а потому повторяю, что вся первая многовековая эпоха исторіи русской светской музыки до средины XVII века можетъ быть названа эпохой скомороховъ. О томъ, ка-

ковъ былъ характеръ и стиль музыки скомороховъ, мы можемъ делать одни лишь предположенія, такъ какъ письмённыхъ памятниковъ они намъ не оставили, да и оставить не могли: они, конечно, нотныхъ знаковъ не знали и, следовательно, песень своихъ не записывали. Предположительныя заключенія о мелодіяхъ последнихъ можно строить по песнямъ преемниковъ скомороховъ—сказителей былинъ и бандуристовъ относительно «великой», а также по практикуемымъ еще въ народе играмъ (на инструментахъ) и песнямъ плясовымъ и разгульнымъ—относительно «веселой» ихъ игры. Къ этому вопросу я возвращусь въ другой статье.

461

4-

Чтение
Музей

БОЖЕСТВА ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ

ИЗДАВАНИЕ

Ал. С. Фамицына.

Спб. Вып. I 1884 г. цѣна 3 руб.

Вып. II приготовляется къ печати.